

Красавица Леночка: Психические войны, или Кто в халате, тот и психиатр

Дорогие читатели! Предлагаемая вашему вниманию работа, продолжающая серию «Красавица Леночка», является экспериментальной сразу в нескольких смыслах. Основу изложения составляют размышления и реминисценции главного героя по имени Джонни, жаждущего поделиться с широкой общественностью своими соображениями о причинах зла в людях и взаимоотношениях между ними. Однако публика встречает творческий порыв героя без особого восторга: его произведения называют «бредом», а самого сочинителя клеймят «неадекватом». И тогда Джонни решает поставить опыт: он регистрируется на крупном специализированном сайте, где представляется экспертом в области психологии, получившим элитное профессиональное образование. Теперь пользователи того ресурса воспринимают его как авторитетного специалиста, у которого они жаждут получить консультацию по поводу своих душевных проблем и трудностей в личной жизни. Такое восприятие вдохновляет героя, непривычного к столь почтительному отношению со стороны других людей. Однако первоначальная его эйфория быстро сменяется печальными раздумьями о том, как твой статус, «успешность» и прочие атрибуты социального ранга оказываются куда важнее в восприятии тебя окружающими, чем ты сам и то, что ты имеешь им сообщить.

А потом... героя самого «накрывает» в реальной жизни. И, как обычно, его незавидной ситуацией спешат воспользоваться не только психопаты, обладающие изумительным чутьём на людей, у которых по жизни серьёзные проблемы, но и прочие типы, склонные к деструктивному поведению. На основании анализа происходящего вокруг и своего собственного опыта Джонни приходит к выводу, что он сам и окружающие его люди живут в больном обществе. Один из центральных симптомов этой патологии – якобы «естественное» стремление людей к доминированию над себе подобными, а также неоправданная, не делающая людей более счастливыми, эскалация собственного потребления за счёт других. Но, как бы ни было выгодно некоторым насаждение подобной идеологии джунглей, в действительности у людей отнюдь не «всё как у зверей», и игнорирование этого обстоятельства ведёт к трагическим последствиям.

При всей специфике данной работы автор остаётся верным традициям всей серии «Красавица Леночка» – писать так, чтобы каждая следующая часть была не менее жёсткой культурной жёстью, нежели предыдущая, или, как говорят в народе, «маразм крепчал». Всем приятного чтения!

Инженеры человеческих душ решают половой вопрос

Окончательно прекратив контакты с Леночкой, и оставшись наедине со своей домашней свалкой, Джонни погрузился в тяжёлые раздумья. В те дни ему не раз вспоминалось его болезненное, также исполненное нелёгких мыслей отрочество, когда он был уверен, что на закате своих дней исполнится безусловной, всепрощающей доброты (по крайней мере, если ему суждено умереть от болезни, а не погибнуть внезапно, совершенно непредвиденно). Нет, разумеется, даже в те далёкие годы Джонни никоим образом не был религиозен. Просто в своих наивных юношеских размышлениях он не представлял, как можно вести себя иначе, когда перед суровым ликом вечности все мелкие обиды и дразги непременно должны уйти на задний план. Почему же тогда теперь, когда в связи с серьёзным ухудшением состояния здоровья, счёт отмеренного ему срока, вероятно, пошёл на немногие месяцы, он по-прежнему оставался таким мстительным? Как дошёл он до жизни такой на закате своих дней? Откуда такая жажда крови и одержимость идеей расквитаться с женщиной, да ещё к тому же душевнобольной, дефективной от природы?

Ему очень важно было сейчас честно дать себе в этом отчёт. Ведь последнее время он очень интересовался проблемой происхождения зла в людях и взаимоотношениях между ними. А здесь оно в упор смотрело на него беззубым оскалом его собственной злости. Но почему?

Когда Джонни задумывался над этим вопросом, ему представлялось, как нормальные люди, офисно – планктонные обыватели, непременно воспримут его историю про Леночку – и в такой интерпретации он был совершенно уверен. Для них она будет всего лишь ничем не примечательным повествованием ущербного и неадекватного неудачника о неразделённой любви к женщине, которой он не был интересен. Ведь Леночка не только никоим образом не находила его привлекательным, но к тому же ещё, как говорят пиндосы, играла в другой лиге.

И, естественно, они не воспримут всерьёз изложенные им соображения о её психопатии. Для нормальных людей, и в первую очередь для женщин, они станут лишь дополнительным свидетельством его неспособности хоть в чём-то вести себя, как мужчина. Ведь вместо того, чтобы уйти с достоинством, когда его отвергли, Джонни, по их мнению, будет изо всех сил пытаться отыграть свои фрустрации и обиды на женщине, вначале вызвавшей его интерес. И, как прозрачно намекала жирный тролль Ронна с психологического форума, рационализировать неудачный личный опыт бредовыми фантазиями о социальных хищниках.

Не смущало нормальных женщин даже то обстоятельство, что Леночка искусственно подогревала романтический интерес к себе у людей, которые не привлекали её как мужчины. Ведь ни для кого не секрет, что мы живём во времена войны полов. А потому, как принято говорить в стране, где на протяжении многих поколений воспевались нешуточные страсти, *à la guerre comme à la guerre*. И в самом деле: многих ли мужчин смущает, например, когда знатный самец, вдоволь наигравшись с женщиной, которую считает недостойной стать своей женой, бросает её? А когда она приходит изливать свой праведный гнев на форумы в интернете, то не встречает там понимания и сочувствия даже среди тёток, которые, подобно мужикам, презрительно называют её обиженкой.

Задумавшись обо всём этом, Джонни начал понимать, что его особенно бесило. Это в первую очередь была насаждаемая нынешней гнилой идеологией стратификация, когда есть альфы, которым позволено всё, и омеги, о которых не вытрет ноги лишь ленивый. Нет, он никогда не сможет примириться с такой несправедливостью. Тем более, за всем этим стоят не просто слова и теоретические концепции, но множество искалеченных человеческих судеб. А кое-кому, несомненно, это очень выгодно. Вон, сколько кругом развелось психолухов, тренеров, коучей, инструкторов НЛП и пикапа, а также прочей нечисти, всячески поучающей через свои тренинги и книжонки: «иди к успеху по головам, бери от жизни то, что тебе нужно, не боясь при этом кого-то обидеть». Или: «Не стесняйся лгать. Учись своевременно распознавать и использовать в своих интересах психологические уязвимости других, играй умело на имеющихся у них нереализованных потребностях».

И что мы имеем в итоге? Психолухов уже как собак нерезаных, и их поголовье продолжает расти, а число людей с психологическими проблемами увеличивается ещё быстрее. Быть может, это связано с усовершенствованием диагностики, открытием новых расстройств? Так нет, оказывается, скорее наоборот. Если взять самую интимную сферу, например, пару столетий назад было распространено такое «заболевание» как «мастурбационное безумие», вызывающее, как тогда считалось, общее истощение, в свою очередь ведущее к чахотке, снижению зрения, нарушению пищеварения и так далее. Теперь же, разумеется, кто как хочет, так и дрочит. Более того, всего несколько десятков лет прошло с тех пор, когда гомосексуализм считался во многих развитых странах психиатрическим диагнозом, включённым как в девятую редакцию Международной классификации болезней (1977), так и в Диагностическое и статистическое руководство. (В DSM-I (1952) гомосексуализм присутствовал как разновидность «социопатического нарушения личности»; он был убран из 7-го издания DSM-II в 1974 году). В СССР, правда, «мужеложство» считалось не нарушением психики, а уголовным преступлением. Сейчас же человека, для которого «лучше нет влагилица, чем очко товарища», конечно, могут назвать п***ром, а то и прибить, но даже махровый гомофоб скорее постесняется назвать его душевнобольным. То есть, многое из того, что считалось ранее патологией в половой сфере, сейчас считается отражающим нормальную вариативность сексуального поведения.

Однако если на разнообразии интимных практик можно смотреть сквозь пальцы, то в случае многих других расстройств это неуместно, так как за ними стоят совершенно реальные человеческие страдания. О распространённости их красноречиво свидетельствует следующий пример. Многие (особенно женщины), когда нет возможности однозначно восстановить точный смысл из контекста, ошибочно расшифровывают сокращение ПА = «половой акт» как «паническая атака». Откуда напрашивается вывод о том, что у многих наших сограждан приступы паники случаются чаще и оказывают большее влияние на их жизнь, нежели половые акты!

Но с чем это может быть связано? Конечно, причины трудно установить с точностью и достоверностью, привычной, скажем, в естественных науках. Однако систематические наблюдения над людьми, у которых психопатологии уже развились, позволяют высказать весьма правдоподобные соображения на этот счёт. Так, одна молодая женщина, которая уже несколько лет страдает серьёзной депрессией и держится на плаву лишь благодаря регулярному приёму психоактивных веществ, рассказывает о себе:

«...Когда подростком поняла, с каким миром мне предстоит уживаться, появилось непреодолимое желание выпилиться отсюда... Я наблюдала за своими одноклассниками, за их лицемерием... Как они смеялись за спиной друг у друга, как ненавидели меня, и у меня же списывали. А потом я в 16 лет попала в интернет, и поняла, что не одни мои одноклассники такие. Тогда я совсем разочаровалась в людях, окончательно и бесповоротно, и не представляла, как жить с этим дальше».

Разумеется, далеко не все душевно страдающие женщины называют столь глубокие экзистенциальные мотивы. Для многих причины носят сугубо личный характер. Полюбила парня, стала с ним серьёзно встречаться... только чтобы вскоре случайно выяснить, что её «любимый и единственный» признавался в своих «чувствах» не только ей, но и её подруге/однокласснице. Зачем он это делал? А как ему ещё было иначе разнообразить свой сексуальный опыт, чтобы «ребята старшие» не чморили его, что ему уже 17 или 18, а у него была всего она одна?!

Конечно, современные технологии позволяют молодёжи вести активную половую жизнь, не опасаясь неуместных на данном этапе репродуктивных последствий, а также сводя к минимуму риск заражения угрожающими жизни заболеваниями, передающимися половым путём. Однако, как говорится, «на голову гондон не натянешь», и нередко не окрепшая ещё, не вполне сформировавшаяся психика подростков (в первую очередь женского пола) оказывается не готовой к взрослым играм и

спровоцированным ими эмоциональным потрясениям. Наиболее драматическими последствиями этого оказываются совершаемые девушками попытки самоубийства на почве «несчастной любви».

Впрочем, у подавляющего большинства юношеский оптимизм всё же берёт верх над неудачным опытом. Вдоволь оплакав свой «первый блин комом», девочки пытаются строить новые отношения, а потом ещё и ещё, однако практически неизменно получают всё тот же неутешительный итог. Как следствие, со временем на смену романтическому идеализму приходят горечь и цинизм: «они все козлы» и «им всем только одного надо». А раз так, то пусть они хотя бы за это дело раскошеляются, учатся красиво ухаживать, а не так, чтобы сразу на них (или под них?) бросаться.

Описанная ситуация, впрочем, представляет собой лишь один из вариантов развития событий. Так, фактически многие девушки изначально исповедуют прагматически – утилитарный подход к отношениям. Это, однако, лишь усугубляет общую ситуацию.

Молодые же люди, от которых ждут красивых ухаживаний, вместо этого усваивают ответную адаптацию: на втором – третьем свидании не дала – значит, она настроена тебя динамить, попутно доя на деньги, как лоха последнего. А потому, какой бы привлекательной она тебе ни казалась, такую сучку лучше сразу послать на х**!

Обескураженные подобной ситуацией, в поисках ответа на вопрос «а как же мне тогда найти свою любовь?», молодые женщины обращались к дамским журналам и в интернет. Где «высокообразованные люди» – психолухи, инструкторы продвинутых курсов пикапа/школ для стерв, просто взрывали их не обременённые знаниями о мире мозги. Оказывается, то, что наивные дамочки считали самым лучшим, светлым и добрым человеческим чувством, представляет собой душевное заболевание под названием «любовная зависимость». Настоящая же любовь – без соплей, нытья и прочих сантиментов – это когда она предоставляет достойному мужчине то, что ему от неё нужно (ну вы же взрослые люди, поняли, о чём речь, верно?) в обмен на его «заботу», выраженную в конкретных материальных благах. Но вот незадача: «достойный мужчина», наверное, не стал бы таковым, если бы не умел считать деньги. А потому не очень – то стремится раскошеляться.

Как следствие такого противоречия интересов, разгорался конфликт полов. А кому-то было очень выгодно его разжигать. Раньше, например, у какого-нибудь парня, даже при наличии серьёзных личных затруднений, могла возникнуть мысль: зачем платить приличные деньги психолухам и иже с ними, если есть масса более разумных способов потратить свои весьма ограниченные средства? Теперь же инструктор «пикапа» мог вкрадчиво сказать ему: «Денег, говоришь, лишних нету? А знаешь, где они? Ну-ка вспомни, сколько бабла ты потратил на девок за последние несколько месяцев? Чувствительно, правда? И насколько вырос за этот период твой сексуальный опыт? А я знаю ребят, которые были раньше такими, как ты, самыми обычными, даже стеснялись на улице к девушке подойти и заговорить первыми, а теперь им даст практически любая, какую они захотят. Просто уметь надо! А я мог бы тебя научить, как действовать. Выбор за тобой...»

Аналогично, всевозможные тренеры, «коучи» и т.д. зывают к молодым женщинам: «Сколько ты заработала за последний год, в частые авральные периоды просиживая в офисе до 12 часов в день и даже время от времени приезжая туда в выходные? И каковы твои реальные перспективы на этой работе, если, допустим, ты родишь ребёнка? А многие девушки когда-то выглядели менее привлекательно, а теперь за миллионеров вышли замуж! Так может, пора уже задуматься всерьёз над вопросом «почему я, такая красавица и умница, живу как дура?», пока ещё не поздно и есть что предложить тому мужчине, который способен по-настоящему оценить?»

Таким или сходным образом продавцы психологической лапши для ушей заманивали тех, кто создавал им (используя в отличном от принятого смысле термин психолухов из несколько иной оперы), первичную выгоду. Вторичную же приносили дошедшие до ручки жертвы посетивших эти тренинги.

Нет, Джонни не мог смотреть спокойно на подобное зло, царившее вокруг, и не собирался с ним мириться. Помимо непосредственного вреда, проповеди психолухов и иже с ними дополнительно оглуляли людей, особенно молодёжь, чьё образование, полученное в последние годы, и без того оставляло желать лучшего.

Так, на Джонни произвело неизгладимое впечатление, как на некоторых форумах восприняли его рассказ о психопатах. Казалось бы, если действительно интересуешься психологией, так прочитай, какие бывают необычные, очень обаятельные и в то же время опасные люди. Тем более, в рунете об этом трудно почерпнуть достоверную информацию из других источников.

Так нет же, вместо того, чтобы просвещаться, они сначала для порядка поинтересуются, какое у него образование, а потом начинается!.. Дескать, это реальный персонаж, она тебя обидела, не дала и т.д., поэтому ты всё это затеял, чтобы ей отомстить. Подумать только: люди, стремящиеся стать знатоками человеческих душ, пишут такую чушь!

Джонни впечатлял сам по себе *argumentum ad hominem* в стиле, который он называл «отрыжка дедушки Фрейда». Ему было совершенно ясно, откуда здесь, как говорится, «ноги растут». Психолухи имели привычку заявлять тем, кто с ними не соглашался: «ты это говоришь, потому что у тебя такая-то проблема». Однако в действительности этот аргумент абсурден в своей неуместности. Так как на самом деле личная заинтересованность в основном только помогала ему изучить психопатов, мотивируя его проявлять активность в этом направлении, пополнять свои знания и делиться ими с другими людьми.

Конечно, каким-нибудь физикам или математикам в этом смысле было проще. Ведь им же никто же не скажет, например, о детской травме, связанной с адронным коллайдером или о тайной страсти к бозону Хиггса! И специалисту по математической логике и теории алгоритмов, изучающему так называемые машины Тьюринга, вовсе не обязательно знать о том, как Алан Тьюринг подставлял другим мужикам свою задницу понятно для чего. Хотя в своё время, конечно, его чопорных соотечественников это настолько взволновало, что довели гениального человека до суицида!

Но, как бы там ни было, сдаваться Джонни не собирался. Он был решительно настроен продвигать свои идеи и знания в массы, нравилось это массам или нет и какими бы бредовыми они ни находили его измышления. Это должно стать той пользой людям, которую он постарается извлечь из своих наблюдений за психопатами, несмотря на все его переживания и совершенные им ошибки.

И Джонни хорошо знал, куда он пошлёт тех, кто скажет ему, мол, ты это делаешь, чтобы ей (или им, так как в его историях фигурировал не 1 человек) отомстить. И в самом деле: зачем говорить такие глупости? Ведь если он бы действительно хотел только ей отомстить, он бы давно уже сделал так, чтобы сучке мало не показалось! И она бы давно уже тогда искала пятый угол своей никчёмной жизни! А книги ради этого писать... нет, это слишком много чести для мелкой сошки. Джонни вспоминал, как Леночке, с её же слов, говорили друзья её любовника: ты всего лишь мелкая сошка!

Но в то же время, Джонни неоднократно ловил себя на очень странной мысли: он никоим образом не желал Леночке зла «просто так», только ради того, чтобы ей было плохо. И если бы она, допустим, заболела, тем более серьёзно, он переживал бы за неё, как за близкого, дорогого человека. Наверное, он бы даже в такой ситуации постарался ей помочь, не жалея средств и сил, но только в том случае, если бы у него была возможность подтвердить сведения о её состоянии, основываясь на реальных фактах, полученных из достоверных независимых источников. Другое дело, конечно, что у него не было реального шанса получить такую информацию...

Кроме того, Джонни никоим образом не мог назвать себя «жертвой» этой женщины. Ведь настоящая жертва проклинает тот день и час, когда она встретила своего обидчика. А Джонни, если бы верил в судьбу, то поблагодарил бы её за то, что свела его с таким удивительным человеком. Ведь именно встреча с Леночкой дала ему возможность открыть для себя и понять очень важные вещи, которых многие люди никогда не узнают. И если бы не это знакомство, даже несмотря на опыт общения с Валенковым и Туповским, Джонни так и доживал бы свой век в неведении относительно психопатов и смежных с данной проблематикой вопросов.

Разумеется, у Джонни не было оснований сказать Леночке «спасибо», так как благодарят тех, кто желает тебе добра и осознанно хочет сделать для тебя только хорошее, а здесь это был явно не тот случай. Но если отбросить эмоциональную, чувственную сторону, то не было у него веских причин и проклинать Леночку. Ведь, если так разобраться, она всего лишь больной человек, демонстрирующий симптомы душевного расстройства, которое в её случае проявляется в причинении людям зла.

И, разумеется, несмотря на всю её ложь, она никоим образом не виновата в том, что Джонни столько времени тупил и тормозил, прежде чем разобрался, с кем имеет дело в её лице и каковы реальные перспективы. Он просто не хотел, чтобы другие брали с неё пример.

А ещё, он хотел дать всем этим гадам – Валенкову, Туповскому, а главное – сучке Леночке, их практически единственный шанс стать продуктивными членами общества, нравилась им такая перспектива, или нет. Джонни был убеждён: даже инвалид, неизлечимо больной человек, может приносить пользу людям хотя бы своей историей болезни, информацией о том, как его организм реагировал на те или иные попытки корректировать его состояние. У Джонни даже то и дело всплывала мысль вспомнить всё, насколько позволяла ему угасающая память, и написать как можно подробнее о своих проблемах со здоровьем. О том, как он мучился с детства, как его не понимали окружающие и даже медики, издевались над ним. Но тут же, правда, такие его благие намерения разбивались о горькое отчаяние от осознания бессмысленности этого начинания. И в самом деле, кому это могло быть нужно? Бюджетные врачи героически отбивались от армий страждущих получить больничный по ОРВИ, бабулек (их гораздо больше, чем дедов – мужчины столько не живут!), приходящих за льготными рецептами и т.д. Для платных же обычно главным было не выяснение истины и не исцеление пациента. Их основной приоритет – снять с него как можно больше бабла, чтобы оплатить аренду, прочий штат клиники, ну и себе побольше в карман положить, разумеется. Да и в любом случае для Джонни было главным, чтобы помогло всем, кто нуждается, даже таким, у кого, подобно ему самому, не было денег.

Но если его собственная история представлялась ему по большей части бесполезной для широкой публики, он собирался положить остаток своих сил на то, чтобы «истории болезни» Валенкова, Туповского, Леночки и им подобных послужили человечеству. По замыслу Джонни, это должно помочь многим людям, которым придётся столкнуться на жизненном пути с подобными типами, минимизировать ущерб, причинённый взаимодействием с ними. Ему также была приятна сама мысль о восстановлении таким образом, пусть и чисто символически, некой социальной справедливости: пусть люди, которых их состояние обрекло быть вредителями и паразитами, невольно помогут (и в первую очередь наиболее уязвимым, у которых высокая вероятность стать жертвами) защититься от таких, как они. А также от тех, кто берёт пример с сучки, использующей людей при помощи не просто обмана, но также игры на самых лучших человеческих чувствах.

Хотя, будь сейчас массовое сознание не на её стороне, если бы «нормальные» люди, среднестатистические обыватели его поддержали, тогда Джонни не держал бы на неё зла. Если бы они согласились с ним, что она всего лишь больной человек, творящий зло по причине своей психопатологии, он встал бы на её сторону и защищал её от обвинений. Более того, если бы у него были лишние средства, он бы тогда поделился ими с нею. Пусть Леночка сделает себе приятное, купит шмотки, раз многие другие, подлинно человеческие радости жизни ей недоступны!

Однако в условиях существующей гнилой российской реальности и ментальности, такая всепрощающая доброта обернулась бы фактически злом. А потому он не собирался лить воду на мельницу психологов, инструкторов НЛП и пикапа, бизнес-тренеров, «коучей» и прочих мразей, поучающих своих клиентов: «Зачем надрываться на работе или ещё где-то? Я научу тебя находить добрых и доверчивых лохов, которые сделают всю неприятную работу за тебя, да ещё будут гордиться, как они благородно тебе помогли». Джонни страстно желал, чтобы эти ненавистные твари все обанкротились. Они были для него хуже психопатов, так как у них, в отличие от психопатов, по сути, был выбор не совершать зло!

Постоянно вводя себя в раж навязчивым повторением в своей голове таких мыслей, Джонни принялся ночь за ночью размещать в разных местах в интернете тексты своих статей со ссылкой на свой сайт. Разумеется, на большинстве этих сайтов его попросту удаляли и блокировали, однако в паре – тройке мест его текст (и ссылки!) всё же оставались, и это вдохновляло его продолжать бессонные поиски «своего» читателя.

Более того, на сайте телепередачи «море лохов плюс», которую вёл знаменитый шарлатан, редактор даже удостоил его статью о психопатах положительного отзыва. Конечно же, Джонни настороженно воспринял восторг тех, кому не хватило разума не заливать обратно в рот уже однажды отвергнутое почками, но всё равно ему было приятно...

А ещё через несколько дней то, что вначале показалось приятным сюрпризом, обернулось горьким разочарованием. Раньше, пытаясь как-то объяснить себе тот факт, почему его никто не читает, Джонни списывал его на малую посещаемость ресурсов, где он размещал свои материалы. Однако некоторые из сайтов, объединённых в сеть «Тесный мир», были весьма посещаемы.

Конечно, Джонни сразу же насторожило название этого внушительного ресурса. Оно вызвало у него крайне неприятные ассоциации с мальтузианским (или социал-дарвинистским?) представлением о перенаселённости планеты, ведущим к выводу о неизбежности борьбы за существование, в результате которой «выживают сильнейшие».

Но потом Джонни увидел там множество статей, написанных психологами, со ссылками на чьи-то сайты, и это его обнадежило. Он подумал: значит, и я мог бы свои статьи так размещать! Кроме того, Джонни не мог не обратить внимания на достаточно большие числа, отражающие суммарное число плюсику под каждой статьёй. А ведь ему очень нужна поддержка читателей! Так хотелось почувствовать, наконец: эти все старания были не зря! Вдохновляемый такими мыслями, Джонни разместил на паре крупных сайтов сети «Тесный мир» свою самую первую статью.

А когда на следующий день он снова зашёл туда посмотреть отклики, его ждал весьма неприятный сюрприз. Как оказалось, на этих сайтах в качестве оценки можно ставить не только плюсы, но и минусы. И именно их, судя по всему, посетители ставили под его статьёй. Совокупная оценка была минус тринадцать. Счастливым числом, – мрачно усмехнулся Джонни.

Таким образом, Джонни получил ещё одно подтверждение своей уникальности и неповторимости. Упорно просматривая множество других размещённых на сайте статей, он так и не сумел найти больше ни одной с отрицательной совокупной оценкой. Все прочие публикации, написанные и подписанные психологами, были настолько «правильными», что Джонни аж тошно стало. И, естественно, читатели восторженно оценивали их множеством плюсику.

Увы, это было совсем не то свидетельство его исключительности, о котором мечтал Джонни! Пытаясь выяснить причины такой «народной любви», Джонни набрался решимости почитать комментарии. Большинство их были немногословны: Бред. Бред. Бред. И по несколько плюсику под первыми сообщениями такого плана. Потом кто-то шибко умный решил раскрыть тему, по крайней мере, настолько, насколько ему позволяло его понимание, и вынес свой вердикт: обиженка. Его, впрочем, вскоре поправили: обиженец. Обиженок. Таким образом, ещё несколько комментаторов поупражнялись в склонении по родам оскорбительного незатейливого неологизма. Одна дама даже сочла нужным пояснить замену словоформы: писал мужчина. Другая, правда, тут же ей возразила, дескать, титул «мужчина» ещё нужно заслужить, а судя по статье, автору это не светит!

Разумеется, Джонни сразу же стало тошно это читать. В те досадные минуты ему вспомнилось, как ещё в отрочестве, когда у него что-то не ладилось (а у него практически ничего никогда не получалось, за что бы он ни брался) ему говорили: «в твоих неудачах виноват только ты, и нельзя винить в этом кого-то ещё. А тебе нужно сделать соответствующие выводы и извлечь уроки. В противном случае ты так и останешься один, никем не признанный и никому не нужный».

Тогда, ещё в детстве, его это очень пугало. Маленький Джонни при этом начинал чуть ли не в слезах говорить о том, какой он неудачник и просить окружающих научить его жить. Практически все другие люди сразу представлялись ему тогда если не умнее, то, по крайней мере, мудрее, разумнее его с практической точки зрения.

Сейчас же, оглядываясь назад, Джонни неожиданно осознал, какой важный путь он прошёл с тех пор. Конечно же, за прошедшие годы его популярность не только не возросла, но, напротив, он стал вызывать более активное отвержение со стороны людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Зато как изменилось его восприятие ситуации! Теперь он не только не обращался ни к кому за советом, но если кто-то позволял себе подобное (якобы из благих побуждений, видя, как он мучается по жизни), Джонни грубо обрывал их, говоря: не учите меня жить, и я не пошлю Вас на х**!

И презрительно наблюдал, как другие внимали советам психологов не винить в своих трудностях никого, кроме самих себя. Вот и в сложившейся ситуации, как бы она ни была ему неприятна, Джонни не собирался упрекать собственную персону в неспособности других людей оценить его по достоинству. Что ж поделать, если семья и школа не позволили им подняться на соответствующий уровень?

И он никоим образом не собирался сдаваться. Не нравятся мои статьи? Значит, я буду их вывешивать на ваших сайтах, чтобы вы ставили свои минусы до тех пор, пока моё творчество не начнёт вам нравиться! – рассерженно думал Джонни.

В то же время, даже видя проблему не в себе, а в читателях, Джонни всё же очень хотелось выяснить, в чём же они были «неправильными»: а вдруг это поможет ему найти к ним подход, адаптировав своё изложение под реально имеющиеся у них взгляды и знания?

Таковы были мысли Джонни, когда он принялся изучать аудиторию «Тесного мира». Конечно, непросто было сформировать исчерпывающие представления о людях, отталкиваясь от их откликов на чужие статьи. Но в этом Джонни помогало то обстоятельство, что комментирование статей психологов обычно превращалось в виртуальный междусобойчик завсегдаев, где люди говорили скорее о наболевшем, нежели непосредственно по вопросам, затронутым в публикации.

Хотя женщины были более многочисленны, Джонни зачем-то начал своё исследование аудитории сайтов «Тесного мира», на которых он обычно бывал, с мужчин. Первым, что Джонни узнал об этих представителях сильного пола, было то, в ком они видели своих самых заклятых врагов. Таковыми оказались... одинокие женщины с детьми, которых эти мужчины упорно (вне сомнения, оскорбительно) обзывали «разведёнками с прицепом».

Пытаясь прояснить для себя причину подобного отношения, Джонни попытался на основании сведений, почерпнутых из множества комментариев, восстановить, насколько это было возможно, жизненную ситуацию упомянутых джентльменов. Разумеется, у каждого из них она была в какой-то мере индивидуальна, и в то же время у многих были общие черты. Так, значительной части этих мужчин было уже где-то в районе сорока и они были разведены. Вероятно, многие при этом надеялись найти более молодую и очаровательную замену своей всё больше теряющей сексуальную, да и просто человеческую привлекательность жене.

Некоторым и них, похоже, это всё-таки удалось, однако у этой части наверняка нашлись более интересные или важные дела, нежели сидение на сайтах сети «Тесный мир». У остальных же, судя по всему, так и не получилось найти себе молодую красавицу, либо они сочли, что она не стоит того что просила за свою благосклонность. А поскольку с бывшими жёнами они также успели сжечь все мосты, да и не тянуло их особо обратно, этот вариант для них также отпадал. В результате, им оставалось по большей части удовлетворяться лишь злословием на виртуальных сеансах коллективной словесной мастурбации.

Разумеется, их ситуация в известном смысле незavidна. Ведь даже у ругаемых ими на чём свет стоит «разведёнок с прицепом» есть хотя бы преданные потомки, которые смогут позаботиться о своих матерях в старости. Эти же красавцы – мужчины, грубо говоря, так и остались с х**м, который им даже и пристроить толком на постоянной основе некуда.

Впрочем, ещё хуже, чем о женщинах с детьми, они отзывались о мужчинах, которые вступали в брак или серьёзные отношения с разведёнками. Надо было видеть, с какой ненавистью активисты сайтов сети называли этих мужчин «оленьями». Возможно, многие из них при этом думали о своих бывших жёнах, на личную жизнь которых они смотрели по принципу «сам не ем и другому не дам».

Но что же тогда препятствовало каждому из этих доблестных мужчин найти себе свою разведёнку с прицепом? В качестве причины нередко называлось нежелание кормить чужой выводок. Однако, как быстро просёк Джонни, во многих случаях это была всего лишь отмазка. Ведь в реальности-то как раз молодые красавицы, которых эти мужчины страстно желали, были бездонными дырками, легко затягивающими без остатка даже солидный доход. А среди работающих и работающих разведёнок с прицепом было полно женщин, способных прокормить не только себя и своих детей, но и подобного кавалера.

Некоторые мужчины, впрочем, откровенно называли другую причину. Для них взять женщину с ребёнком означало признание собственной несостоятельности как «самца». Они говорили о том, как дети, рождённые от других мужчин, вызывали у них органическое неприятие. Читая подобные реплики, Джонни захотелось разобрататься, чем же так отталкивает мужчину чужой ребёнок. Своё исследование этого вопроса он начал с мысленного эксперимента.

Джонни попытался представить себе, как мужчина растит ребёнка, даже не догадываясь, кто на самом деле биологический отец. Увы, далеко не все женщины верны своим мужьям, а потому такое случается сплошь и рядом. Однако если суровая правда не раскроется, станет ли мужчина хуже относиться к ребёнку, как-то уловив на биологическом уровне его чужеродность? Сомнительно...

Впрочем, Джонни вскоре осознал серьёзный методологический дефект своего мысленного эксперимента. Кто может поручиться, что женщина, знающая, чьего ребёнка она на самом деле выносила и родила, никак это не обнаружит в общении с «официальным» якобы отцом? Возможно, сама того не желая (надо думать, это не в её интересах!), она может время от времени подавать невербальные сигналы своему мужу, как бы сигнализирующие: а я-то знаю на самом деле, какой ты лошара – рогаговец!

Когда Джонни размышлял о путях обхода этого методологического затруднения, ему почему-то вспомнилась печальная история его бывшего одноклассника. Вообще, Джонни не раз отмечал, как, несмотря на плохую и неуклонно ухудшающуюся память, он вполне сносно запоминает истории, в которых фигурирует смерть и/или тяжёлые болезни. Вот и на этот раз он вспомнил рассказ однажды встреченного им бывшего одноклассника, у которого скончался ещё в сравнительно молодом возрасте (мне сейчас самому столько, – с ужасом подумал тогда про себя Джонни) старший брат, а затем умерла от родов жена.

Джонни не сомневался, что Шурик (так звали одноклассника) был настоящим отцом своего ребёнка. Но ему интересно стало представить себе другие возможные варианты. Наверное, узнай Шурик, что настоящий отец другой, он, при всей своей порядочности, пусть и подсознательно, но выместил бы свои фрустрации на ребёнке. Тем более, отомстить мёртвой жене у него уже не было возможности. И Шурик повёл бы себя таким образом, вероятно, даже в том случае, если бы его жену на самом деле оклеветали. Конечно, Джонни не мог себе представить, кому и зачем могла понадобиться такая низость, как возводить поклёп на умершую женщину, но почему не вообразить такой вариант развития событий?

В то же время, даже если бы Шурик не был настоящим биологическим отцом, но не знал об этом, данный факт не помешал бы ему любить ребёнка, которого он считал бы своим. Если, конечно, не рассматривать случаи, вопиющие с фенотипической точки зрения, например, рождение негрёнка или косо/узкоглазого.

Таким образом, получается, фактическое отношение Шурика к растимому им ребёнку определялось бы не реальным их родством, а когнитивной схемой, существующей в его голове относительно роли настоящего и фиктивного отца. Однако такие представления не возникают в мозгу каждого отдельного индивида *de novo*. Скорее, они живут в коллективном бессознательном данной культуры. Но кто же тогда их туда поселяет?

Разумеется, в формирование позиций обычного человека по тому или иному вопросу обычно вносят вклад различные факторы. А в нашу эпоху агрессивных рекламных кампаний важную роль играют в первую очередь те, кому это выгодно с экономической точки зрения. Поэтому, к сожалению, в данном вопросе не обошлось без существенного влияния расплодившихся нынче организаторов психотренингов, инструкторов пикапа и НЛП, коучей и тому подобных типов. Чему же они учат свою паству?

Одно из центральных положений их проповедей, особенно важное с точки зрения рассматриваемых вопросов, заключается в утверждении, что *homo sapiens* представляет собой турнирный вид (даже если они не используют явно такую терминологию). Согласно определению, это означает, что представители одного пола (обычно и в данном случае мужского) борются между собой за возможность спариваться с представителями другого. У турнирных видов большинство особей конкурирующего пола не побеждают и соответственно никогда не спариваются, в то время как практически все представители противоположного пола совокупляются с небольшой группой победителей. Ранг самцов у таких видов обозначается греческой буквой от альфы (для обозначения доминантных особей) до омеги (самый низкий статус).

Продавцы тренинговых и тому подобных услуг нашли в такой обезьяньей иерархии для себя очень удобную нишу. Ведь психолуху или иному профессиональному полоскателью мозгов очень важно объяснить (потенциальному) клиенту, почему тот должен платить ему деньги, по сути, просто за трёп. В этом гильдиям мозготрахов также очень помог специфический симбиоз с индустриями, торгующими женским телом, изображениями женского тела, а также чем угодно при помощи изображений женского тела. Наглядные пособия, в огромном количестве создаваемые названными отраслями, помогали инструкторам должным образом мотивировать своих адептов, разжигая в их сердцах (точнее, несколько ниже) сильный огонь желания. Мудрые наставники призывали своих учеников не стыдиться своих чувств, отражающих, как следовало из их слов, естественное предназначение мужчины. Последнее же состояло в том, чтобы передать потомству как можно больше копий своих генов, т.е. фактически оплодотворить максимально возможное количество женщин, так как репродуктивные возможности каждой отдельной женщины принципиально ограничены продолжительным сроком гестации и прочими объективными факторами.

Ну а поскольку (практически) все мужчины хотят одного, реальные возможности спаривания для конкретного мужчины ограничены действием жёсткого полового отбора. Согласно учению, преподносимому инструкторами пикапа и тому подобными своим слушателям, женщины, у которых есть выбор, неизменно отдают предпочтение мужским особям более высокого ранга. Таким образом, низкоранговым самцам светят лишь те самки, которых больше никто не захотел.

Но как же тогда бедному юноше попасть в узкий круг «тех, кому дают»? Один из путей заключался в том, чтобы достигнуть реально высокого положения в обществе. Однако для этого, как минимум, сначала нужно потратить несколько лет на получение хорошего образования. И даже это, увы, не является гарантией – примером тому многие весьма грамотные люди, прозябающие в нищете и безвестности и уж точно не пользующиеся благосклонностью шикарных женщин. Другой вариант – стать плохим парнем, который не

останавливается ни перед чем. Но этот путь статистически чаще в итоге приводит не в объятия красавиц, а в могилу раньше времени или в тюрьму.

Впрочем, как утверждают гуру «науки и искусства» оболъщения, в таких драматических шагах и нет необходимости. Достаточно воспользоваться великим тайным знанием, которое они предлагают своим (потенциальным) адептам по сходной цене. Если освободить его от риторики, предназначенной прочно фиксировать такие словесные макаронные изделия на ушах учеников, оно фактически сводится к следующему.

В своём выборе партнёра женщина (человеческая самка) в значительной степени ориентируется на знаковые стимулы («релизеры»), позволяющие ей быстро идентифицировать «качественного» (доминантного) самца. Таким образом, мастерство соблазнения во многом сводится к умению подавать соответствующие сигналы, вызывающие с её стороны рецептивное (т.е. показывающее готовность к спариванию) поведение.

Казалось бы, что здесь такого? Ну и играли бы большие мальчики в свои игры! Но, к сожалению, негативные последствия моды на такие игры слишком велики, чтобы оставлять этот вопрос без внимания. Каковы же наиболее вопиющие негативные стороны?

Когда этот подход становится достоянием слишком большого числа неокрепших молодых умов, не способных критически оценивать распространяемую ради чьей-то коммерческой выгоды сомнительную информацию, возникают опасные идеологические тенденции. Среди них можно отметить:

– Взгляд на женщину не как на человека, на многогранную личность, но как на объект сексуальной охоты.

– Одной из основных тактик, применяемых в процессе такой охоты, является, по сути, обман, формирование ложных ожиданий.

– Женщины, не обладающие достаточной сексуальной привлекательностью в силу возраста или отталкивающей внешности, рассматриваются как биологический мусор и отношение к ним соответствующее.

– Женщина рассматривается как примитивно организованное существо, ориентирующееся в первую очередь на базовые релизеры животного характера, такие как материальные ресурсы, социальный статус потенциального партнёра и т.д. Фактически, при таком подходе «человеческая самка» редуцируется до уровня трёхглазых колюшек Нико Тинбергена. В его опытах, правда, фигурировали самцы, атаковавшие «всё, что движется» с красным брюхом. Однако смысл схожий – защита своей территории, т.е. в итоге отстаивание собственных репродуктивных интересов в борьбе с особями своего пола.

– Какие – либо моральные обязательства перед женщиной, с которой произошло сближение, рассматриваются как неуместные, так как якобы противоречат естественной склонности мужчины спариться с как можно большим числом самок.

Не меньше вреда приносят и последствия развёртывания конфликта между полами, возникшего в результате популяризации описанной идеологии. Одним из первых таких отрицательных последствий, как это обычно происходит в мире животных, стало развитие в женском сообществе контр – адаптации в ответ на данный вызов. К сожалению, она оказалась по большей части недифференцированной, т.е. все мужчины сваливались в одну кучу как класс, угрожающий интересам женщин.

Причина такой неразборчивости опять-таки оказывается во многом связанной с продвижением кем-то своих финансовых интересов в ущерб истине. В самом деле, какой психолух или просто досужий блоггер станет писать о строго определённой группе мужчин? Ведь это же ставит его в конкурентно невыгодное положение по сравнению с теми авторами, которые пишут обо всех мужчинах сразу!

Естественно, этот эффект только усиливался по механизму своего рода положительной обратной связи и предвзятости подтверждения за счёт уже сформировавшейся у многих женщин косности мышления после прочтения массы статей о «всех мужчинах». Или хотя бы всех «нормальных», «достойных», «адекватных» мужчинах. Будь у таких читательниц чуть побольше критического мышления, они бы либо пересмотрели свои представления о понятии «достойный мужчина», либо осознали, как то, что им представляется положительным и важным, имеет серьёзные оборотные стороны.

В итоге, значительная часть представительниц «прекрасной половины» человечества пришли к убеждению: мужчины, по крайней мере, представляющие реальный интерес, таковы по своей природе, и ничего с этим не поделать. Женские же тренинги, психолухи, блоггерши и т.д. излагали стратегию адаптации к животнo-похотливой природе мужика примерно так: «Хочешь? А я хочу видеть, как мой мужчина вкладывает свои ресурсы в свою семью, своих детей, ну а для начала, в свою женщину. Иначе это не мой мужчина». Или что-то в этом роде.

Но потом пришли ещё более ушлые психолухи, инструкторы и т.д., которые открыли «школы стерв», где женщин обучали «усовершенствованному» варианту приведённой выше схемы приспособления к природному непостоянству мужчин. Ухаживает мужчина за тобой? Так не надо ему говорить: «Ты хороший парень, но у нас ничего не будет». Пускай надеется! И даже если ты на 100% уверена, что никогда не выпьешь столько, чтобы лечь с ним в койку и всё такое, зачем отказываться от такого заботливого, пусть и безответно влюблённого «друга»? Пользуйся им, пока у тебя есть такая возможность! Потом, его же никто не заставляет за тобой бегать, и ему никто ничего не обещал, верно?

По мере роста популяции очаровательных женщин, хорошо освоивших такие приёмы, поле битвы полов оказывалось усеянным всё большим числом жертв мужского пола, потерявших большие средства и нервы, прежде чем они поняли, как их попросту развели и использовали. Теперь инструкторам пикапа и тому подобного было ещё проще убеждать робких молодых людей, недоумевавших: разве хорошо так поступать с девушкой? Однако дальше всех, пожалуй, в этом направлении пошёл один провинциальный инженер, зарекомендовавший себя как крупный специалист в области... мизогинии.

Свой опус он претенциозно озаглавил «Женщина. Руководство для мужчин». Этот эпический труд фактически состоит из двух частей. В первой автор пытался подвести под своё сочинение солидный этологический и антропологический фундамент. При ближайшем же рассмотрении данный раздел представляет собой пересказ чужого видения (причём, увы, отнюдь не самого достоверного фактически) истории взаимоотношений полов, начиная с древнейших времён, щедро разбавленный досужими фантазиями самого автора.

Вторая же представляет, по сути, перевёрнутое заменой полов повторение ошибки женщин, которые, начитавшись статей женских тренеров и различных психологов о коварстве мужчин, сделали выводы обо всех мужчинах как классе. Автор обсуждаемого руководства для мужчин представляет женщину как существо по своей натуре алчное, продажное, лживое, склонное к обману и манипуляциям, а потому изначально не заслуживающее доверия независимо от её поведения. И, конечно же, по его мнению, место женщины – кухня и спальня. Так как если она пытается сделать карьеру, то уже не сможет реализоваться как самка.

Свою домогостроевскую проповедь автор женоненавистнического опуса преподносит как серьёзную науку. Однако к своим заключениям он приходит весьма сомнительным с методологической точки зрения способом. По сути, его выводы касательно женщин основываются на «историях из жизни», т.е. байках, рассказанных ему мужчинами, так или иначе пострадавшими от «женского произвола». Даже если предположить (в чём на самом деле нет оснований быть уверенным) исключительную правдивость его рассказчиков и корреспондентов, сам принцип построения умозаключений в данной ситуации содержит элементарную логическую ошибку, за которую должно было быть стыдно даже школьнику. Рассуждения, по сути, ведутся по схеме: «так как некоторые объекты класса Ж обладают свойством ТП, то, получается, все они такие». Однако в действительности это никоим образом не исключает существование в природе такой Ж, которая не ТП! Возможно, автор просто такую не искал, или, даже случайно встретив, не был способен или достаточно мотивирован разглядеть.

Джонни поймал себя на мысли, что, рассуждая таким образом, он мог бы счесть всех психопатами – ведь он знал достаточно много примеров импульсивного и бессердечного поведения разных людей. Собственно, подобным образом, наверное, Никколо Макиавелли в своё время пришёл к циничным выводам о природе человека. Однако Макиавелли занимался политикой, а в этой сфере люди особо не стеснялись в средствах, как в те времена, так и теперь. Подобным образом, некорректно распространять выводы, сделанные на основании историй взаимодействия с женщинами, демонстрировавшими особо деструктивное поведение, на всю женскую популяцию. Ситуация усугублялась отсутствием у господина инженера людских душ систематических представлений о разнообразии черт человеческой личности, хотя бы на уровне девушек с форумов по соционике. Владение такой классификацией помогло бы ему отделить зёрна от плевел, хороших женщин от плохих. А впрочем, он в этом в любом случае не чувствовал потребности – для него все женщины были по определению низшими существами.

Однако восторженных поклонников его словотворчества это не смущало. Они теперь знали, кто их подлинные враги: женщины. Но невдомёк этим мужчинам было, сколь негативную роль играл в их жизни этот кумир и ему подобные. Ведь проповедуемая им идеология в значительной мере закрывает для них возможность построить полноценную личную жизнь. В самом деле, если более «доминантный самец» может заманить женщину ресурсами (реальными или ложно афишируемыми), то этим людям остаётся только найти ту, которая их примет и оценит такими, как есть, и ради подлинного душевного союза будет готова испытывать несколько большие житейские неудобства, нежели другие женщины. Однако это требует доверия и открытости со стороны мужчины, а не враждебно – параноидной мизогинии, проповедуемой автором «руководства».

Знакомство с подобными материалами различных психологов, тренеров, коучей, а также блоггеров и сочинителей типа упомянутого инженера – женоненавистника, производило на Джонни неоднозначное впечатление. С одной стороны, они вызвали у него насколько сильное омерзение, что ему противно было их читать даже по диагонали. С другой – они позволили ему сформировать более детальное представление об окружающем его мире зла, противостояние с которым составляло основное содержание его деятельности.

Одной из центральных составляющих этого зла представлялась ему идеология, согласно которой основное предназначение мужчины – человеческого самца заключалось в том, чтобы выиграть в крысиных бегах с себе подобными. И ведь многие действительно пытались жить по такому принципу, словно постоянно меряясь пиписьками с другими. Цель участника гонки сводилась, по сути, к максимальной эскалации потребления, когда люди стремились к обладанию многими вещами лишь ради того, чтобы продемонстрировать другим способность себе это позволить.

Приносило ли это победителям реальную радость жизни? С одной стороны, сами многие участники забега грезили, как успех откроет им доступ к самым шикарным человеческим самкам. В то же время, с

таких животных позиций женщина представлялась не более чем куском мяса для удовлетворения похоти. Ведь, согласно учению пресловутого инженера, предназначение мужчины заключалось в оплодотворении как можно большего числа самок. И с этой точки зрения уже оказывалось не просто глупо, но противоестественно держаться позиции «я её люблю, и другая мне не нужна». Для самих же женщин в марках такого подхода мужчина представлялся в первую очередь источником материальных благ, «ходячим банкоматом», а не живым человеческим существом.

В то же время, когда Джонни слушал одного из ведущих экспертов в области изучения близких отношений, Джона Человека Божия, тот неустанно повторял, как важно, чтобы партнёры были в первую очередь друзьями. Как утверждал данный специалист, о своём партнёре следует знать, в частности:

- Кто его лучшие друзья, и какие люди его больше всего раздражают;
- Какие проблемы он переживает в настоящее время;
- Его заветные мечты и жизненную философию;
- Кого из своих родственников он любит меньше всего.

Кроме того, согласно мнению упомянутого эксперта, по-настоящему близкого человека слушаешь уважительно даже тогда, когда с ним не соглашаешься, и вам всегда интересно поговорить друг с другом.

Однако такой взгляд был едва ли не полной противоположностью проповедам, исходящим от гуру пикапа, инженера и иже с ними. В их учениях, самым ужасным для мужчины было стать другом женщины. Для них это лох, которого просто используют. И даже когда у них нет совершенно никаких оснований заявить, что человека используют как «банкомат» или источник бесплатной рабочей силы, его объявляют «эмоциональной помойкой», в которую сливают весь негатив по поводу отношений с действительно полноценными мужчинами.

Здесь, конечно, может возникнуть вопрос, почему же тогда в общении с настоящим мужчиной столько негатива, что его нужно регулярно кому-то сливать, однако главное даже не в этом. Ужаснее всего, наверное, то, как мужчинам, и в первую очередь молодым, прививается взгляд на женщину как на дырку от человека, предназначенную для удовлетворения сексуальных потребностей.

Другой важной составляющей подлинной любви является преданность, готовность всегда оставаться рядом с человеком, что бы с ним не случилось. Но инструкторы многочисленных тренингов и писатели книжек «помоги себе сам» проповедуют, опять-таки, диаметрально противоположные установки. Они наставляют своих адептов решать вопрос о продолжении или прекращении отношений исключительно на уровне сравнения альтернатив. А самой большой и позорной глупостью объявляется сильная привязанность к другому, и особенно «любовная зависимость». Человек, который не может найти в себе силы отказаться от того, к кому испытывает сильные чувства, объявляется чуть ли не психически нездоровым.

В результате, в жизни даже самых успешных, тех, кому завидовало подавляющее большинство остального населения, не было настоящей любви. Нет, разумеется, у них практически всегда были очень привлекательные для многих половые партнёры. Некоторые умудрялись встречаться даже с несколькими параллельно. Но уместно ли говорить о настоящем чувстве к партнёру, чей внутренний мир тебе толком не известен и даже не интересен? Или когда ты, как бы ни клялся в любви к конкретному человеку, всегда готов перевернуться к другому, если тот сумеет доставить тебе более острые ощущения от физической близости?

Некоторые, конечно, по-прежнему придерживались традиционной терминологии, предпочитая называть свою возню по поводу удовлетворения в первую очередь сексуального драйва (мужчины) или неоправданных материальных потребностей (женщины) в отношениях любовью. У кого-то даже могли выграть эмоции, вызывая кратковременные проблески добрых, искренних человеческих чувств. Однако в основе их обычно лежал романтический самообман, когда в не познанном толком человеке видели того, кого хотели увидеть. Такие иллюзии нередко разбивались вдребезги о слова «дорогих и любимых»: «между нами ничего серьёзного не было, нет и быть не могло. Не знаю, зачем ты себе всё это придумала». В результате, больно раненые сердца заживали всё более грубыми шрамами цинизма. Те же, чьи раны подолгу не затягивались, становились лёгкой добычей всё более многочисленной орды психотерапевтов.

Впрочем, как бы горько ни плакали богатые, в любом случае отнюдь не судьбами этих успешных с житейской точки зрения людей были заняты мысли Джонни. Ведь для него, с его представлениями о социальной справедливости, они и без того смогли урвать диспропорционально много жизненных благ. Его же сердце было с теми, у кого не было практически ничего и никого. В современном ему мире, где то, что у тебя, ценится гораздо больше того, что есть в тебе, их материальные лишения усугублялись презрением окружающих.

Я б в психолухи пошёл

Однажды, когда Джонни был погружён в такие раздумья, ему вспомнился очень важный, показательный момент его детства, когда он ещё был в состоянии и любил играть в футбол. С ним в одном подъезде жил парень, которого дворовые ребята звали просто «Саня с первого этажа». В те далёкие, несмышлёные годы, Джонни очень удивляла одна наклонность этого товарища. Когда делились на команды, Саня всегда шёл в заведомо более слабую. Джонни, жизнь которого уже в те годы состояла из сплошной

цепи унижений и поражений, тогда было очень сложно понять логику своего соседа по подъезду. Ведь ему-то самому так безумно хотелось хоть иногда почувствовать себя победителем, даже если он был всего лишь запасным игроком выигравшей команды.

Теперь же Джонни поймал себя на мысли, что сейчас себя ведёт подобно тому, как в своё время Саня. За исключением, пожалуй, одного: Саня прекрасно играл в футбол. И потому нередко в остальном заведомо безнадежная команда, к которой он присоединился, оказывалась победительницей. Но Джонни сдаваться не собирался – слишком много сил он уже отдал этому проекту, который теперь считал центральной частью своей жизни. И потому каждую ночь Джонни вылезал в интернет и пытался вывешивать в разные места свои статьи, содержащие ссылки на созданный им сайт, только чтобы утром администратор очередного ресурса (которому, в отличие от Джонни, платили за его деятельность!) безжалостно свёл к нулю все результаты его бдений. Точнее, даже к отрицательной величине, так как с каждым бессмысленно потраченной бессонной ночью и уходящими силами он безвозвратно терял самое драгоценное – время, которого в его жизни оставалось всё меньше.

И единственным итогом деятельности Джонни пока были только печальные, безысходные мысли, возникавшие в его голове, когда он наблюдал происходящее. Такие мысли у него возникли, например, после попытки размещения одной из своих статей на сервисе блогов «Живой журнал России». С одной стороны, это место ему не понравилось сразу, так как практически моментально произвело на него впечатление (как впоследствии выяснилось, вполне верное) логова дерьмократов. Однако с другой, Джонни рассудил так: дерьмократы все такие очень серьёзные, с утра занимаются своей высокодоходной работой, а потому пока суд да дело, – смотришь, и поисковик увидит, даже если потом сотрут... Да если кто из них и прочитает – пусть знают, суки, что в этой стране не все с ними согласны.

Однако на практике события развивались совершенно иначе. Один из дерьмократов практически тут же написал донос, и их лакеи, которые, как оказалось, там дежурят круглосуточно, тут же удалили статью Джонни со стандартной формулировкой «S.E.O.».

Естественно, Джонни был расстроен, но ещё больше изумлён тем, что его заблокировали. Одно дело, если бы это сделал админ тамошнего сервиса, для которого это входило в должностные обязанности, и с которого могли спросить за не удалённый спам (если уж так характеризовать с технической точки зрения статью Джонни). И совсем другое дело, когда рядовой пользователь – дерьмократ (и он действительно был таковым по своим политическим воззрениям – Джонни не поленился прочитать его кредо в профиле) целенаправленно напрягал свою задницу писать жалобу! В конце концов, в своей статье Джонни никого не призывал на баррикады коммунистической революции! Да и выдержана она была, можно сказать, политически корректно в целом. А потому предполагать, что дерьмократ, который, скорее всего, статью даже не читал (Джонни почему-то был полностью уверен в этом!), увидит в ней какую-то параллель между психопатами и теми, за чью власть он ратует, было бы глупо.

В то же время, у Джонни совершенно не было иллюзий по поводу того, как дерьмократы, поливая грязью историю Советского периода, клеймили практику массового стукачества во времена Сталина. Просто тогда доносили не они, а на них. А потому дерьмократы были вовсе не против «проинформировать администрацию», когда для того был достаточно веский повод.

Поскольку у него всё равно сразу не получалось успокоиться, подумав ещё немного над этим, Джонни пришёл, как ему показалось, к правдоподобной версии мотивации дерьмократа. По его представлениям, главным для дерьмократа был Закон. Причём дерьмократический, т.е. такой, который вроде как предоставлял всем, независимо даже от имущественного состояния, равные условия.

Не раз невольно слушая разговоры обывателей в общественных местах, Джонни становился свидетелем того, как эта идея дерьмократов овладевает массами. Он видел, с каким чувством люди говорили: «ах, если бы у нас всё было по закону! Но ведь эти проклятые коррупционеры!..» Джонни же при этом лишь цинично усмехался про себя, представляя реальную картину, безнадежно далёкую от наивных фантазий этих людей, одурманенных пропагандой.

Нет, он не собирался вступать с ними в полемику. Жаркие дискуссии вводили его в раж, и слишком сильное нервное возбуждение горячих дискуссий дополнительно подрывало его и без того очень слабое здоровье. Вместо этого он мысленно представлял себе своего оппонента и его позицию, и начинал с ним воображаемый диалог. Конечно, даже при этом он также возбуждался и нервничал, пытаясь отстоять свою правоту, но всё же не так. Бывало, он даже непроизвольно начинал беседовать с воображаемым оппонентом вслух. К счастью, такие «внутренние диалоги» случались с Джонни по большей части дома – можно себе представить, какое впечатление он производил бы на окружающих, случись с ним такое в общественном месте! Когда ещё была жива и более-менее в своём уме его мама, она в таких случаях говорила: «Хрюшка разговаривает с умным человеком!» Джонни даже находил этот её комментарий забавным. Получалось, в голове его живут как бы два живых существа – Хрюшка и «умный человек», которые иногда ведут беседу между собой. Другое дело, он сам, его основная сущность, непременно оказывалась здесь в роли свиньи.

Вот и сейчас Джонни вёл такой диалог с «умным человеком», пытаясь представить себе капиталистический рай, за который ратовали дерьмократы. Да, жизнь общества будет строиться на основании вроде как общего для всех закона, однако при этом у некоторых будет всё, а у остальных – ничего. И это, согласно идеологии дерьмократов, отражает высшую, биологическую, естественную целесообразность, в соответствии с которой сильные, наиболее приспособленные особи выживают, а

остальные, если и продолжают влачить какое-то время своё жалкое существование, то не продолжают себя в потомстве, будучи носителями дефективных генов, обречённых на вымирание.

Но Джонни не только не был теоретически согласен, но и не собирался мириться с такой системой. Он не так много общался с людьми, но даже при своём ограниченном опыте день за днём наблюдал, как самые честные, добрые и бескорыстные люди становились в этой жизни в глазах других жалкими неудачниками. В то время как другие, используя физическое принуждение, наглый обман или нужные связи пробивались вперёд по головам ни в чём не повинных людей, которые были для них всего лишь презренным быдлом, которое можно и нужно использовать. И Джонни точно знал: так, а может даже ещё хуже, было бы и в капиталистическом раю, в который пытались заманить народ дерьмократы. И сколько бы их идеолухи не вещали про лень как неизбежную спутницу нищеты, просто нельзя было поверить в то, что многие люди, трудящиеся с утра до вечера за копейки, такие бездельники на фоне воротил, получающих в тысячи, десятки и сотни тысяч раз больше денег!

А потому Джонни твёрдо знал: он никогда не примирится с этой системой, которую он считает несправедливой, а потому не собирается признавать её законы, нравятся это кому-то, или нет. Он будет стремиться жить не по законам, а по понятиям. Нет, не тем звериным, бандитским, которыми в 90-е, среди фактического разгула беззакония, пытались руководствоваться многие, а основанным на идеях гуманизма и справедливости.

Будучи человеком трусливым, да к тому же ещё противником насилия, он не собирается поднимать единомышленников на баррикады коммунистической революции с целью перераспределения собственности, хотя считал бы такие меры справедливыми. Нет. Вместо этого, Джонни собирался нести свои знания в массы обделённых, обманутых и униженных, с тем, чтобы они могли отстаивать свои интересы и расквитаться со своими обидчиками.

Да, этим людям могло не хватать даже таких базовых для цивилизованного общества вещей, как качественные продукты питания и квалифицированная медицинская помощь в случае необходимости. Но помимо этого, для них очень важны были знания, которые позволяли бы им уверенно ориентироваться в современном информационном обществе. В принципе, обеспечить человека такими знаниями – задача системы образования. Но как с этим обстояло дело в государстве «равных возможностей», где он жил?

Несомненно, у самих дерьмократов, а также тех, чьи классовые интересы они представляли, т.е. крупных коммерсантов, финансистов и т.д., всё было в лучшем виде. Их выкормыши учились в элитных пансионах за бугром, после чего могли получить высшее образование в западных университетах, либо на наиболее престижных факультетах известных отечественных вузов.

Простым же рабоче-крестьянским детям такие знания были не положены. За них г-н Фурсенко и его приспешники, реформировавшие систему образования, решили: пусть быдло знает ровно столько, чтобы

– С одной стороны, много и упорно работать на хозяина, принося ему большой стабильный доход. Поскольку никто не собирается создавать в этой стране крупномасштабные высокотехнологичные производства, то даже скудных базовых знаний работника в такой ситуации должно хватить, коль скоро он в должной степени мотивирован жадной потреблением работать с утра до вечера, не покладая рук.

– С другой стороны, он не должен быть слишком образован и культурно развит, чтобы избежать критической оценки им предлагаемых товаров и услуг, да и самой своей объективной потребности в них – тогда будет возможность впаривать ему всякий трэш как якобы качественные и абсолютно необходимые для его полноценной жизни вещи.

Конечно, чисто теоретически, в цивилизованном обществе существует механизм, позволяющий достаточно серьёзно настроенному даже взрослому человеку потихоньку не только восполнять наиболее вопиющие пробелы в базовых знаниях о мире, но и следить за новыми достижениями, отражающими ход научно-технического прогресса. Имя такому подходу – непрерывное образование, когда человек в идеале учится чему-то, развиваясь на протяжении всей своей жизни. Это необходимо современным врачам, а также научным работникам и преподавателям высших учебных заведений различной направленности, однако в принципе может исповедоваться каждым человеком, серьёзно настроенным удовлетворять свою жажду познания.

Однако в обществе равных возможностей, по совместительству являющемся информационным, где всё (включая человеческую жизнь!) имеет свою цену, знания также представляют собой товар, именуемый интеллектуальной собственностью. Конечно, последнее понятие чаще всего используется применительно к тем сферам, где о глубине мысли и содержания можно говорить лишь условно.

Так, Джонни нередко вспоминал, как в нищие (для него, как, впрочем, и для многих в этой стране) 90-е он отдавал последние пятнадцать долларов за компакт-диск с любимой музыкой, исполнители которой давно уже перестали петь, и отошли от дел. То есть, тем самым он фактически кормил явно не бедную музыкальную индустрию. В этом, впрочем, Джонни теперь больше винил собственную глупость и свои комплексы, заставлявшие его считать, что пиратские диски заведомо «плохого качества». Ему часто вспоминалось, как он ездил в те годы в магазин на другой конец города, где торговали качественной аудиоаппаратурой и компакт-дисками. Там он то и дело облизывался на технику, выставленную на витринах, и мечтал, что когда-нибудь сможет её приобрести – ведь тогда он ещё не терял надежды, что когда-нибудь у него будут деньги. Но больше всего Джонни из тех поездок запомнился один продавец отдела компакт-дисков того магазина. Печальным взором оглядев шубу из искусственного медведя,

умершего естественной смертью, которую тогда носил Джонни, парень сказал ему: «зачем Вы покупаете здесь? Поезжайте на Горбушку! Там в пять раз дешевле и ассортимент больше! Поверьте, Вы не заметите разницы в качестве, даже если станете слушать на аппаратуре, которую продают в этом магазине». Джонни не мог не обратить тогда внимания на тот такт, с которым продавец как бы намекал ему, что у него никогда не будет средств покупать аудиотехнику в том магазине. Но сколько Джонни ни ездил ещё в тот магазин, больше того парня там не было ни разу. И Джонни не мог не прийти к выводу о том, как в торговле поступают с продавцами, осмеливающимися говорить правду покупателям.

Впрочем, с тех пор Джонни давно уже по большей части потерял интерес к музыке. Теперь он имел возможность найти и скачать из инета практически любую понравившуюся ему когда-то композицию в хорошем качестве (минимум mp3 с битрейтом 256-320, а то и flac), но... не хотел особо.

Что же касается фильмов – другого традиционного предмета боёв на почве правообладания, то к этой теме Джонни всю дорогу относился достаточно спокойно. В кино он последнее время ходил, по сути, только за компанию с Леночкой, естественно, в то время, когда ещё с ней общался. Да и с другими девушками – теми, с кем он переписывался на сайтах знакомств, совместно просмотренные фильмы были для него чем-то вроде проективных тестов, открывающих окно во внутренний мир человека. Ведь ему были очень интересны люди, их внутренний мир, который так хотелось понять. А доставать расспросами человека, с которым не будет дальнейших встреч (те, с кем он знакомился, после того как его видели, как правило, продолжать общение с ним не хотели), было глупо. Более того, в царившей в его городе атмосфере обоснованного в принципе недоверия (слишком уж многие обманывали и использовали друг друга!) и подозрительности, тем более в отношении людей с явными странностями, лучше было не настаивать.

В то же время, Джонни всегда мог на законных основаниях поинтересоваться у женщины, понравился ли ей просмотренный ими совместно (не говоря уже о том, что за его счёт – хотя этого он, разумеется, никогда не стал бы ей высказывать!) фильм. Ведь в такой ситуации было бы очень глупо с её стороны реагировать на его любопытство враждебным вопросом, «с какой целью интересуешься?»!

Что же касается самого фильма, то содержание среднестатистических прокатных картин, которые он смотрел по выбору спутницы вместе с ней, обычно доставляло Джонни мало пищи для ума или чувства. И в самом деле, чем могла зацепить его орава «настоящих мужчин» – стероидных мачо, спасающих планету от пришельцев из недр галактики? О глубине же мысли создателей подобных фильмов говорит хотя бы тот факт, что при том технологическом уровне, на котором якобы велись боевые действия в снятых ими картинах, героям следовало бы тренировать не мышцы, а мозги.

Но увы, там и актёры играли соответствующие. Качки или бабские любимцы типа Тома Круза – кстати, нарциссической проститутки, которого сайентологическая церковь приобрела по сходной цене, чтобы поливать грязью психиатрию и психиатров, а заодно и миллионы ни в чём не повинных душевнобольных.

Были, несомненно, и другие картины – «не для всех». После просмотра подобного замороженного артхаусного высера многие интеллигенты принимались восхвалять глубину и нетривиальность затронутых тем, дабы не прослыть быдлом, не способным понимать и ценить подлинное искусство, адресованное избранным. Джонни же, не входящий в такие круги, да и вообще склонный говорить в подобных ситуациях своё мнение, сколь бы непросвещённым оно кому-то ни казалось, попросту избегал насиловать свои больные мозги такими фильмами.

И было у него лишь несколько – быть может, от силы пара десятков – действительно любимых картин, в основном прошлых лет, в которых он видел особый смысл. Когда-то он даже под настроение неоднократно пытался поделиться своими соображениями относительно этих фильмов с другими людьми, однако их взгляды, словно говорившие «а лечиться не пробовал?», быстро гасили его энтузиазм.

Таким образом, при всём уважении к дедушке Ленину, Джонни было трудно согласиться с его утверждением, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». И соответственно, Джонни не видел веских причин ломать копыя на пиратском фронте, дабы обеспечить всем страждущим свободный доступ к подобному, с позволения сказать, культурному наследию.

Хотя чисто по-человечески ему было жаль людей, слушавших любимую музыку на FM-радиостанциях или смотрящих зацепившие их фильмы по зомбоящику, где реклама длится дольше основного материала. Ведь для тех, кто им это предоставлял, они были всего лишь презренными любителями халявы, время которых ничего не стоило, а потому можно занять его сколь угодно длительным прослушиванием и просмотром рекламных материалов. А впрочем, эти люди, в основном очень молодые, у которых была словно бесцельная вечность впереди, и сами не очень-то ценили своё время.

Не менее сложно у Джонни складывались отношения и с художественной литературой. Во-первых, у него была тройка в аттестате об окончании средней школы по этой дисциплине. Такую ситуацию Джонни связывал с тем, что у него в своё время в подростковом возрасте не было достаточной зрелости, чтобы осознанно читать и понимать классическую литературу. И только уже в «студенческие» (это если бы ему удалось стать студентом, то есть) годы он осознал важность чтения, и старался по мере возможности компенсировать пробелы. С тех пор Джонни гордился тем, что ему удалось в какой-то степени восполнить своё невежество, пусть и по принципу «лучше поздно, чем никогда», знакомством с творчеством классиков, и был по этому поводу весьма доволен собой, чего не скрывал перед другими.

Однако более двух десятилетий спустя после окончания школы он случайно наткнулся в интернете на новость, повергшую его в настоящий культурный шок. Некто Сергей Лукавенко жаловался на кражу (понимая под таковой бесплатное скачивание текстов) своих произведений и грозился прекратить писательскую деятельность. И тогда, мол, серьёзная литература погибнет.

Прочитав данную новость с большим удивлением, Джонни неожиданно осознал, что он:

- Не знает, кто такой этот Сергей Лукавенко;
- Не понимает, каким образом прекращение писательской деятельности г-ном Лукавенко может повлечь за собой крах всей «серьёзной литературы», что бы тот под ней ни понимал;
- А главное, когда Джонни узнал, о чём пишет г-н Лукавенко, и проглядел несколько небольших его работ на предмет «о чём хоть там», то не испытал ни какой-либо насущной потребности *это* читать, ни ощущения, что знакомство с литературными трудами этого господина хоть как-то способствует внутреннему (интеллектуальному и моральному) развитию человека.

На всякий случай «а вдруг я что-то упустил», Джонни поспешил поделиться своими соображениями с представителями молодого поколения, среди которых больше всего читателей г-на Лукавенко. Но в ответ те не только не разделили критического настроения, но заявили, что такая позиция Джонни в отношении известного прозаика продиктована по большей части завистью материальному успеху и славе писателя, которые тот снискал своим талантом.

Однако Джонни совершенно не мог с этим согласиться. Так как по такой логике ему нужно скорее завидовать Шекспиру. Ведь про Лукавенко Джонни узнал совершенно случайно, а о Шекспире знают практически все почти четыре столетия спустя после смерти великого писателя и драматурга. К тому же, говорят, Шекспир был ужасным бабником – чем не повод завидовать для Джонни, явно не обласканного женским вниманием? Но Джонни не завидовал Шекспиру, а восхищался им! Он преклонялся перед гением человека, который одной сценой, где Ромео приходит к бедному аптекарю покупать яд, сумел сказать больше о причинах зла в людях и их взаимоотношениях, чем Джонни когда-либо надеялся выразить в своих сочинениях о психопатах и прочих деструктивных личностях:

ROMEO

Come hither, man. I see that thou art poor:
Hold, there is forty ducats: let me have
A dram of poison, such soon-speeding gear
As will disperse itself through all the veins
That the life-weary taker may fall dead
And that the trunk may be discharged of breath
As violently as hasty powder fired
Doth hurry from the fatal cannon's womb.

Apothecary

Such mortal drugs I have; but Mantua's law
Is death to any he that utters them.

ROMEO

Art thou so bare and full of wretchedness,
And fear'st to die? famine is in thy cheeks,
Need and oppression starveth in thine eyes,
Contempt and beggary hangs upon thy back;
The world is not thy friend nor the world's law;
The world affords no law to make thee rich;
Then be not poor, but break it, and take this.

Apothecary

My poverty, but not my will, consents.

ROMEO

I pay thy poverty, and not thy will.

Apothecary

Put this in any liquid thing you will,
And drink it off; and, if you had the strength
Of twenty men, it would dispatch you straight.

ROMEO

There is thy gold, worse poison to men's souls,
Doing more murders in this loathsome world,

Than these poor compounds that thou mayst not sell.
I sell thee poison; thou hast sold me none.
Farewell: buy food, and get thyself in flesh.
Come, cordial and not poison, go with me
To Juliet's grave; for there must I use thee.

(Exeunt)

Или, если говорить о соотечественниках, то взять того же Льва Толстого, который был граф, значит, сука, богатый. Да к тому же ещё жена у него была на двадцать шесть лет моложе его! Но Джонни не завидовал Льву Толстому, а восхищался его умением всего в нескольких строчках из романа «Воскресение» выразить трагизм потребительского отношения человека к окружающему миру, в первую очередь к живой природе, включая себе подобных (что проявляется в неуёмной тяге властвовать над ними):

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, - весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопающиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди - большие, взрослые люди - не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, - красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».

И хотя атеист Джонни не мог разделить религиозного пафоса Толстого, он считал слова писателя ещё более актуальными в современную эпоху нарциссизма и тотального потреб**ства.

Кроме того, в романе «Война и мир» Толстой с удивительной проницательностью сумел изобразить в персонаже (правда, к сожалению, недостаточно детально прорисованном, чтобы говорить о точном диагнозе) Элен Курагиной патологию личности женщины, во многих существенных моментах похожей на Леночку, о которой писал Джонни.

Аналогично, другой великий русский прозаик, А.П. Чехов, сумел нарисовать удивительно достоверный портрет подобной коварной обольстительницы в своём рассказе «Ариадна». Джонни нравилось приводить в разговорах цитату из этого рассказа: «Когда сойдутся немцы или англичане, то говорят о ценах на шерсть, об урожае, о своих личных делах; но почему-то когда сходимся мы, русские, то говорим только о женщинах и высоких материях. Но главное — о женщинах». И действительно, женщины, подобные чеховской Ариадне или Леночке, о которой писал Джонни, привлекали к себе внимание, а потому о них хотелось много говорить.

К счастью, судя по всему, как романы Толстого, так и рассказы Чехова, всегда останутся в открытом доступе независимо от развития копирастии в этой стране. Что же касается сочинений господина Лукавенко, то пусть он торгуется, сколько ему влезет, со своими фанатами, почём они готовы его читать. И пусть тешит своё гипертрофированное эго мыслями о том, что его успех – следствие немеряного таланта. В то время как для кого-то он всего лишь мартышка с пишущей машинкой, генерирующая фантастический трэш, который позволит отвлечь представителей молодого поколения, которые могли бы научиться думать, от классовой борьбы за свои интересы в реальном мире, и выполняющая таким образом социальный заказ стоящих за её спиной больших дядей с деньгами.

Впрочем, Лукавенко – отнюдь не единственный обитатель мутного болота современной беллетристики. Помимо него там водятся ещё «убойные» тётки, да такие, что если верить рекламе на заборах, весь мир замирает, дабы почитать их шедевры. Они подходят к своему делу очень серьёзно, с анальной тщательностью защищая авторским правом не только свои опусы, но даже имена и фамилии своих героев! Однако при всей серьёзности и обстоятельности их законодательно оформленного литературного бизнеса, им никогда не перешагнуть пропасть, отделяющую похабный натурализм от подлинного, глубокого реализма. И их сочинения не только не угрожают существующей системе, но, напротив, укрепляют её, поселяя в сознании обывателя, не наделённого особо критическим мышлением, уверенность: «Мир так устроен, что в нём даже люди, которых считают самыми близкими, убивают, обманывают и предают. А потому не стоит искать правды, иллюзорной справедливости, а нужно скорее хватать в этой жизни всё, что имеет ценность и плохо лежит, пока это не сделали другие».

Впрочем, романы «криминальных» тёткок представляют ещё отнюдь не самое токсичное (по влиянию на читателя) направление современной «художественной» литературы, особенно женской. Джонни вспоминался его второй визит к Леночке домой – тот самый, когда ему хватило ума (из благих побуждений, разумеется!) сообщить ей её диагноз. Тогда его внимание привлекло стоявшее у неё на книжных полках полное собрание сочинений некой Юлии Штыревой. Очевидно, заметив, как Джонни косился на эти книжки, Леночка хладнокровно заметила: «это моя мама читает». Но Джонни тогда уже, вооружённый

новыми знаниями о психопатах, во многих случаях мог видеть её ложь насквозь. Естественно, он понимал, что хотя это Леночкина мама приехала в город из мордовской деревни, а Леночка родилась здесь, содержание мерзкого чтива отражало *modus operandi* скорее дочки, нежели матери – насколько он мог судить, несчастной, порядочной и трудолюбивой женщины, которую судьба неизвестно за какие грехи прокляла, «наградив» таким ребёнком.

Как Джонни на тот момент уже знал из случайным образом увиденных в интернете отзывов, главная героиня романов (вероятно, автобиографических?) этой Юлии Штыревой – юная провинциалка, приехавшая покорять Москву. Основные орудия, используемые этой особой при штурме славного города – её собственные рот и промежность, которыми она ловко воздействует на мужское достоинство солидных мужчин, словно пытающихся доказать (в первую очередь самим себе?), что они ещё способны не только деньги грести. Ну а потом её главного «папика» грохнули. Впрочем, учитывая, как в этой стране обычно богатеют, это событие удивляет только тем, что оно не произошло раньше. Однако бойкая девица не растерялась, и не только смогла уйти от преследовавших её киллеров (ну мужика убили – понятно, а подстилка-то его кому мешала?! если только, может, как свидетельница), но и проложила себе (всё теми же интимными местами, разумеется) путь к богатству и независимости.

Джонни, впрочем, больше всего поразил даже не такой поворот в судьбе, по сути, облигатного паразита. Скорее, он нашёл очень символическим, что героиня, подобно самой писательнице, обретает самостоятельность, выучившись на юриста и психолога. Джонни прекрасно понимал: на самом деле, худшие шлюхи в этой жизни – вовсе не несчастные создания, стоящие вдоль магистралей на выезде из города, но юристы и психолухи, внушающие людям, которых постоянно на*бывают, что это делается вполне обоснованно с точки зрения :

1. закона
2. житейским понятий.

Именно юристы и психолухи были, таким образом, худшими врагами Джонни в битве за справедливость, чем те же психопаты.

Снова вдохновив, или, точнее, накрутив себя такими мыслями, Джонни продолжил искать места, где можно разместить свои статьи. Однако на первом же ресурсе психологической направленности его ждало серьёзное разочарование. Ему сразу написали, что он не знает, кто такие психопаты. Мол, они бывают разных типов. После чего комментарии стали ещё менее приятными, типа: «а какое у Вас образование?»

Джонни понял, о чём они говорили. По старой отечественной терминологии психопатами называли людей с различными расстройствами личности. И он уже собрался объяснить, что имеет в виду тех, кого в русскоязычной литературе называют «антисоциальными психопатами»... Однако к тому времени под статьёй Джонни наставили уже столько минусов, что дальнейшая публикация его материалов там стала невозможна. И он уже не видел ни смысла, ни перспективы стараться поднять себе рейтинг попытками объяснения.

Получалось, единственной надеждой Джонни оставался его собственный сайт, на котором никто ему не мог поставить минус. Однако, во-первых, туда по-прежнему почти никто не ходил, а во-вторых, практически отсутствовала обратная связь с читателями. За всё время ему написали всего две женщины, и от их посланий Джонни был, мягко говоря, не в восторге.

Первая из них оказалась (как Джонни удалось выяснить по её почтовому адресу с помощью поисковика) 33-летней жительницей Украины по имени Евгения. Писала она много, однако сухой остаток её посланий к Джонни фактически сводился к следующему:

- Вы это о себе написали;
- Главное действующее лицо истории про Леночку (имелась в виду при этом не героиня, естественно, а Джонни, который якобы «написал о себе») вовсе не «невротик», как он пытается себя представить, а «шизоид».

Джонни такие утверждения, конечно же, не понравились, и ему сразу захотелось послать свою корреспондентку на х**, так как желания обсуждать с ней «про себя написали» у него не было совершенно, а версию про «шизоида» и подавно! Однако любопытство заставило его сдержаться и поинтересоваться у неё, чем же он заслужил звание шизоида?

Евгения ответила, что его герой совершенно не умеет общаться с людьми, а из переписки с автором складывается ощущение, что на самом деле всё ещё куда более запущено, чем это видно из истории про Леночку.

Естественно, когда Джонни прочитал такое заявление виртуальной собеседницы, у него перехватило дух, и возникло сильное желание теперь уже точно послать её на х**. Однако от написания ей прощального ругательного послания Джонни неожиданно остановила странная мысль. Пусть это и не могло у него получиться очень достоверно, но он попытался посмотреть на ситуацию глазами этого человека – одинокой безработной женщины 30 с хвостиком лет, страдающей от депрессии, которую недавно бросил психопат, использовавший её по полной программе, как они поступают со многими.

Раньше у Евгении была компания, круг общения хотя бы в терапевтической группе, которую она посещала. Однако с потерей работы ей было сложно найти даже несчастные 700 гривен в месяц, чтобы продолжить туда ходить. Джонни же был для неё шансом расширить свои контакты, пусть и виртуальные.

Ей наверняка было очень важно, чтобы к ней относились по-человечески и уважали её. А потому она была готова общаться «не на равных» только с начальником, либо со специалистом в области психического здоровья. А поскольку Джонни точно не был начальником, да и со вторым пунктом, судя по всему, у него были явные проблемы, Евгению было важно, чтобы Джонни признал, что он тоже больной. Проникшись мыслями этой женщины... по крайней мере, в таком виде, как он их сам для себя придумал, Джонни не стал на неё ругаться. Однако поскольку занимать в разговоре с ней позицию больного он также не собирался, т.к. не считал удобной в данной ситуации, поскольку непременно хотел выглядеть в глазах собеседника авторитетом, Джонни просто прекратил эту переписку.

По сравнению с Евгенией, вторая его корреспондентка, Юлия, была немногословной. Она сразу, словно заподозрив неладное, взяла с Джонни обещание не публиковать её историю. Он мог спокойно согласиться на её условие, так как в любом случае ему, как ему тогда казалось, хватит только материала о Леночке писать до конца его дней. Да и к тому же, вряд ли Юлия была в состоянии рассказать нечто экстраординарное в красивой литературной форме, так, чтобы можно было оформить в виде рассказа без особых усилий.

Юлия с лихвой оправдала пессимистичные ожидания Джонни. После сухого, лаконичного изложения своей истории романа с психопатом, в которой действительно не было ничего впечатляющего или из ряда вон выходящего, эта женщина даже не поинтересовалась мнением Джонни о рассказанном ею. Вместо этого Юлия спросила у него, не знает ли он контактные данные «хорошего психолога», с которым она могла бы «проработать» сложившуюся в её жизни ситуацию.

Джонни это разозлило. Он сам не мог понять почему, но у него сложилось впечатление, словно эта женщина писала ему только затем, чтобы он ей психолуха посоветовал. И краткость её рассказа о психопате, с которым она встречалась, только укрепляла его в таком подозрении. Джонни-то рассчитывал, что Юлия захочет проконсультироваться с ним как со специалистом по психопатам, а он поразит её своими знаниями механизмов функционирования их психики.

Словно желая наказать Юлию за такую непочтительность, Джонни ответил ей сухо и резко, даже, наверное, немного по-хамски. Джонни написал, что он не бесплатная справочная служба по психологам и не регистратура соответствующего учреждения, а потому рекомендовать никого не может. Он, по его словам, всего лишь специалист, который пишет о поведении и внутреннем мире психопатов и готов в случае чего проконсультировать по этим вопросам. А если она сама не в состоянии справиться со страданиями, причинёнными ей психопатом, то пусть ищет себе психотерапевта. Он же, Джонни, к этому никакого отношения не имеет.

В своём коротком ответе Юлия никак не прокомментировала самопрезентацию Джонни как специалиста, а только пояснила свою просьбу к нему посоветовать ей психолога. Она написала: «Извините, я просто подумала, вдруг Вы порекомендуете того, к кому сами обращались или о ком видели хорошие отзывы». Такой ответ Юлии просто взбесил Джонни, и он даже догадывался, почему. Ведь она своей репликой фактически как бы опускала его из надменной позиции самопровозглашённого эксперта в незавидный статус пациента. Более того, потом, когда Джонни тщетно пытался восстановить в своей слабеющей памяти полный текст письма Юлии, которое он порывисто удалил сразу после прочтения, ему почему-то всё время казалось, что там были слова: «Зря, кстати, не обращались. Кто знает, может, Вам бы помогли...», хотя Джонни точно знал, что их там не было!

Несмотря на то, что короткая переписка с Юлией оставила на душе у Джонни дополнительный негативный осадок, в результате он сделал для себя очень важный организационный вывод. Получалось, одна из основных проблем у читателей с пониманием его произведений заключалась в том, что они воспринимали его не как специалиста, а как пациента – очередную обиженную жертву тех, кого он называет психопатами. Неожиданно, у Джонни возникла идея проверки такой гипотезы об отношении к нему – попробовать представить себя тем, кого основная масса тёток, читавших его работы, считают авторитетом. Теперь он будет выдавать себя за профессионального психолуха! Осталось только найти ресурс, на котором он сможет пообщаться с народом, представив себя таким образом.

Вначале Джонни на этом революционном пути ждали сплошные разочарования. Как оказалось, администраторы одного за другим вроде бы подходящих для его цели ресурсов предусмотрели вариант, что кто-то захочет поступить подобным образом, и требовали от претендентов на звание психолога на их сайте подтверждения образования отсканированной копией диплома о высшем образовании. Таким образом, Джонни оказался перед трудной дилеммой: с одной стороны, уж больно ему понравилась эта его затея поиграть в психолуха и посмотреть, что из этого выйдет. С другой – у него совершенно не было сейчас времени сидеть часами тщательно фотошопить, чтобы состряпать себе отсканированный диплом на основе чужого, скачанного из интернета.

Пока Джонни тупил над этим вопросом, одновременно машинально шаря в поисковике, ему неожиданно открылось изумительное решение в виде сайта «супер эксперт». На этом ресурсе тем, кто документально подтвердит свою квалификацию, присваивался титул «ПРО», однако зарегистрироваться в роли «психолога» можно было и без этого. Круто! Буду психолухом! – радостно подумал Джонни. – А если шум поднимется по этому поводу, или как-то иначе жареным запахнет, тогда можно и дипломчик подделать!

Джонни также сразу определился с тем, что в отличие от практически всех прочих психологов сайта, он не будет брать деньги со своих пациентов. Во-первых, он не очень верил в свою способность много заработать таким образом. А во-вторых, и это главное, ему не очень хотелось каждый раз проходить допрос с пристрастием по поводу «а Вы точно психолог?» Джонни был уверен: бесплатно они вроде как ничего не теряют, общаясь с ним, а перед тем как платить деньги, они непременно заходят удостовериться, кому платят, примутся гуглить по имени и фамилии, потом удивляться, почему поисковик такого не знает, начнут задавать неприятные вопросы... И в итоге выйдет себе дороже только! Нет, ну их на хрен – пусть наслаждаются моей гуманитарной акцией! Если столько бессовестных тварей путём обмана и принуждения уже воспользовались моей добротой, то почему ещё немного не помочь, возможно, действительно нуждающимся? – рассуждал Джонни в порыве душевной щедрости.

Как обычно, слишком глубоко погружённый в свои мысли, чтобы уделять пристальное внимание происходящему у него перед носом, Джонни с самого начала, как обычно, просто не мог не накосячить сразу после регистрации на сайте. К счастью, быстро вспомнив о необходимости указывать настоящее имя, он исправил погоняло, придуманное себе вначале, на «Васю», которого заменил затем на «Василий» для пущей солидности. Однако теперь он неожиданно сообразил: всё время, как только у него возникла данная затея, он даже не думал про то, о чём будет разговаривать с людьми, которые обратятся за помощью к нему как к «эксперту»! Вероятно, это будут в первую очередь молодые женщины, составляющие обычно большинство пользователей подобных ресурсов.

Но вот незадача: обычно при одной мысли о предстоящем разговоре с незнакомой молодой женщиной его охватывал парализующий ужас. Например, когда у него возникала идея подойти и с кем-то познакомиться, он принимался навязчиво прокручивать в своём воображении сцены унижительных отповедей, после чего думал расстроено «да ну её на х**!» и удалялся. Хотя, конечно же, в интернете он обычно вёл себя гораздо смелее, например, мог покрывать людей матом налево и направо, будучи уверенным, что ему здесь за это не набьют морду – робким он был лишь в «реальной» жизни.

На этот раз, однако, перед ним стояла более сложная задача, нежели на форуме, где люди просто трепяты. Ему предстоял серьёзный разговор с людьми об их проблемах, которые они сами не знают, как решать. И при этом ещё нужно выглядеть авторитетно, как подобает эксперту, коим он себя позиционирует.

К счастью, у Джонни вскоре возникла мысль, которая успокоила и обнадёжила его: ему не придётся здесь начинать разговор с молодыми женщинами, так как они сами будут говорить о том, что их беспокоит. Его же задача – помочь им найти верные подходы к исправлению их затруднений.

Построение общей схемы своего взаимодействия с «пациентами» Джонни начал с формулировки причин того, что люди называют «психологическими проблемами». Их он видел в сочетании следующих трёх факторов:

- Органические заболевания центральной нервной системы, а также проблемы с другими внутренними органами, мешающие нормальному её функционированию;
- Собственно психологические причины, такие, как непродуктивные схемы мышления;
- Социальные факторы, такие, как общая политическая и экономическая ситуация в стране, окружение данного индивида и прочее.

Относительно первого фактора (к которому, кстати, практически полностью сводился его собственный случай) Джонни прекрасно понимал, что сделать в этой ситуации ничего не может, а потому мог только рекомендовать человеку обратиться в поликлинику к соответствующему доктору. Впрочем, он надеялся, что люди с выраженными проблемами такого плана не встретятся ему на сайте.

Аналогично, в последнем случае он мог лишь порекомендовать по возможности сменить окружение.

Таким образом, важнее всего было разобраться со вторым случаем, когда в качестве основного инструмента выступает психотерапия. И здесь необходимо учитывать специфику взаимодействия, которое в подавляющем большинстве случаев будет сводиться к одному – единственному виртуальному сеансу. Поэтому из множества различных терапевтических направлений и школ, как Джонни прекрасно понимал, в качестве основы неуместны были, например, психодинамические подходы (хотя именно они ассоциируются распространёнными в массах стереотипами с психотерапией), восходящие в конечном итоге к дедушке Фрейду. Ковыряние в подсознании требовало слишком много времени.

В итоге Джонни наметил и фактически реализовывал в ходе сеансов следующую схему. Вначале он просил «пациента» (точнее, обычно пациентку – как он и ожидал, его собеседницами обычно были молодые женщины) как можно подробнее описать жизненную ситуацию, заставившую её обратиться (Джонни избегал при этом слова «проблема»). Если пациентка (как было на самом деле со многими) говорила «я даже не знаю, с чего начать...», Джонни подбадривал её, говоря: «Расскажите вначале о том, о чем комфортнее говорить. А потом уже можно будет развить тему и перейти к тому, что больше всего беспокоит».

Когда девушка начинала своё изложение, Джонни принимался тщательно анализировать его, находя указания на непродуктивные схемы мышления. Например, как Джонни и предполагал, девушки неоднократно демонстрировали тенденцию к негативным обобщениям по типу «у меня всё плохо». Тогда Джонни переспрашивал: всё? всегда? Такой разговор помогал настроить пациентку на более рациональное восприятие реальности и помочь ей сконцентрироваться на том, что действительно было в её жизни не в лучшем виде.

Далее Джонни предлагал выбрать то, что беспокоит больше всего, посмотреть, с чем это связано и можно ли это исправить. В этом заключалось его расхождение с различными мотивационными ораторами, вешающими на человека ответственность за всё происходившее в его жизни, и утверждавшими, что человек может изменить всё, что захочет. Другое дело, что на вещи, которые не представлялось возможным изменить, порой представлялось полезным посмотреть с другой стороны.

В отличие от мотивационных ораторов Джонни видел путь преодоления затруднений не столько в подстёгивании пациента, когда человека в униженной форме стимулируют делать волевые усилия, сколько в обучении его конкретным подходам к решению задач, с которыми связаны те или иные возникающие сложности.

Прекрасно понимая практическую невозможность освоения всего необходимого за одну сессию, Джонни выстраивал перед пациентками план самостоятельных занятий в виде серии, если угодно, домашних работ, в процессе которых они систематически отрабатывали те или иные важные практические навыки.

Впрочем, в некоторых вопросах Джонни всё же указывал на возможность выбора, говоря женщинам, повторявшим словно заклинание «Я должна! Я должна!..»: «Вы должны, если взяли в долг, а то, о чём у нас сейчас идёт речь – вопрос индивидуального предпочтения».

Поскольку многие обращались к нему с проблемами, так или иначе связанными с межличностными взаимодействиями и в первую очередь отношениями с противоположным полом, Джонни неоднократно подчёркивал важность грамотного подхода в этой сфере. Так, он учил девушек черпать сведения о своём парне не из статей поп-психологов, где сказано «все мужчины такие-то», а из разговоров с ним самим. Джонни также указывал на важность правильного построения коммуникации с партнёром и формирования реальных ожиданий вместо девизов типа «если это мой человек, то он знает, что мне нужно», предполагающих у молодого человека, по сути, сверхъестественную способность читать мысли девушки.

Задачи, казавшиеся его собеседницам слишком сложными и просто неподъёмными, Джонни разбивал на несколько логичных и при этом вполне посильных в плане сложности частей. В процессе их решения он ориентировал пациенток сравнивать достигнутое с прежней ситуацией, а не с тем, что происходит у других.

После таких бесед многие говорили Джонни спасибо. По их словам, благодаря его консультациям они смогли взглянуть другими глазами не только на текущую ситуацию в отношениях, учёбе, работе и т.д., но и на свою жизнь в целом. Теперь, будучи вооружёнными идеями и знаниями, полученными от него, они видят перед собой гораздо больше перспектив. Некоторые говорили прямо: «Вы хороший психолог».

Безусловно, на какое-то короткое время слова благодарности девушек наполнили Джонни давно забытой радостью, вскружив ему голову честолюбивыми амбициями: «наконец-то я встретил людей, способных оценить меня по достоинству!»

И так уж случилось, что именно на этот период выпала его первая серьёзная удача с сайтом. Конечно, новый рекорд 11 посетителей в день – смешной показатель для каких-нибудь элитных блоггеров, у которых счёт визитёров идёт на многие тысячи, и тем не менее, для Джонни с его предшествующим показателем 1-2 человека в неделю, а потом в день, это была несомненная победа. И ему было особенно приятно, что этот результат был достигнут благодаря людям, с которыми у него, казалось бы, не было и не могло быть никаких общих интересов хотя бы в силу непреодолимо разделявших их половым признаком, – феминисткам. Как бы они ни отнеслись к нему в случае знакомства с ними, Джонни уважал этих женщин гораздо больше, нежели продажных кукол с апломбом, выросшим на пустом месте. Когда он в очередной заход распространения спама оставил в блоге одной известной активистки феминистского движения свою ссылку, эта женщина, к огромному удивлению Джонни, не только не удалила её, но пометила как полезный ресурс о психопатах.

Однако торжество Джонни длилось недолго. Вскоре оно сменилось довольно неприятными мыслями. Джонни почему-то вспомнил, как в своё время, ещё в молодости, лет пятнадцать назад, он читал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Тогда Джонни показалось совершенно абсурдным решение главного героя утопиться, когда после стольких трудов Мартину удалось, наконец, добиться успеха. Теперь же, хотя Джонни по-прежнему никоим образом не мог назвать трагическое решение героя «правильным», он мог в некотором роде его понять, так как сам оказался в некотором смысле в похожей ситуации, разве что глобального успеха не добился и топиться не собирался.

Джонни вспомнил, как на различных форумах его издевательски вопрошали не только тролли, но и прочие: «Расскажите нам, чем Вас обидели психопаты?», «А какое у Вас образование?» и тому подобное. А теперь то одна, то другая ему говорит: «Вы мне очень помогли!», «Вы замечательный психолог!». Некоторые даже, возвращаясь на сайт, рассказывали о том, как благодаря Джонни они, наконец, поладили со своими парнями, и даже сами их молодые люди отмечали изменения в лучшую сторону.

И хотя за последние три месяца он узнал кое-что новое, всё же, положу руку на сердце, Джонни не мог сказать, что по сравнению с периодом его пребывания на форумах, где его пытались гнобить, произошла революция в его знаниях. Более того, он никоим образом не стал более нормальным, «адекватным», да и по сути, не имел на это особых шансов. Фактически, всё что изменилось – это в графе «образование» он указал, что в своё время окончил психический... пардон, психологический факультет МГУ.

Получается, люди обычно оценивают других и то важное, что те имеют им сообщить, ориентируясь не на существо вопроса, а на якобы существование где-то там бумажки, в которой указана квалификация! Теперь Джонни ещё лучше понимал, почему психопаты Тед Банди и Кен Бианки так стремились стать психолухами!

Покойники на службе у психопатов

Однако самый большой облом в те дни ждал Джонни за пределами интернета. Отрезвляющее возвращение к реальности наступило однажды утром, начинавшимся, впрочем, для Джонни обычно в полдень – время, когда он просыпался. Собираясь в ближайший магазин за продуктами, Джонни выглянул в окно, и с удивлением обнаружил, что там началась зима. А сайт гидрометцентра только подтвердил его наблюдения (путь к заросшему грязью термометру в бывшей маминой комнате преграждала куча хлама, так что Джонни было проще узнавать погоду у себя за окном в интернете). Подойдя к вешалке в прихожей, Джонни вспомнил, как весной – последней весной, когда ещё была жива его мама – он выкинул свою единственную зимнюю куртку. Ему тогда из-за ситуации с мамой было так морально хреново (хотя физически ещё не так плохо, как теперь), что он не рассчитывал дожить до осени. А потому не стал даже возиться с долбаной китайской молнией, которая стала расходиться по швам, и просто выкинул куртку. Теперь же, в связи с сильным ухудшением здоровья и развившейся на этой почве агорафобией, любой поход за тряпками был за него событием. И аналогичная ситуация у него была с зимней обувью, как он неожиданно остро осознал, глядя на сиротливо стоявшие в углу летние башмаки. Джонни почему-то тогда также болезненно вспомнилось, как черножопые продали ему в своё время, пару лет назад, за две тысячи рублей ботинки, которые другие люди покупали за четыреста. «Ты посмотри, дорогой, какой хороший обувь! Натуральный кожа! Весь оставшийся жизнь носить будешь, да?»

Но как эти твари поняли, что мой «оставшийся жизнь» будет такой короткий? – недоумевал рассерженно Джонни. Неожиданно он ощутил прилив невыносимой обиды, злости, ярости на весь мир, державший его за лоха последнего, а также сильное желание отомстить хотя бы тем, кто насолил ему больше всех. Но практически тут же ему стало нехорошо, закружилась голова, и пришлось сесть на ближайшую горизонтальную поверхность, чтобы не упасть. Нет, сейчас не нужно так настраиваться и расстраиваться, – подумал Джонни. Лучше сосредоточиться на непосредственно предстоящей задаче – как сходить за жрачкой.

С этой мыслью, кое-как нацепив летнюю куртку поверх двух свитеров, чтобы не замёрзнуть по пути в ближайший магазин, а также кроссовки – те самые белые тапочки, которые были на нём летом, когда он ездил хоронить маму – на две пары носок, Джонни поплёлся за продуктами.

По возвращении с покупками домой, однако, Джонни осознал, что глобально проблема не решена. Если он ещё сейчас не замёрз в минус два градуса, что же будет во второй половине января в минус двадцать? Первой возникшей у него мыслью было: но до второй половины января или хотя бы до Нового года ещё нужно дожить! Однако это он уже проходил. В годы юности, когда ему практически всё время было плохо, а врачи ему (и даже его маме!) ничего толком не могли сказать, кроме «вегето-сосудистой дистонии» и прочих невразумительных диагнозов, руководствуясь такой логикой, Джонни перестал чистить зубы. Каков смысл этого нудного занятия, если мозг и печень у него, как ему тогда представлялось, откажут значительно раньше? И в самом деле, за четверть века, прошедшие с тех пор, у него в его больной голове погибло множество нейронов, которые, как известно, практически не делятся, а паренхима печени заменялась жировой и прочей соединительной тканью. Однако при всём при этом Джонни до сих пор как-то продолжал влачить своё существование, а зубов уже не было. И это было очень обидно, так как он любил покушать, а главное, возникала дополнительная опасность жизни и общему здоровью и без того ослабленного организма, исходящая из ротовой полости.

С другой стороны, если он отправится на рынок за шмотками, то в таком состоянии как сейчас, даже если он доберётся туда живым, то будет явно не в кондиции соображать. А у торговцев (даже компьютерными комплектуемыми), барыг долбанных, теперь дурацкая мода спрашивать у покупателя: почём готовы приобрести? Интересно, кто их этому научил? Неужели сами догадались?! Сомнительно. Небось, специально занимавшиеся этим вопросом психолухи надоумили! Нет, с этими гадами Джонни обязательно рассчитается... сразу со всеми, как с классом! Но сейчас у него другая проблема: как купить себе шмотки и башмаки, если когда он в его нынешнем состоянии кое-как доковыляет до рынка, то будет уж точно не в кондиции торговаться! А если продавцы не согласятся на его цену, то он с ними не сторгуется, и тогда, получается, все усилия, которых ему стоило туда добраться, просто коту под хвост!

К тому же, они будут видеть его хреновое состояние – этого, наверное, сложно не заметить со стороны, – и постараются этим воспользоваться. Но почему же люди такие суки?! Причём не только психопаты, но многие, типа нормальные, когда они видят, как тебе плохо, то норовят обратить это в свою выгоду за твой счёт!

Теперь Джонни уже чувствовал жгучую обиду на весь мир и думал о том, как выместить свои фрустрации на тех, кто когда-либо причинил ему зло, однако вскоре ему опять стало нехорошо. А в то время, когда Джонни пытался прийти в себя, раздался звонок. Знакомый до боли голос поинтересовался у него: «узнал?» А когда Джонни ответил утвердительно, даже не утруждая себя вопросами типа «как дела»,

собеседник перешёл к разговору по существу: «Помнится, ты мне говорил, тебе нужна одежда на зиму...» Джонни был просто в шоке. Первая мысль у него была о том, как горько и трагично терять память. Мало того, получается, раз не помнишь такие важные вещи, скоро ты совсем превратишься в овощ (если раньше не помрёшь, конечно же), так этим обстоятельством ещё и пользуются такие твари... Впрочем, Джонни тут же подумал, что такая неспособность вспомнить якобы имевший место разговор вовсе не обязательно является проявлением развивающейся у него деменции, а скорее представляет собой манипулятивную игру со стороны Сергея Туповского. Кстати, Леночка с ним также играла в такие штуки, прибавляя, когда Джонни тщетно пытался что-то вспомнить, мол, тебе рано ещё становится таким забывчивым!

Так или иначе, Сергей продолжил, не дожидаясь от Джонни подтверждения своих воспоминаний: «Ты будешь дома? Я через пару часов приеду, покажу товар». Тогда, словно спохватившись, Джонни перебил собеседника и принялся говорить, что ему не нужны чужие ношенные тряпки. Но Сергей, как всегда, хладнокровно, заверил его: «Товар новый. Фирменный. Тебе понравится – вот увидишь». Тогда Джонни попытался зайти с последнего козыря: у меня мало денег, поэтому особо не рассчитывай продать мне по высокой цене... Однако Сергей опять-таки достаточно хладнокровно, почти равнодушно, парировал: «Ладно. Договоримся».

Значительную часть времени перед приездом Сергея Джонни провёл, напряжённо прокручивая в мыслях то, как будет говорить про ношенный товар и про нехватку средств. Однако открыв входную дверь, он был ошарашен, можно сказать, с порога. Совершенно неожиданным для Джонни торжественно-печальным тоном Сергей сообщил: «Я приехал к тебе со всем этим не от хорошей жизни...» А потом добавил немного дрожащим голосом, словно вот-вот собирается пустить скупую мужскую слезу: «У меня умерла мама, и не хватает денег на её похороны». Джонни от этих слов собеседника стало совершенно не по себе. Во-первых, он сразу же вспомнил, как совсем недавно умерла его собственная мама и связанные с этим события, похороны и так далее. А потом не мог не почувствовать странное, извращённое восхищение Сергеем. Другой человек характеризовал бы это ощущение Джонни так: «какие же всё-таки психопаты прекрасные актёры!» Но это было бы не совсем верно. Безусловно, у Сергея очень убедительно получалось изображать аффект, которого он не испытывал. Ведь если бы у него на глазах, допустим, его мама наступила на мину, и её разорвало бы на части, то Сергей, несомненно, был бы на короткое время слегка расстроен утратой полезных ему функций, которые мать выполняла в его жизни. Однако в остальном он бы просто брезгливо стряхнул с себя кусочки её тела и одежды и пошёл дальше, не испытывая особых страданий по поводу трагической гибели родной матери.

И в этом смысле, убедительно изображая серьёзностью тона и дрожанием голоса в действительности не испытываемые им переживания, Сергей был безупречен, насколько здесь уместно это слово. Однако при этом он или другой психопат не смог бы выступать, скажем, на сцене театра, поскольку для его импульсивной натуры было бы слишком скучно заучивать точный текст чужой роли и регулярно долгими часами репетировать с другими актёрами своей труппы. Поэтому психопаты могут в совершенстве владеть лишь импровизацией в рамках своего собственного спектакля. В сравнении с ними даже те «настоящие» актёры, которые в своём поведении демонстрируют серьёзную нарциссическую патологию, как, например, тот же Том Круз, значительно более терпеливы и сдержанны, а потому оказались способны состояться в своей профессиональной деятельности.

Теперь мысли Джонни сосредоточились на несчастной женщине, которую жизнь наградила таким сыном (он не считал это вопросом воспитания, т.к. согласно современным представлениям, психопатия представляет в основе своей генетический дефект). По словам Андрея Денисова, знавшего Сергея с детских лет, после того как умерла её мать (бабка Сергея, на которую он частенько орал «когда же ты сдохнешь, наконец?!), она стала сильно выпивать. Это и послужило причиной продажи московской квартиры и переезда в Подольск, так как больше деньги на выпивку было взять негде, кроме как из разницы в стоимости жилплощади (минус затраты, связанные с оформлением сделки и самим фактом переезда, разумеется).

Джонни очень сочувствовал несчастной женщине, и надеялся, что она на самом деле ещё жива. Он не удивится, впрочем, если Сергей ещё не раз наведается к нему, прося денег на её похороны. То ли рассчитывая на то, что Джонни уже настолько утратил память, то ли что Джонни, даже если вспомнит, не решится сказать ему: а знаешь, ты ведь её уже однажды (или даже не раз!) хоронил! (И последнее, наверное, вполне обоснованно, так как у Джонни действительно язык бы не повернулся такое сказать!) Но самым неприятным здесь было следующее: как первое, так и второе недвусмысленно указывало, что Сергей его попросту ни во что не ставил. Ведь Сергей никогда не стал бы рассказывать подобное, допустим, Андрею Денисову.

Нет, безусловно, Сергей неоднократно обманывал в своё время Андрея, пользуясь его неосведомлённостью, продавая ему компьютерные комплектующие и прочую лабуду по мелочи. Однако никогда не посмел бы соврать ему о смерти своей матери. Так как за подобный базар Андрей его, вероятно, просто сразу бы по стенке размазал. Либо, в лучшем для Сергея случае... Джонни было сложно с должной выразительностью передать эти, как он называл, тюремные штучки (вероятно, небезосновательно, т.к. именно в тех краях Андрей этого и набрался), однако смысл разговора был бы примерно такой:

«Серёжа, мне кажется, ты сказал мне неправду. Поэтому, я надеюсь, ты захватил с собой вазелин. Так как иначе детектор лжи, который я к тебе применю, может серьёзно повредить твоё анальное отверстие, и тебе тогда придётся всю оставшуюся жизнь какать и плакать».

Теперь это воспоминание не столько веселило Джонни, сколько вызывало у него печальную мысль: неужели человечество никогда не вырастет из этого животного проклятия, когда в любом мужском коллективе формируется иерархия, где вышестоящий может вставлять нижестоящему в жопу свой жезл власти, якобы указующий тому путь к истине! И каково тогда приходится тем, кому в жизни остаётся только собственная жопка и мозг, раздолбанные чужими жезлами?!

Из этих мучительных философских размышлений Джонни вывел Сергей своим вопросом: ну как ты, всё посмотрел? И только тогда Джонни с ужасом сообразил, что всё это время *не смотрел* одежду, которую покупает у Сергея, а был погружён в свои мысли, и потому просто тупо переворачивал тряпки в руках, даже не глядя на них. А если он начнёт снова проверять все тряпки, то выставит себя перед Сергеем ещё большим идиотом. Пытаясь выиграть время хотя бы на обдумывание своих дальнейших действий, Джонни сказал: сейчас. Сергей не сказал ему «давай скорее» прямым текстом, но принялся бурчать, мол, какая у него сложная сейчас ситуация «в связи сам знаешь с чем, а потому он был бы признателен...» Джонни внутренне начинал сильно злиться. «Ну почему, почему эти грёбаные торгаши, когда хотят продать тебе всякое дерьмо, сразу начинают торопить?» – подумал он гневно. На него снова нахлынуло сильное чувство обиды, когда он вспомнил, как Дмитрий из Кузьминок, продававший ему тонны компьютерного хлама пять лет назад, постоянно говорил: «давайте ускоримся», когда Джонни пытался изучить товар. Но деваться было уже некуда – оставалось только попытаться сосредоточиться на оставшемся, и Джонни принялся судорожно рассматривать те немногие предметы, которые вроде как ещё не посмотрел (хотя в действительности, пока он тупил в своих абстрактных мыслях, он толком не посмотрел ничего).

Наконец, Джонни нашёл, за что зацепиться, и гневно ткнул Сергею в нос отороченную мехом куртку: «Зачем мне бабская одежда?!» Однако тот вначале попытался прикинуться непонимающим: «Ты что, дурак? Почему это она бабская?» Но в этот раз Джонни нашёлся что ответить. Ещё больше повышая голос, и гневно размахивая курткой перед носом у Сергея, он спросил: «За кого ты меня держишь?! Ты посмотри, на какую сторону здесь застёжка!» Сергей вначале попытался прикинуться дурачком. Мол, спасибо Джонни, который просветил его относительно мужских и женских застёжек на разные стороны. Однако потом пошёл на попятную, сказав: «ну купи эту куртку за сто рублей хотя бы!» Но Джонни, которого такое отношение начинало злить всё больше, не собирался уступать: «И что дальше? Купить за сто рублей, чтобы потом бесплатно выкинуть?! Или, быть может, мне этот столик лучше потратить на операцию по смене пола, чтобы потом иметь возможность носить одежду, которую ты мне продаёшь?». На это Сергей ответил серьёзным тоном, словно Джонни без иронии обсуждал с ним этот вариант: «Нет. Такая операция стоит гораздо больше. За сто рублей никто тебе её не станет делать».

Джонни, которого отношение Сергея стало всё больше приводить в ярость, не видел смысла продолжать дальше этот унижительный разговор. Он заметил к тому времени на куртке с неправильной застёжкой слово «принцесса» и попробовал представить себе, как Сергей продавал бы такую куртку Андрею Денисову. Тогда, наверное, ему пришлось бы встать раком и поиграть с Андреем в принцессу, которой нравится, когда её дерут в попку!

Джонни просто назвал Сергею сумму, за которую готов купить его тряпки. Тот, естественно, принялся говорить о том, какие это крутые бренды. Мол, одна куртка здесь стоит двадцать пять тысяч рублей, и ты нигде лучше себе вариант не найдёшь всё равно. Сам не отдавая себе отчёта почему, Джонни увидел здесь намёк, что в любом другом месте его также обманут, а потому Сергей предлагает ещё оптимальный для такого лоха как он вариант. Почувствовав себя сильно уязвлённым и в то же время неспособным объяснить собеседнику, чем именно, Джонни сказал: «Да, ты знаешь, я плохо разбираюсь в такой модной одежде. Поэтому лучше предложи её тому, кто в состоянии оценить по достоинству».

Тем самым Джонни как бы ставил Сергея перед неудобным выбором: согласиться на предложенную цену или забрать свои тряпки и предлагать их уже другим людям. Однако тот не растерялся. Кому приходится «лезть за словом в карман», тот точно не психопат, – подумал Джонни. В сложившейся непростой ситуации Сергей пошёл со своего главного козыря и начал размахивать перед ним (к счастью, правда, только в символическом, образном смысле) трупом своей мамы. Мол, я бы не связывался с этой одеждой, но ты же видишь, у меня сейчас такая ситуация...

Сергей прекрасно понимал неспособность Джонни, в отличие от многих других людей, сказать: «это твои трудности». Этот факт, кстати, отмечала и Леночка. Однажды, когда они были в Израиле, она прямо сказала ему: «Ты один такой». По её словам, все другие говорили ей, чтобы сама разбиралась со своими трудностями. Даже незаменимая, «любимая» подруга Верка, на которой Леночка паразитировала с детства.

И Джонни действительно не смог и в этот раз сказать Сергею: это твои проблемы. Однако к собственному удивлению, не растерялся и привёл пусть обходной, но, как ему самому представлялось, достаточно веский аргумент. Джонни сказал: «Я тебя понимаю. Но я сам в этом году свою маму похоронил, как ты знаешь. А потому я тоже сейчас на мели. Поэтому если ты хочешь за это больше денег получить, то предлагай кому-нибудь другому». И с этими словами протянул Сергею предложенную ранее в разговоре сумму за его тряпки.

Тот в ответ изобразил наигранно – печальный вид, и сказал: «Дай хотя бы...» После чего назвал сумму, немного превышающую названную. Потом, после ухода Сергея, навязчиво прокручивая в своём сознании этот эпизод и коря себя за уступку, Джонни не раз задавался вопросом: зачем? Ведь это же такой

банальный приём: Сергей вроде как пошёл навстречу, не настаивая на цене в два раза выше, а Джонни поэтому в свою очередь считал своим долгом его отблагодарить за это, согласившись на чуть большую сумму. Но ведь мог же этого и не делать, в принципе! Ну почему же, почему я постоянно считаю себя кому-то чем-то обязанным, даже таким вот моральным уродам, как этот, – расстроено задавался вопросом Джонни, и не находил ответа, помимо печальной констатации того, какая это неблагодарная роль – быть добрым человеком.

Перед тем, как «закрыть дверь с той стороны», Сергей поинтересовался: ты завтра будешь дома?

– Да. А что?

– Я привезу тебе следующую партию одежды.

Разумеется, Сергей даже не удосужился поинтересоваться, нужна ли Джонни ещё одна порция его тряпок. Он думал только о собственном желании продать их и получить деньги. И если есть на свете лохи, которым можно впарить этот хлам, пока есть такая возможность, то почему бы этим не воспользоваться?

Стоя в коридоре некоторое время в задумчивости после ухода Сергея, Джонни неожиданно услышал доносящийся с лестницы разговор на повышенных тонах. К сожалению, даже прильнув ухом к двери, он не мог разобрать слова, но прекрасно понял, о чём шла речь. Сергей даже сам не мог, оказывается, найти на помойке те тряпки, которые он продавал Джонни, а выступал только в роли посредника для парня, который, собственно, добывал эти шмотки. Очевидно, предметом возникшей теперь на лестнице распри была слишком маленькая сумма, полученная «поставщиком» за свой товар.

На следующий день, к удивлению Джонни (вероятность исполнения Сергеем своих намерений, или обещаний, если угодно, обычно не превышала 15-20%), Сергей позвонил и сказал: я буду через полчаса. Такое заявление привело Джонни, наконец удосужившегося посмотреть вчерашние покупки, в ужас. Он неожиданно остро почувствовал нежелание покупать ещё одну порцию отвратительного тряпья с помойки наподобие вчерашнего. И попытался робко поинтересоваться у Сергея, почему тот не позвонил ему, прежде чем выезжать в его сторону. На что тот, естественно, хладнокровно ответил: мы же вчера договорились... Я уже выехал! И Джонни вдруг осознал, какие дополнительные ограничения создаёт человеку совесть, когда ты не можешь соврать про своё отсутствие дома и срочную необходимость быть на другом конце города.

Неожиданно болезненно ощутив своё бессилие спорить и что-либо доказывать Сергею, он только сказал: мне такой хлам, как вчера, не нужен! Однако Сергей, как обычно, поспешил его заверить: «Нет, да ты чё, сегодня гораздо лучше – вообще новьё».

Значительную часть времени перед приездом Сергея Джонни думал о важности умения сконцентрироваться на решении задачи, которой ты непосредственно занимаешься в данный момент. Или, как учила его Леночка, постоянно быть «здесь и теперь». Тем временем, Сергей звонил ему ещё два раза, каждый раз говоря, что скоро будет, через 20, 15, 10 минут... Мол, он стоит в пробке... Электричка, стоящая в пробке – это интересно, – думал Джонни. Хотя, конечно же, прекрасно понимал: во время своего первого звонка Сергей наверняка находился ещё у себя дома в Подольске. Сергею было удобно врать в этой ситуации, т.к. у Джонни не было, конечно же, технических возможностей отслеживать его реальную локацию.

Когда Сергей, наконец, приехал, первым делом извинившись за долгий путь, Джонни принялся внимательно рассматривать тряпку за тряпкой, пытаясь найти дефекты, следы носки и тщательно проверяя молнии на ширинках. На этот раз ему удалось вполне сносно сосредоточиться на этом занятии. Вот только делал он это всё достаточно медленно, а потому Сергей всё время недовольно переминался с ноги на ногу, чесался и бурчал. Однако Джонни сказал ему настолько твёрдым тоном, насколько это могло получиться у такого мягкого человека, как он: «Я хотел бы посмотреть приобретаемый мною товар, чтобы снова не купить у тебя всякое дерьмо. Процесс осмотра занимает у меня в несколько раз меньше времени, чем твой путь до меня...»

Джонни не мог не отметить по себе (хотя делиться этим наблюдением с Сергеем, естественно, было неуместно) значительное улучшение качества тряпок по сравнению со вчерашним днём. А потому, закончив осмотр вещей, уверенно предложил Сергею вчерашнюю сумму. Но теперь тот категорически не соглашался. Ты же видишь, сегодня качество товара значительно лучше, – настаивал Сергей. Теперь Джонни начинал нервничать. В его планы совершенно не входило платить Сергею лишние деньги. Но как тогда обосновать ту же сумму за явно лучший товар? Сказать Сергею: вчера я был большим лохом, нежели сегодня, а потому переплатил? Глупо!

Неожиданно у Джонни, к удивлению для него самого, возникла идея. Он приложил к себе одну пару штанов, потом другую, третью... «Ладно, я согласен, штаны и прочие тряпки сегодня лучше, чем вчера. Но посмотри: они рассчитаны на рост сантиметров на ...дцать больше, чем у меня! И как мне с ними быть теперь?» Сергея, однако, такое заявление совершенно не смутило, словно он заранее был готов к любому вопросу или возражению, какие только могли возникнуть у Джонни. Он сказал: «Ерунда. Главное, в остальном они тебе по размеру подходят, а по длине можно просто подшить. Сейчас все такие штаны делают». И действительно, Джонни вспомнил, как ему приходилось подшивать большую часть быдлокитайских джинсов, приобретённых в последние годы в небольших магазинчиках у «чурок». Но всё равно сдаваться он не собирался: «Кто будет этим заниматься? Зачем мне такой геморрой?». В ответ, Сергей равнодушным тоном сказал: «А что здесь такого? Я сам такие ношу. Мне моя мама подшивает». При этих словах Сергей немного поднял одну ногу, чтобы показать Джонни, как подшиты его джинсы, и предложил:

«Слушай, давай тогда с тобой договоримся так: ты мне даёшь за это всё... (он назвал сумму в полтора раза выше вчерашней), а я скажу маме, чтобы она тебе подшила».

Джонни, до того державшегося молодцом, впал в замешательство, услышав столь заманчивое предложение. Его больше всего смущало даже не предложение Сергея фактически отдать ему обратно часть товара (якобы на подшивание) *и* деньги, т.е. фактически отдать часть денег просто так. Джонни взяла оторопь, когда он представлял себе, как ему подшивает штаны, лёжа в гробу на глубине несколько метров под землёй, разлагающийся труп матери Сергея, на чьи похороны тот пытается получить деньги, продавая эти тряпки. Тут же, правда, Джонни сообразил, что мать Сергея ещё не захоронена, а потому пока ещё, должно быть, лежит в морозилке. Но, так или иначе, получалось, Сергей пытался дать своей мёртвой матери шанс заработать таким вот образом на её похороны. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Конечно, Леночка и прочие психопаты и раньше шокировали Джонни вопиющими противоречиями в своём вранье даже в пределах разговоров, имевших место в один день, но обычно это были рассказанные ими байки, а не как здесь вопрос жизни и её естественного прекращения. Для самого же Джонни как запущенного невротика тема завершения жизненного пути человека была настолько пугающей, и потому, можно сказать, «священной», чтобы стать табуированной в разговорах, которые он вёл. И это создавало ему в данной ситуации серьёзную практическую трудность – у него попросту язык не поворачивался указать Сергею на возникшее противоречие.

Но всё же, не желая сдаваться, Джонни придумал обходной манёвр. Первым делом он хотел получить подтверждение, что не ослышался:

– Ты уверен, что она будет подшивать?

– Да, абсолютно, я ей скажу. Мама мне всегда подшивает (и Сергей опять показал свои брюки, подшитые внизу).

– Хорошо. Тогда держи (Джонни протянул Сергею стопку привезённых тем джинсов на рост метр 88). Когда они будут подшиты, я готов их купить за предложенную сумму.

Тем самым Джонни как бы намекал Сергею: «я куплю их у тебя тогда, когда твоя *мёртвая* мама их подошьёт». В ответ Сергей, словно понимая, к чему клонит Джонни, сказал: «Нет. Я так не могу. Мне деньги нужны сейчас». Правда, теперь он даже намёком не пытался уточнить, на что. Джонни же, который ожидал примерно такой реакции Сергея, заявил: «Ага. То есть ты мне предлагаешь тебе сейчас отдать деньги *и* фактически тряпки обратно, а потом ждать до второго пришествия, пока мне подошьют штаны? Нет! Мы с тобой это уже проходили. Поэтому, как говорится, спасибо. Не интересно. Я могу в этой ситуации тебе предложить всего два варианта, которые не вижу дальше смысла обсуждать. 1. Ты сейчас забираешь всё назад и потом продаёшь мне в подшитом на мой размер виде. Ну а коль скоро тебя такой вариант не устраивает, у нас остаётся только: 2. Я готов купить у тебя всё с не подшитыми штанами, но по вчерашней цене». В такой ситуации Сергей, возможно, не желая обсуждать, жива на самом деле его мама или нет, сказал: «Ладно. Только давай за...» И назвал сумму, которая была выше той, на которую сторговались вчера, примерно настолько, насколько та сумма была выше предложенной вчера изначально Джонни. Однако сегодня Джонни, памятуя, как он вчера сокрушался по поводу своей уступки, не собирался идти навстречу Сергею, державшему его за идиота. Но, с другой стороны, у него не было намерения и долго базарить с тем относительно цены. А потому сказал просто, что ориентировался на вчерашнюю сумму, а иначе у него остались только бумажки по пять тысяч рублей, которые он не пойдёт сейчас менять. В ответ на это Сергей, который перед этим, когда Джонни изучал тряпки, говорил про то, как он спешит, вызвался пойти разменять. А в ответ на выразительную усмешку Джонни оставил ему в залог... чужой паспорт.

Когда Сергей вышел менять деньги в ближайший продуктовый магазин, Джонни пожалел об отсутствии у него сканера и принялся зачем-то от руки переписывать себе данные оказавшегося у него на время в руках документа. Как оказалось, Сергей зачем-то оставил ему... чужой паспорт, владелец которого, по имени Евгений, как выяснилось, проживал в Подольске, или, по крайней мере, был там зарегистрирован. В документе также зачем-то было вложено водительское удостоверение какой-то девицы. Приятная на вид, – отметил Джонни.

С тех пор Сергей Гуповский больше не приезжал, однако через некоторое время Джонни позвонил парень, который представился как «Женя из Подольска». По словам Евгения, это его тряпки продавал Сергей, но слишком много брал за свои посреднические услуги. Естественно, у Джонни сразу же возникла мысль «эх, где же ты был раньше?», однако упущенного времени было уже не вернуть, а потому думать об этом бесполезно. Необходимо было размышлять о дальнейших действиях. Вначале он попытался отказаться от предложения Жени купить у него ещё одежды, теперь уже напрямую, т.к. Сергей и без того уже продал ему более чем достаточно. Тем не менее, после недолгого разговора с Женей, большая голова Джонни в своём принятии решений оказалась заложницей странного феномена поведенческой экономики, который можно описать как «если я это уже покупал, то обязательно куплю в два раза дешевле, даже если мне это уже не нужно в таком количестве».

После приобретения тряпок уже у Жени, Джонни попытался твёрдо сказать ему, что следующая партия одежды ему уже точно ни к чему. Тогда Женя принялся уговаривать его купить ещё хоть что-нибудь. По словам Жени, ему очень нужны деньги, т.к. его мама тяжело болеет и нужны деньги ей на лекарства. Естественно, такое заявление показалось Джонни до боли знакомым. Не умерла – уже хорошо, – цинично подумал он, слушая объяснения Жени, как важны ему сейчас полученные от Джонни средства.

Решительно настроившись больше не покупать ненужные тряпки, Джонни заявил, что он всё понимает, но ему правда больше не надо. Тогда Женя принялся интересоваться, не нужно ли Джонни что-нибудь другое. Джонни на какое-то время задумался, а потом ответил, что в остальном ему нужна только посуда. Мол, не будет же ему Женя тарелки продавать. Тот, однако, заявил, что у его девушки вроде как было много лишних совершенно новых тарелок, чашек и прочего, а то, мол, они там зря только стоят у неё и ими никто не пользуется особо.

Вскоре Женя приехал со своей девушкой и с посудой. Тарелки и прочие столовые принадлежности Джонни сразу не понравились, однако Женя долго и настойчиво пытался убедить его в том, какие они хорошие и удобные. А Женина девица строила Джонни глазки и давила на жалость, объясняя, какая у них сейчас сложная ситуация в связи с болезнью Жениной мамы. Наконец, не в силах больше терпеть этот спектакль, Джонни отдал парочке деньги, утешая себя мыслью, что больше они не придут. Только чтобы на следующий день испытать невыносимую обиду, когда, придя в ближайший магазин за продуктами, он увидел всю эту посуду на распродаже по цене в общей сложности на сто рублей дешевле, чем купил. Получается, они просто специально пришли в тот магазин, приобрели там эту хрень, и собирались вначале впарить ему на пятьсот рублей дороже. А когда это не удалось, торговались с ним до последнего, чтобы получить хотя бы столик.

Однако эта обида была не сравнима с той, которую он испытал, когда уже дома не нашёл свой новый кошелек, в котором было всего, правда, около полутора тысяч рублей и только недавно купленная тоже за полторы тысячи карточка на скидку в другом магазине, куда он также регулярно навещал за продуктами. Обнаружив пропажу, Джонни гневно подумал: «Нет. Я этого так не оставлю». И стал вынашивать план мести.

Ему вспомнился рассказ Жени о том, как за Сергеем охотится пол-Подольска, чтобы его убить. И Джонни злорадно подумал: «Ну что ж, тебя ждёт та же участь, коль скоро ты решил пойти по стопам своего коллеги!» Более того, Женя, похоже, превзошёл своего учителя, который ни разу не был замечен на крысятничестве из квартиры, используя в своём промысле исключительно силу слова... Лживого, разумеется.

Джонни без труда нашёл паспортные данные Евгения, которые сохранил в текстовом файле – любимый компьютер был единственным местом в квартире, где ему не требовались долгие поиски, чтобы найти важные материалы. Увидев там также личные данные Жениной девицы, и вспомнив, как было дело, Джонни злорадно потёр руки: купил права своей сучке? Ну ничего, порадуйся, вот я напишу главным гаишникам, чтобы они проверили факты, и будет вам тогда веселье. Впрочем, Джонни тут же словно опомнился и подумал, что наверняка гаишники сами куда более продажны, нежели Женина девица, пусть и в несколько ином смысле. А, следовательно, писать им виртуальные доносы – только зря тратить время и выставлять себя идиотом, пусть даже анонимно.

Поэтому у Джонни созрел другой план наказания парочки. Он вспомнил, как недавно пытался спамить на форуме Подольска, но его быстро там заблокировали и потёрли записи. Теперь же он может написать там про Женю и его девку без всяких ссылок, а потому у админов не будет формального повода его забанить, по крайней мере, в начале. Конечно, если там поднимется буза, мол, он необоснованно клеветает (а кто может подтвердить – свидетелей – то нет!) на хороших людей, то его запись удалят. Однако к тому времени, во-первых, уже будет достигнута некая публичность, а во-вторых, поисковики зацепят имена – фамилии – отчества «героев», так что интересующиеся могут при желании нагуглить, с кем они собираются иметь дело.

Дело теперь оставалось за малым – придумать текст, подробно описывающий «состав преступления» Жени и его девки. Однако на практике эта, казалось бы, незатейливая задача оказалась гораздо сложнее для Джонни, чем он предполагал вначале. Основная трудность заключалась в следующем: сколько он ни сочинял этот текст, при попытке посмотреть со стороны, глазами читателя, результат выглядел так, словно ребёнок ноет о том, как его обидели. Получалось, среднестатистический участник форума, ознакомившись с посланием Джонни, не проникнется в знак солидарности с ним справедливым гневом по адресу Евгения, а скорее цинично скажет: без лоха и жизнь плоха! И подумает, как хорошо было бы и ему самому найти, кого можно так облапошить.

Сам же Джонни теперь ощущал себя в отвратительной ситуации, когда под угрозой оказалась вся его картина мира, или, по крайней мере, человеческого общества, которую он так старательно рисовал в своём сознании последние полтора года – с тех пор как понял, чем больна Леночка. А пришёл он к данной теории в результате обобщения своих наблюдений и горького опыта на протяжении не только предшествующих 5 лет, с тех пор, как его первый раз обокрал Валенков, но и всей своей жизни.

Согласно этой схеме, среди людей есть некоторое количество не просто плохих, но специфически больных людей – психопатов. Пытаться их убедить, взывая к несуществующим человеческим чувствам и совести бесполезно. Таких, как говорится, только могила исправит. Остальных, как представлялось Джонни, можно убедить, по крайней мере в принципе: причиняя вред, будь то насилием или обманом, другому человеку, ты делаешь плохо в первую очередь себе.

Однако теперь, столкнувшись с суровой реальностью, эта чудесная теория, которой с некоторых пор руководствовался Джонни, разваливалась, словно картонный домик. Допустим, Сергей Туповский, будучи психопатом, неизлечимо болен. Поэтому у него всегда будет такое бессовестное поведение. Но как тогда

быть с Женей? Или с его девкой, а по совместительству соучастницей? Коль скоро они ведут себя по отношению к Джонни, по сути, подобно Сергею, получается, они тоже психопаты? Или какой тогда смысл произвольно одних обозначать этим термином, а других нет, если поступки тех и других в основных своих чертах идентичны? Но что же тогда получается? Джонни, такого хорошего и замечательного, со всех сторон окружают бессовестные психопаты, которые так и норовят его обмануть и использовать для реализации своих корыстных, эгоистических целей за его счёт?

Накрутив себя такими мыслями, Джонни начинал всё острее чувствовать ненависть ко всему миру, точнее, двуногим тварям, его населяющим, которая перерастала в неутолимую жажду мщения за непочтительное отношение к нему. При таком подходе уже было неважно, сделал ли человек плохое лично ему, или нет. Главное – их настрой при возможности использовать Джонни в своих интересах, чего бы ему это ни стоило. А потому он теперь так же не собирается с ними считаться.

Возможность отыграть свои фрустрации, хоть немного наживаясь за счёт ни в чём непосредственно не виноватых перед ним людей, открылась для Джонни не далее как в тот же день. У него на районе были двое хороших знакомых – Вова и Ваня, которые время от времени приносили ему на обслуживание или модернизацию компьютеры, свои и родственников.

Как – то ещё в июле, через несколько дней после похорон мамы Джонни, к нему приехал Вова с Андреем, своим корешем из лихих 90-х. Андрей на тот момент только недавно освободился из мест лишения, и денег у него было очень мало. А потому Вова посоветовал ему обратиться к Джонни за очень недорогим компьютером, «чтобы так, чисто в инете полазить, порнуху посмотреть».

Через две недели после продажи компа, на следующий день после возвращения Джонни из Израиля, им с Андреем пришлось пересечься снова при следующих обстоятельствах. Андрей, на основании рассказов знакомых уверенный, что за безлимитный домашний интернет нужно платить минимум триста – четыреста рублей в месяц, был вначале очень обрадован, когда агенты одного известного интернет – провайдера предложили ему подключиться с абонентской платой в размере всего ста рублей. При условии, правда, безвозвратного внесения оплаты сразу за несколько месяцев вперёд. Но вот незадача: несмотря на разумную заявленную скорость, 12 мегабит в секунду, герои видеоматериалов, которые обычно смотрел Андрей, совокуплялись, словно эстонские бегуны, постоянно замирая в совершенно неуместных позах! Техническая же поддержка провайдера, когда Андрей к ним обратился, естественно, заявила: это у Вас компьютер так работает!

Тогда Андрей, который был не в восторге наблюдать тормозные шоу, пригласил Джонни разобраться. Как Джонни и предполагал, когда он запустил speed test, реальная скорость соединения оказалась колеблющейся в пределах от ста до пятисот килобит в секунду. После того как он объяснил Андрею наиболее вероятную причину такого снижения скорости (все жильцы дома подключились на радостях за сто рублей, но пропускная способность сети, протянутой к их зданию, шире не стала!), тот попытался выяснять отношения с провайдером. Однако, как и предполагал Джонни, это ни к каким положительным результатам не привело, поскольку что операторы сотовой связи, что провайдеры домашнего интернета – такая мафия, с которой даже матёрым бандитам бычиться бесперспективно. Зато Андрей теперь знал, к кому обращаться по вопросам, связанным с компьютерной техникой.

Незадолго до того дня, когда Джонни особенно остро почувствовал обиду на всё человечество, среди представителей которого столько злых и вообще нехороших людей, Андрей неожиданно (они не общались с лета) позвонил ему и привёз ноутбук без зарядки с просьбой «стереть все данные и переустановить систему».

Как только за Андреем закрылась дверь, любопытный Джонни, заинтригованный неоднократной настойчивой просьбой «обязательно удалить всё», включил ноут. Однако сколько он ни рыскал по папкам, ничего особо крамольного найти ему не удалось. Кругом были какие-то хозяйственные документы и всяческая бухгалтерия торговца средней руки и никаких национальных тайн, договоров о поставке оружия и прочего! Да у него на ноуте даже порнушки не было! Небось, у гада хватает денег на реальных баб, – цинично подумал Джонни. Разочарованный, он собрался перезагрузить ноутбук с CD и отформатировать жёсткий диск, дабы безвозвратно стереть информацию. Этого, однако, ему не удалось сделать, так как села батарейка. Джонни собирался вначале позвонить Андрею и объяснить ситуацию, умолчав только о том факте, как лазил по чужим файлам, однако потом решил этого не делать и подождать, пока Андрей сам позвонит. А вдруг забудет, а там, смотришь, его снова посадят, – строил предположения Джонни.

Но Андрей не забыл и не пошёл на посадку, а объявился в тот самый день, когда Джонни вознамерился наказывать всё человечество. Андрей позвонил и предложил выкупить у него ноутбук, поскольку ему нужны деньги. Теперь у Джонни уже не было сомнения в происхождении устройства, а также в том, почему Андрей настаивал на уничтожении данных. Получается, ноут пи***ный, – подумал Джонни. Разумеется, у него не было никаких угрозений на сей счёт. В конце концов, у владельца (теперь уже бывшего) нота были деньги на баб (по крайней мере, к такому выводу пришёл Джонни, не найдя в ноуте порнографии), а у него нет. Поэтому Джонни может хотя бы в некоторой степени восстановить справедливость и на вырученные средства купить себе... нет, не бабу, конечно... ну их нах, а пожрать чего-нибудь хотя бы, благо после визитов Сергея и Жени тряпок у него было полно.

К немалому удивлению Джонни, когда он предложил в телефонном разговоре с Андреем сумму в четыре тысячи рублей, тот не стал с ним торговаться, а только сказал кратко: я сейчас приеду. Однако когда

Андрей приехал и они остались наедине, начался очень неприятный для Джонни разговор. Неожиданно зловещим, угрожающим тоном Андрей спросил: «Вот скажи мне, Джонни, такую вещь. Почему я узнавал на Царицынском рынке, назвал им модель, и они сказали, что купят его за семь – восемь тысяч! А ты мне предлагаешь четыре? Ты за кого меня держишь вообще?!»

В следующие несколько секунд повисшего в воздухе напряжения Джонни неожиданно осознал, в каких ситуациях даже такой безнадёжный невротик как он может вести себя смелее, или, по крайней мере, более безрассудно, нежели психопат. Психопат, подобный Андрею Валенкову или Сергею Туповскому, столкнувшись с непосредственной угрозой со стороны превосходящей силы, просто отступит. Мелкий зверь пропустит вперёд более сильного хищника.

Но поведение Джонни в такой ситуации могло быть совершенно парадоксальным. Казалось, ему, даже в отсутствие непосредственной угрозы постоянно одержимому страхом смерти, а также массой специфических фобий, связанных с множеством путей потерять жизнь, следовало поджать хвост и занять подчинённую позицию. И бывало, конечно, он именно так и делал. Но время от времени он, напротив, шёл на эскалацию конфликта, подвергая себя огромному риску. Чем же было обусловлено такое его, казалось бы, абсурдное поведение, идущее наперекор обычно болезненно обострённому в нём инстинкту самосохранения? Почему в первую очередь не спасать свою задницу, не пытаться по максимуму сохранить себе жизнь? Допустим, он поступит так. Но тогда весь остаток дней он проведёт с невыносимыми чувствами поражения и унижения, не дающими ему покоя. Они будут постоянно преследовать его в навязчивых мыслях, от которых нет спасения, кроме как умереть. Даже в его болезненном, по большей части безрадостном детстве эти мысли не были у него столь назойливыми. Тогда, приходя из детского сада или школы, где его постоянно обижали, он просто погружался с головой в свои бессмысленные занятия. И лишь когда мама интересовалась у него, дружит ли он с ребятами, Джонни, пытаясь сдержать слёзы, гневно сжимал кулачки и повторял: я их всех победю! А потом, слыша в ответ её насмешливое: «ну конечно-конечно, обязательно!», Джонни впадал в крупномасштабную истерику. Он принимался крушить вещи в квартире, чтобы тем самым наказать мать за унижение. Джонни знал, что в отличие от одноклассников, она не сумеет физически справиться с ним, и пользовался этим обстоятельством. С этими же моральными уродами, как ему тогда мечталось, он непременно сочтётся, когда вырастет большим и сильным.

Однако теперь, когда стало ясно, что это не наступит никогда, даже если бы ему было суждено дожить до старости (на что также не было надежды, учитывая его состояние здоровья), Джонни просто не мог себе позволить продолжать коллекционировать опыт поражений и унижений, навязчивые воспоминания о которых составляли основное содержание его сознания.

Вероятно, подстёгиваемый именно такими соображениями, четыре года назад в безлюдной подворотне, куда он забрёл, заблудившись, он сказал окружившей его компании гопников: «Хотите мой телефон «позвонить»? Вы его не получите! Идите на х**!» Впрочем, потом, после того как Джонни очнулся, он так никогда и не вспомнил, что и как там было. И впоследствии, неоднократно проезжая мимо этого места на транспорте, он только неоднократно с ужасом думал о том, как ему повезло, что он выжил, и у него при всех его проблемах с памятью не развилась такая ужасная антероградная и частичная ретроградная амнезия, как у Клайва Веаринга или Генри Молесона. У них, правда, были не травмы, а другое: известный британский музыкант перенёс энцефалит, вызванный вирусом простого герпеса, а вошедший во многие учебники знаменитый «пациент Г.М.» подвергся оперативному лечению эпилепсии, в ходе которого ему удалили передние 2/3 гиппокампа с двух сторон и ещё много чего нужного и полезного.

Джонни также неоднократно посещала мысль о том, что какие-нибудь психолухи могли объяснить его собственную неспособность вспомнить саму сцену драки как недопущение в сознание повторного переживания слишком сильно травмирующего опыта. Но он-то понимал: это, как и многое из сочиняемого психолухами был бы просто гон, так как у него в тот период причиной нарушения функционирования сознания и памяти была серьёзная травма головы. Хотя подробности он, к сожалению, тогда выяснить не мог, поскольку медики им заниматься не захотели, очевидно, так как с него, глядя по его одежке, было нечего взять в плане бабла.

Подобным образом и теперь, в ответ на наезд Андрея, Джонни хотелось с насмешкой протянуть ему принесённый им ноутбук, и сказать: «на, удачи тебе продать его на рынке за восемь тысяч!». Тем самым Джонни как бы давал ему понять: «твои заявления – блеф!» Он также представлял себе, какие приключения может найти себе рецидивист, пришедший на базар продавать палёный ноут без зарядки.

Однако тут же Джонни словно опомнился. Ему неожиданно стало очень тревожно, когда он вспомнил, как минут за десять – пятнадцать до приезда Андрея ему чуть ли не хором звонили Вова и Ваня, через которых, собственно, Джонни с ним и познакомился. Они словно в один явно обеспокоенный голос предупредили его: «К тебе там собирается приехать этот... Лучше не пускай его вообще, под каким-нибудь благовидным предлогом. Неизвестно, что у него на уме. Возможно, недоброе. Будь осторожен с ним. Береги себя».

Неожиданно Джонни стало ещё больше не по себе. Конечно, Андрей этот уже явно не тот здоровый мужик, каким, со слов Вовы и Вани, он был в лихие 90-е. Он вышел из тюрьмы официально засвидетельствованным инвалидом – так учреждения, призванные исправлять душу человека, калечат его тело. Однако сам Джонни фактически стал последнее время ещё большим калекой, для которого было целым событием даже в магазин ближайший за продуктами сходить.

В этот неожиданно сошедший на него неизвестно откуда момент просветления, Джонни вдруг представил себя – обычно такого смелого, когда он обсирал, на чём свет стоит, людей в интернете – в реальном рукопашном бою с бандитом, и ему стало по-настоящему страшно. А потом, если разобраться, ситуация-то у него в любом случае получается безвыигрышная. Ведь если даже, паче чаяния, он вообще убьёт своего противника насмерть, то его просто посадят в тюрьму, где он, в отличие от этого Андрея, отбывшего за решёткой более десяти лет, не выживет и недели.

А ещё, по словам Вани, Андрей – ВИЧ – инфицированный наркоман. Поэтому, какой смысл побеждать его в кровопролитной драке, чтобы потом стать жертвой микроскопической хрени, у которой даже мозга нет, а только рибонуклеиновая кислота в белковой оболочке?! Конечно, средняя продолжительность жизни с момента инфицирования составляет примерно десять лет, а Джонни в любом случае и без вируса столько не проживёт, но всё равно стрёмно заразиться СПИДом.

Потом Джонни не мог не подумать о том, сколько денег фактически подарил если не психически, то физически вполне здоровой сучке, чтобы теперь устраивать из-за пары тысяч смертный бой с инвалидом – мелким воришкой.

Под влиянием таких мыслей Джонни неожиданно для себя стал более вежливым и тактичным в этой напряжённой беседе с Андреем, пытаясь сформулировать свои аргументы более деликатно. Он первым делом спросил: это они тебе за него без зарядки семь тысяч предлагают? А когда Андрей утвердительно кивнул головой, Джонни продолжил: «В любом случае, они просто так сразу у тебя его не купят, ты уж мне не говори! Им нужно вначале его протестировать, т.к. если он нерабочий, то им нафиг за такие деньги не нужен. Для этого у них есть универсальные адаптеры, которыми любой ноут можно питать. У меня такого нет, т.к. я ремонтом и продажей ноутбуков не занимаюсь практически, только если через знакомых и постоянных клиентов, чищу системы охлаждения или жёсткие диски меняю, у кого накрываются, но для этой цели мне со своими зарядками приносят. Поэтому мне даже включить его нормально было нечем. Ты попросил меня стереть с него данные, я его включил, а у него батарейка закончилась, он погас и всё... Тем самым Джонни как бы намекал на дополнительный риск для Андрея реализации на рынке краденого ноутбука, с которого так и не были удалены данные законного владельца. Потом Джонни подчеркнул: договорились на четыре тысячи – я рассчитывал на эту сумму. Тем самым он как бы показывал Андрею: не у одного тебя проблемы с деньгами!

Выслушав объяснения, Андрей понимающе кивнул головой и поинтересовался, когда Джонни сможет найти «родной» адаптер. Джонни прикинул: в конце недели к нему должен приехать Владимир, занимающийся ремонтом плат, за сломанными железками. Джонни попросит его на рынке купить адаптер, который заберёт ещё через неделю. В итоге договорились таким образом: Джонни немедленно отдавал Андрею четыре тысячи и оставлял себе ноутбук. А через две недели, когда после покупки адаптера будет возможность проверки, в случае исправности ноутбука Джонни отдаёт ещё две тысячи.

Когда Андрей ушёл, Джонни расстроился: надо было отдать ему сразу эти две тысячи, чтобы больше уже не пришлось иметь дело с этим уголовником – а то вдруг потом ещё «попросит», да ещё в такой агрессивной манере, как на этот раз! Джонни как «уважающему себя» невротиком было неприятно каждый раз, когда в будущем ему предстояли заведомо неприятные события. В таких случаях ему было очень сложно радоваться положительным моментам «здесь и теперь», зная о грядущих трудностях. Где-то на уровне разума он прекрасно понимал, насколько абсурдно такое восприятие, поскольку ведь и жизнь человеческая хорошо закончиться не может – только смертью, и если думать постоянно об этом, то вообще ничего по гроб жизни приятного не будет, а за тем последним порогом для атеиста и подавно!

Но одно дело концептуальное осознание ситуации, и совсем другое – способность перестроить своё чувство так, чтобы день за днём, час за часом иметь возможность наслаждаться жизнью, невзирая на её ограниченность во времени и значительные преграды, обусловленные серьёзными проблемами со здоровьем. Видимо, такая органическая неспособность испытывать радость повседневного бытия была наглухо прошита в больную голову, – приходил к неутешительному выводу Джонни.

От потока подобных неутешительных философских мыслей его отвлек неожиданно впервые замеченный им в углу коридора пакет, очевидно, оставленный Андреем. Внутри лежали шапка, перчатка, шарф и ещё кое-какие тряпки. Джонни не помнил, было ли всё это на Андрее во время их разговора. Джонни с детства боялся не только глядеть в глаза собеседнику, но и вообще в его (или её) направлении, а потому привычно то и дело опускал или отводил сторону свой взор. У него вначале было желание позвонить Андрею и сказать: «ты тут оставил свои вещи», но потом нежелание видеть того ещё раз, тем более за такое короткое время, пересилило благие намерения, и Джонни подумал: «Ничего. Если ему нужно, то спохватится и вернётся».

Владимир был удивительно порядочным человеком. Практически каждый воскресный вечер он ездил за город навещать своих пожилых родителей, а по пути заглядывал к Джонни, чтобы забрать железки в ремонт. На следующей неделе после визита Андрея с ноутбуком Владимир был на рынке и приобрёл там нужный Джонни адаптер. Однако в воскресенье было снежно и морозно, и у Владимира, как у многих других людей, зарабатывающих себе на жизнь пусть и высококвалифицированным, но ручным трудом, а потому не имеющим возможности покупать новые дорогие авто, не завелась машина. Соответственно, он не смог поехать к своим родителям и к Джонни.

Джонни же, когда узнал эту новость, поймал себя на очень нехорошей мысли. С одной стороны, в теории он вроде как от души желал людям добра. Но в данном случае поймал себя на крамольном желании, чтобы с Андреем стряслась какая-нибудь неприятность, которая помешает ему приехать к Джонни раньше, недели это удастся Владимиру, так как в противном случае придётся расплачиваться за ещё не проверенный ноутбук. Однако, как в очередной раз к своему большому разочарованию убедился Джонни, плохое в такой ситуации может случиться только с ним самим, либо с людьми (как в данном случае с Владимиром), от которых он зависит. Практически точно в оговоренный в предыдущую встречу день, Андрей позвонил и поинтересовался, удалось ли проверить ноутбук. На что Джонни (готовый, впрочем, в случае сильной враждебности Андрея пойти на уступки) объяснил ситуацию, как есть, и просил подождать ещё неделю, а Андрей, на его удивление, отнёсся с пониманием.

Однако, как назло, ближе к воскресенью, с характерной для него удивительной предупредительностью позвонил Владимир и весьма расстроенным голосом сообщил о поломке своей машины. Другой человек на месте Джонни, наверное, назвал бы сложившееся положение проявлением «закона подлости». Однако сам Джонни, при всей своей негативной эмоциональности, так не считал. По его мнению, люди просто обычно дольше помнят плохое, от кого бы оно ни исходило – других двуногих или слепой судьбы. Хотя другие люди, наверное, всё же вызывают большую злопамятность.

Но, так или иначе, здоровье уже не позволяло Джонни самому доехать до работы Владимира, особенно с учётом развившейся в последнее время агорафобии, из-за которой любая вылазка даже на небольшое расстояние от дома превращалась в пытку. А потому, когда позвонил Андрей и поинтересовался, удалось ли протестировать ноутбук, Джонни только сказал сухо: «Приезжай. Я отдам тебе оставшиеся деньги».

Зайдя в квартиру, Андрей, словно гордясь, «вот видишь, я продал тебе хорошую вещь, а ты говорил...», ещё раз повторил вопрос, только на этот раз в несколько иной форме: «Ну как, всё работает?» В ответ Джонни не стал врать, даже если сказать правду в данной ситуации означало не только выставить себя полным идиотом, не способным выполнить намеченное, но и признание абсурдности разделения получения денег Андреем на два этапа. Словно пытаясь даже не оправдаться, а хоть как-то объяснить, почему у него опять всё так глупо получилось, Джонни сказал: «Просто раз уж я обещал тебе, значит, приходится выполнять, как бы там ни было». Андрей ничего ему на это не ответил, а только молча протянул руку.

Конечно же, этот жест не мог не привести Джонни в недоумение. Как и ещё один пакет с зимней одеждой, как бы невзначай оставленный Андреем у него в квартире.

Но вовсе не об этом думал в первую очередь Джонни после того, как Андрей, пожелав ему «всех благ», закрыл за собой дверь. Джонни неожиданно погрузился в печальные размышления о том, почему его жизнь пришла к такому итогу. Ведь по сути, после того как, по словам его грёбаных родственничков (которых Джонни ненавидел до тех пор, пока благополучно не послал всех их на х**, прекратив контакты) его мать и бабушка всю свою жизнь пытались заработать на и обустроить квартиру, он превратил её в свалку металлолома и тряпья.

Джонни прекрасно понимал, как другие добивались успеха – в основном при помощи принуждения и обмана. А сам он никогда толком не умел ни драться, ни врать. Каждый раз, когда ему приходилось говорить неправду, Джонни тушевался и представлял себе, как плохо он сделает тому человеку, какие может причинить страдания и тому подобное. В подобных ситуациях он словно чувствовал чужую боль, ставя себя на место своей потенциальной жертвы и... нередко отказывался от своей затеи, даже если это приносило ему в итоге неприятности или убытки.

Но не меньше страданий, нежели издержки собственной неспособности обманывать людей, доставляли ему постоянно возникавшие ситуации, в которых его самого обманывали или ещё как-то использовали другие. Драматизм переживаний усиливался болезненным осознанием, всё чаще посещавшим его последнее время в связи с накоплением горького и унижительного опыта. Раньше Джонни был уверен: так подло с другими могут поступать лишь отдельные, особенно «плохие» люди. Быть может, в своё время они сами стали жертвами, или у них было трудное детство. Когда Джонни открыл для себя теорию про психопатов, у него вроде как появилось удобное объяснение: Эти люди больны на органическом, генетическом уровне. В мозгу у такого человека отсутствуют важные структуры, отвечающие за эмоциональные реакции, вследствие чего он оказывается равнодушным к страданиям других, неспособным к сопереживанию.

И в то же время, ему нередко (заведомо слишком часто, чтобы их всех объявить прирождёнными психопатами) встречались люди, чьё поведение недвусмысленно свидетельствовало об их позиции: «я обману или как-то ещё использую тебя при первой возможности». Более того, их заведомо вредоносные поступки не встречали осуждения в обществе. Напротив, уважаемые бизнес – тренеры, мотивационные ораторы и даже психолуки поучали обывателей осознанно подражать подобным негодям, целенаправленно разыскивая и окучивая беззащитных овечек, которых безнаказанно можно ободрать.

При таком раскладе уже не было смысла надеяться объяснить как самому человеку, так и другим, выступающим в данной ситуации безучастными сторонними наблюдателями, что он поступает неправильно, делая тебе плохо. Ведь с их точки зрения, это твоя личная проблема, которая больше никого не касается. И тогда получается, во многих случаях противостоять эскалации обмана, эксплуатации,

унижения может лишь реальная грубая физическая сила. Но где её взять, если у тебя нет, и никогда не будет нормального здоровья?

Больные люди в больном обществе

Когда – то давным-давно, в подростковые годы Джонни мечтал о том, как он станет здоровым и сильным, и сможет не только решительно отстаивать свои законные интересы, но и защищать слабых от произвола двуногих хищников. Однако это, как практически и все прочие благие намерения в жизни Джонни, могло осуществиться лишь в его фантазиях.

В суровой же действительности все его потуги заняться физическими упражнениями, чтобы нарастить мышечную массу, которая позволила бы ему выглядеть в глазах других источником реальной силы, терпели фиаско примерно по следующему сценарию:

После напряжённых усилий Джонни резко стало плохо – было трудно дышать, окружающий мир начинал казаться нереальным, возникал невыносимый страх скорой неминуемой смерти. А на следующий день Джонни отправлялся в поликлинику к терапевту «проверить сердце» – по его представлениям на тот момент, отказ именно этого органа должен был преждевременно оборвать его жизнь. Однако врач Бургомистрова и тем более время от времени подменявшая её (по сути, в роли статиста, способного лишь выписывать больничные) гастарбайтерша оказывались не в состоянии даже поставить вразумительный диагноз, помимо пресловутой «вегетососудистой дистонии» и (в неформальном разговоре с мамой Джонни) «излишней мнительности», и отправляла к невропатологу. Та же, после практически бессмысленного в такой ситуации ритуала постукивания по коленкам, предлагала прекратить нюхать клей и растворители, взять себя в руки и заняться спортом. Либо... обратиться к психиатру. Последнее уже говорилось ею с глазу на глаз маме Джонни, которая потом пересказывала ему, умоляя взять себя в руки и страшая для пущей убедительности тем, как гробят людей в психбольнице ядовитыми препаратами. А затем начинались скандалы, когда мама заставляла Джонни ездить к экстрасенсам «раз официальная медицина не помогает». И страдания Джонни только усугублялись, когда он полным ненависти взглядом наблюдал за тем, как шарлатан гребёт себе в карман мамины деньги, беспардонно наживаясь на несовершенстве медицины и неспособности некоторых людей примириться с тем, что некоторые болезни просто не лечатся.

С тех пор прошла примерно четверть века. У Джонни уже давно не возникало даже мыслей о силовых тренировках. Указание на то, к чему привели бы его такие попытки, он получил несколько лет назад, когда имел неосторожность немного пробежаться рысью за автобусом, чтобы потом долго не ждать. Неожиданно ему стало трудно дышать, он почувствовал, как не может сделать полноценный вдох, сердце стало колотиться так, словно вот-вот разорвётся на части, окружающая обстановка вдруг показалась нереальной, и случайные прохожие стали свидетелями того, как Джонни прощался с жизнью, жадно лоя ртом воздух. Потом, не раз вспоминая эту историю, Джонни с ужасом думал о том, как близок он был тогда к тому, чтобы безвозвратно перейти из состояния «зрачки расширены от страха» в «зрачки расширены, на свет не реагируют».

Теперь ему оставалось только стремиться реализовать программу – минимум: как пожить ещё немного, хотя бы несколько лет? Конечно, живи он в подлинно цивилизованной стране, первым разумным шагом в попытке поправить серьёзно пошатнувшееся здоровье был бы визит к врачу, дабы воспользоваться методами современной инструментальной диагностики, а также знаниями, которыми располагает специалист. Но к какому? Очевидно, в его ситуации это был бы невропатолог, или, как теперь их принято называть на западный манер, невролог.

Только вот незадача: Джонни до сих пор вспоминал свои отвратительные ощущения, когда во время последней болезни его мамы приходила невролог Ряхина. Физически он той весной чувствовал себя ещё не так плохо, как сейчас, однако моральное состояние его было совершенно ужасным. Состояние умиравшей мамы поставило тогда перед ним слишком много чисто практических и иных вопросов, на которые Джонни не только не знал ответа, но даже не представлял себе, с чего начинать. Однако один важный момент стал ему в те трудные дни предельно ясен: как бы тебе ни было плохо, рассчитывать на помощь со стороны медицины не приходилось.

Почему? Ответ на этот вопрос становился очевиден, когда Джонни невольно слышал разговоры бабок – бывших знакомых его мамы. Эти очень бойкие женщины, много повидавшие на своём веку, ещё отнюдь не впали в болезнь Альцгеймера или иную сенильную деменцию, а потому могли без труда прикинуть в уме, что автомобиль, на котором разъезжает «эта врачиха» равен по своей стоимости её официальной зарплате в поликлинике за шесть лет.

Впрочем, хотя он тоже, как говорят дерьмократы и им подобные, любил считать деньги в чужих карманах, в своей моральной оценке данного обстоятельства Джонни кардинально расходился с этими женщинами. С его точки зрения, доктор Ряхина имела ничуть не меньшее моральное право на комфортную жизнь, нежели многочисленные офисные служащие, которые, даже рядовой планктон, ни хрена не производили – ни товаров, ни подлинных благ. В противоположность им, невролог Ряхина приносила реальную пользу людям – пусть богатеньким, или, по крайней мере, заведомо платёжеспособным, а потому, возможно, классовым врагам Джонни, но в этой роли она отвечала высокому призванию врача. Глупо требовать от человека, даже медика, каждодневного самопожертвования в его профессиональной

деятельности, если государственная политика в сфере здравоохранения не обеспечивает материальных ресурсов для оказания медицинской помощи каждому нуждающемуся в ней, независимо от его финансового положения.

А недавно Джонни невольно получил дополнительное свидетельство бесперспективности в его ситуации обращения за медицинской помощью. На основании увиденного он ещё раз убедился: крайне негативные впечатления, сформировавшиеся у него о работе системы здравоохранения, не были артефактами его личного опыта общения с неврологом Ряхиной или терапевтом Чепушенковой, а также случайно услышанных разговоров бабок со двора.

А дело было так. Водитель «Газели», перевозивший железки Джонни, а также товарищ водителя, сидевший с ними в кабине, смотрели телепередачу. Первой мыслью Джонни, никогда ранее не сталкивавшегося с просмотром зомбящика в машине, было: «до чего дошёл прогресс». Потом, разумеется, Джонни не мог подумать о том, что если разговор по мобильнику, говорят, приводит к увеличению числа автокатастроф, то каковы могут быть последствия, когда водила ещё и телевизор смотрит. Тут же, впрочем, у него возникла и другая мысль, о том, как ящик помогает не сойти с ума человеку, вынужденному стоять большую часть своего рабочего дня в пробках, особенно в период осенне-зимней слякоти.

Так или иначе, Джонни неожиданно вынырнул из погружения в свои собственные печальные мысли, услышав голос ведущей ток-шоу: «Мы сегодня поговорим о реально имевших место трагических случаях, связанных с медицинской практикой, и о том, можно ли подобный исход предотвратить». Когда ещё была жива и более-менее в здравом уме его мама, и Джонни делился с ней тем, как случайно увидел подобную программу, она говорила ему: «везёт тебе, Хрюшка, на такие передачи!» Очевидно, она была каждый раз очень обеспокоена, как бы под впечатлением от увиденного у него крыша не съехала ещё дальше. Сам же Джонни обычно не считал это обстоятельство «везением», то есть не зависящей от него случайностью. По его мнению, идя по жизни, большинство людей сталкиваются с подобными телетрансляциями в общественных местах, а также прочими упоминаниями о смерти, неизлечимых болезнях и т.д., со сравнимой вероятностью. Ну а потом уже каждый для себя выбирает, обращать ему на это внимание, или нет.

На этот раз ситуация осложнялась тем, что смотреть передачу о тяжёлых болезнях и смерти Джонни пришлось в условиях дополнительного нервного напряжения. Мало того, что он практически не видел экрана, так ещё и не слышал половины слов. У него даже возникло сильное желание попросить сделать погромче, но озвучить его Джонни так и не решился. Только подумал: «Везёт психопатам! Когда им нужно, они просто прямо говорят: я хочу вот это или вон то!» Джонни же обычно в подобных ситуациях упирался в непреодолимую стену собственной рефлексии: «А что человек обо мне после этого подумает? А не сочтёт ли он(а) меня после этого ещё большим неадекватом, чем по мне и без того видно?!»

Впрочем, несмотря на эти сложности, основные моменты передачи Джонни всё же себе твёрдо уяснил. Первая женщина говорила, с трудом сдерживая слёзы. Она недавно потеряла мужа, с которым прожила более тридцати лет. Примечательно, что они многие годы работали вместе в медицине, на одной станции скорой помощи: она фельдшером, а он водителем.

В принципе, казалось бы, не было ничего удивительного в том, что пациенту не стали делать радикальную операцию – слишком неблагоприятными были шансы. Как логичным было и решение не делать ему переливание крови, когда он впал в критическое состояние, так как исход всё равно был предрешённым. Тем не менее, на основании рассказа женщины, который был вполне убедительным, несмотря на эмоциональные проявления, то и дело прерывавшие её изложение, у Джонни сложилось устойчивое впечатление, что дело также было в социальном статусе пациента. И окажись на месте бывшего водителя скорой помощи, недавно вышедшего на пенсию, какой-нибудь крупный коммерсант или чиновник, то не только протокол лечения был бы другим, дающим больше шансов пациенту на реальное продление жизни, но изменилось бы даже чисто человеческое отношение медперсонала.

Тогда, получается, жизнь человека, долгие годы работавшего в команде, спасающей других людей, ценится гораздо меньше жизни того, кто занимался собственным обогащением, скорее всего, за счёт других людей (учитывая преимущественный характер бизнеса и власти в этой стране), а теперь зато располагает средствами купить услуги продажной медицины!

Впрочем, как показывала печальная история другой женщины, в стране, где система здравоохранения напоминает вертеп разбойников, бывает, и богатые тоже плачут. Супруг второй участницы ток-шоу увлекался то ли нырянием, то ли подводным плаванием, пока не получил серьёзную травму позвоночника. В медицинском центре, куда он обратился, пока ещё был в состоянии сделать это сам, ему сделали операцию, в результате которой он, по своей вероятности, проведёт (теперь уже короткий) остаток своей жизни в состоянии парализованного овоща.

Нет, Джонни прекрасно понимал, насколько несовершенны наши знания о мире и способность исправлять дефекты функционирования, пожалуй, самой сложной системы в природе – человеческого организма. А потому даже при высокой квалификации хирурга возможны непредвиденные трагические осложнения, ведущие к летальному исходу. Джонни помнил, как у него открылось сильное кровотечение в ходе такого, казалось бы, банального и хорошо отработанного вмешательства, как удаление миндалин, а потом были осложнения, связанные с распространением инфекции (лимфаденит). К тому же, согласно представлениям современной медицины, тогда у него, наверное, не было достаточных показаний для

операции. Но в те годы, врачи просто не могли понять, что с ним творится, и не имели возможности это выяснить, а потому пытались пробовать известные им методы лечения типа отрезать что-нибудь, даже если не были понятны причины происходящего.

Однако в ситуации женщины, которая выступала в программе, был один очень важный момент: когда она, уже будучи в отчаянии, обошла множество врачей с фактически бессмысленным (её супругу невозможно было вернуть подвижность) уже на тот момент вопросом «как же теперь быть?», некоторые из них сказали ей, что операцию её мужу вовсе не обязательно было делать. Конечно, доктора при этом обычно старались уходить от ответа на вопрос о причинах драматической ошибки, видимо, стараясь соблюдать врачебную этику и потому избегая катить бочку прямым курсом в направлении трагически накосячивших коллег, а может, опасаясь конфликта в случае, если их мнение станет известно тому, о ком оно было высказано. Тем не менее, кое-кто из них прозрачно намекнул на роль «человеческого фактора».

Конечно, такая передача не могла не произвести неизгладимого впечатления на Джонни. В ту ночь он долго не мог уснуть, когда, ворочаясь, вспоминал те или иные фрагменты программы. Однако, как ни странно, он увидел в ней и положительные моменты. Так, Джонни был восхищён тем, с какой самоотверженностью выступавшие в передаче женщины боролись до последнего за жизнь и здоровье своих мужей. Наверное, у них была настоящая любовь,— подумал Джонни. Чувство, на которое не способны двадцатилетние куклы с гипертрофированными губами и тренированными задницами. Нет, конечно же, практически любая ТП может гордо разглагольствовать, как она жить не может без своего очередного кавалера. И даже если ткнуть её носом в конкретные прагматические причины такой «любви», она может заявить надменным тоном: «я его люблю не за то, что у него есть, а за внутренние качества, позволившие ему этого достичь». Но случись что-нибудь с человеком – не мелкие временные трудности, а реальное несчастье, и она уже с другим, а он остаётся один.

Впрочем, Джонни умудрился найти для себя негатив даже в самоотверженной заботе женщин из передачи о своих мужьях. Он печально подумал о том, что если, несмотря на все усилия и множество врачей, которых они обошли, им ничего не удалось добиться от системы, то каковы перспективы того, у кого близких вообще нет и кто никому на белом свете не нужен? Когда медицинские работники точно знают, что если ты сдохнешь, то никто даже не спохватится, не говоря уже про то, чтобы ходить, добиваться чего-то для тебя или предъявлять претензии по поводу неадекватного лечения или халатности. При таком раскладе максимум, на что может рассчитывать бедный совершенно одинокий пациент в «бесплатной» ОМС системе, так это что врачи, не заморачиваясь с обследованиями и постановкой точного диагноза, выяснением причин и т.д., выпишут таблетки для сбивания симптомов. Такой подход очень удобен системе здравоохранения: больной будет меньше беспокоить, а заодно повысит свои шансы откинуть копытца в результате побочных эффектов. Естественно, про операцию в такой ситуации лучше даже не думать – если её и согласятся делать, чтобы начинающим хирургам было на ком практиковаться, то это фактически прямая дорога на тот свет.

Либо есть ещё вариант, который, правда, маловероятен в силу небольшого количества таких заведений: больница какого-нибудь «научного» учреждения, где, суля самые передовые методы лечения, из тебя сделают подопытного кролика для опробования препаратов и процедур, которые в случае успеха будут применяться в терапии платёжеспособных господ. Люди, у которых, подобно Джонни, не было ни близких, ни друзей, были для этих контор очень удобными субъектами – никто не будет судиться, когда никому не нужного субъекта угробят.

Если же обратиться в платную контору, то сначала, следуя негласной формуле таких организаций, будут разводиться на деньги по максимуму, страдая трагическими последствиями «пренебрежения к своему здоровью», а потом, когда средства у тебя закончатся, просто пошлют на х** независимо от объективного состояния, потребности в лечении и т.д. Либо ненавязчиво предложат влезть в долги, набрав кредитов у ассоциированных с ними структур, чтобы потом по миру пустить, а то и жильё отнять под это дело.

Ну а если в такой шарашке только просто анализы делать и прочие обследования, то где гарантия точности и правильной расшифровки? Или получится, как тогда у мамы было в центре шарлатанки Надежды (см. «Психопаты не унимаются»).

Конечно, после таких мучительных размышлений у Джонни по-прежнему оставались неразрешёнными некоторые важные вопросы. Тем не менее, он определился с ответом на главные: кто виноват и что делать (и чего не делать).

Учитывая состояние медицины в стране, ему не приходилось реально рассчитывать на лечение, которое могло бы радикально улучшить его состояние и продлить ему жизнь. Поэтому оставалось только стараться выполнить максимум намеченного, пока ещё есть силы, а потом просто лечь и сдохнуть. А сделать ему предстояло ещё непочатый край.

Во-первых, на сайт его как не ходили, так и не ходят. После всплеска на пару дней благодаря феминисткам, число посетителей, хотя и не опустилось полностью до прежнего уровня, тем не менее, по-прежнему оставалось просто никаким: два-три человека в день.

Во-вторых, и с этим ему также было очень важно разобраться, ему хотелось всё-таки понять, почему условия жизни в его стране заставляют, казалось бы, вполне нормальных молодых людей вести себя подобно психопатам, как он видел на примере Жени из Подольска, да и во множестве других случаев.

Впрочем, что касается второго из этих пунктов, неприятное происшествие, случившееся с Джонни перед Новым годом, прибавило ему оптимизма даже относительно людей, которых другие имеют реальные основания считать не очень хорошими. А заодно помогли ему ещё раз убедиться, какая моральная пропасть отделяет психопатов даже от людей с просто «антисоциальным расстройством личности» (не являющихся при этом психопатами).

В предпраздничные дни у Джонни был наплыв клиентов. Конечно, на самом деле их было не так уж много, просто больная голова и кривые руки, которыми она управляла, не позволяли ему решать возникающие задачи быстро и эффективно. Вероятно, это, а также слабеющая память, стали причиной того, что 30 декабря только под вечер, почувствовав голод, Джонни вспомнил про недоеденную ещё днём рыбу с рисом. Ещё минут двадцать он мучительно размышлял, что же теперь с этим делать. А потом, не найдя в себе сил выкинуть ценные продукты (у него всегда были проблемы с тем, чтобы выбрасывать вещи, которые вроде как ещё могут представлять ценность, а тут речь шла о ценном корме!) по-быстрому затолкал их в себя.

Опрометчивость этого поступка Джонни ощутил уже ближайшей ночью, собираясь спать. Он почувствовал недомогание и сильный озноб. Потом всю ночь провёл в полузабытии дурной дремоты, боясь даже нормально измерить температуру градусником (т.к. она была очень высокой – стоило засунуть градусник под мышку, как он показывал 38), который специально положил неподалёку от себя на тот случай, если у него совершенно не будет сил подняться.

Утром, с трудом выбравшись из туалета, Джонни подумал: срочно нужно лечиться. Основным средством он видел... питьё минералки, которой у него дома не оказалось, так как пил Джонни обычно только соки. Вначале у него была мысль сделать нечто подобное самому, растворив в кипячёной воде соль. Однако прикинув, сколько должна была простоять в открытом пакете соль, которую использовала ещё его мама, отказался от этой затеи. Температура у него была не очень высокой – 37,8. Поэтому, несмотря на врезавшийся ещё с детских лет в память строгий запрет «если у тебя повышенная температура – три дня из дома не выходить!», Джонни сделал попытку сходить за минеральной водой в ближайший магазин, располагавшийся в паре сотен метров от дома. Однако как только он вышел на улицу, ему стало совсем неважно. У него начался сильный озноб, закружилась сильнее чем обычно голова, и сопровождающее его с детства, словно проклятие, чувство нереальности окружающего стало более интенсивным, а потому невыносимо пугающим.

Опасаясь полностью потерять контроль над собой, упасть в снег и замёрзнуть, если смерть раньше не наступит от внутренних причин, Джонни поспешно вернулся домой. Но поскольку он так и не дошёл до магазина, его проблема по-прежнему не была решена. Вскипятив воду в чайнике, Джонни на удивление быстро нашёл в открытом пакете из-под сока крупнозернистую соль, которую с давних времён запасала его мама, словно на случай ядерной третьей мировой войны. Однако практически тут же, заметив во многих местах внутренней стороны пакета многочисленные коричнево-чёрные точки, Джонни с отвращением швырнул его обратно: тараканье дерьмо явно не было лучшим подспорьем при лечении пищевого отравления!

Теперь ситуация представлялась ему практически безвыходной. Пить много чистой кипячёной воды совсем без соли означало риск умереть от отёка мозга, когда концентрация натрия в сыворотке крови упадёт ниже 135 миллимоль на литр. Чувствуя сильную слабость, Джонни сел на стул на кухне, отчаянно пытаясь сообразить, что же делать дальше. Вот оно, проклятие одиночества, когда тебе плохо, а даже воды принести некому, – обречённо подумал он.

В это время зазвонил телефон. Кого там ещё..., – мелькнула раздражённая мысль. После взаимных поздравлений «с наступающим» (как-никак, 31 декабря) Андрей Денисов попросил Джонни помочь ему что-то найти в интернете по компьютерной теме. Ответ Джонни «так погугли сам» несколько удивил Андрея. Ведь обычно в аналогичной ситуации Джонни принимался покорно выполнять его просьбу. Андрей продолжал настаивать: «Что, тебе так сложно, да? Просто мне в этом долго нужно разбираться, а ты спец, тебе раз-два...»

Обычно Джонни не смел повышать голос на Андрея, но на этот раз сделал исключение. Впрочем, говорил он при этом тоном не уверенного в себе мужчины, отстаивающего свои законные интересы, а скорее капризной девки: «Андрей, послушай. Я отравился. Мне очень хреново сейчас. У меня высокая температура. Я даже не могу пойти в магазин за минеральной водой себе, чтобы лечиться, а ты говоришь искать тебе какие-то материалы».

- А друга ты не можешь попросить?
- Да зачем я буду кого-то беспокоить?..
- Ладно, ты сейчас будешь дома?..
- Ну конечно, куда же я денусь в таком состоянии?!
- Тебе нужны какие-нибудь лекарства?
- Нет, только минеральная вода.

Примерно через полчаса на пороге квартиры Джонни стоял Андрей и протягивал ему четыре полуторалитровых бутылки минеральной воды, а также несколько упаковок активированного угля. Я думаю, это тебе тоже пригодится, – сказал Андрей.

Джонни даже не знал, чему он был рад больше – минеральной воде с активированным углём или поступку Андрея. Да, наверное, по чисто житейским меркам, Андрей, не раз сидевший за разбой, грабёж и тяжкие телесные повреждения, был не самым добрым человеком. Да, было время, когда Андрей не возвращал ему долги, очевидно, пользуясь тем, что в случае лично Джонни он мог себе это позволить безнаказанно. Да, Андрей не раз его обманывал в силу того же самого обстоятельства. Да, наверное, было достаточно оснований утверждать, основываясь на его поведении и «послужном списке» правонарушений, что у Андрея было «антисоциальное расстройство личности». Тем не менее, когда Джонни было плохо, именно Андрей помог ему. И Джонни прекрасно понимал: Андрей никогда не станет потом попрекать его этим поступком: вот, мол, посмотри, что я тогда сделал для тебя. Да, Андрей порой бывал жёстким и даже жестоким. Вероятно, при жизни, которая была у него за плечами, если бы он вёл себя даже не как Джонни, а просто немного мягче, чем обычно, его бы уже давно не было в живых! Но, несмотря на всё это, у Андрея были понятия, которые даже при такой жизни позволяли ему оставаться человеком.

После ухода Андрея Джонни принялся пить минеральную воду из расчёта примерно пол-литра в час (нормально работающие почки выводят до 900 мл за этот период), закусывая активированным углём (который, учитывая, когда произошло отравление, имело смысл теперь принимать разве что для успокоения). Теперь он боялся непредвиденных осложнений, вспоминая некогда прочитанную им трагическую историю про одного парня, кажется, из Швейцарии (где медицина гораздо лучше), который однажды вместе со своим отцом (кстати, врачом по роду деятельности) ел макароны с соусом песто. А потом на следующий день разогревал и снова ел. А потом ещё два дня разогревал и ел. И последний раз, когда они так ели, им обоим поплохело. Папаша несколько раз проблевался и пришёл в себя. Парень же чувствовал себя очень плохо, становился всё более сонливым и вообще никаким. Он пожелтел (билирубин 119 мкмоль/л при норме <17), у него отказала печень (АЛТ 5270 ед./л (норм.<22), АСТ 2140 ед./л (норм.<18), протромбиновый индекс 12 (норм. 80-100)), происходил распад мышечной ткани, развилась почечная недостаточность, а потом отёк мозга, и он умер. Как было установлено в итоге, причиной трагедии стало поражение митохондрий клеток печени (как видно из клинической картины, этот яд также поражал митохондрии мышечных клеток) токсином, который выделяли бактерии *Bacillus cereus*. Джонни знал, что эти бактерии хорошо размножаются в приготовленном рисе, оставленном в тепле. И хотя у него были несколько иные симптомы, нежели обычно развиваются при отравлении токсином «рвотной» разновидности *Bacillus cereus*, Джонни не думал об этом, а просто боялся. Тем более он знал, что тепловая обработка заражённого продукта в таких случаях не спасает, т.к. рвотный токсин выдерживает температуру сто двадцать градусов Цельсия на протяжении полутора часов.

К счастью, на этот раз для Джонни всё более-менее обошлось, и к вечеру, выпив три литра минеральной воды, он почувствовал себя лучше. Конечно же, Джонни ещё в юности понял, что уже никогда не будет чувствовать себя хорошо, но, по крайней мере, сейчас его состояние по большей части вернулось к уровню до отравления, а потому он не собирался помирать в новогоднюю ночь... По крайней мере, в эту.

Казалось бы, самое время для него порадоваться жизни. Но не тут-то было! Несмотря на улучшение объективного состояния и самочувствия, Джонни по-прежнему чувствовал слабость и разбитость. Но даже не это так огорчало его, как тот факт, что тогда, когда его ждут великие дела, он вынужден без дела валяться на кровати.

Чтобы не тратить время зря в этот период вынужденного отдыха, тем более что всё равно уже выспался, пока чувствовал себя совсем плохо, Джонни включил послушать познавательную аудиозапись на компе. Мужик довольно аргументированно (хотя и не без спорных моментов) рассказывал о том, как определяющим в мотивации нормальных мужчин является стремление доминировать над себе подобными, дабы не только получить как можно больше ресурсов для себя, но и в конечном счёте иметь доступ к максимальному количеству привлекательных самок и таким образом передать как можно больше своих генов следующему поколению. Для женщины же главное – отдать себя под покровительство самого сильного.

Отсюда следовал крайне неприятный, просто убийственный для Джонни вывод. Ещё в детстве, приходя домой после школы, где его постоянно унижали, Джонни мучительно раздумывал над вопросом: почему в век технической революции, когда космолёты бороздят просторы галактики, люди не могут договориться между собой без мордобоя или угрозы насилия? Или без обмана, когда они знают, суки, что ты чисто физически не имеешь возможности дать им всем в рожу, и пользуются этим?!

Разумеется, с тех пор ситуация несколько изменилась, в том плане что игра теперь идёт по «взрослым» правилам, когда непосредственный мордобой во многих случаях уступает демонстрации контроля над материальными ресурсами, власти, влияния, однако общий смысл, когда одни могут безнаказанно эксплуатировать и унижать других, по сути, остаётся прежним.

Кроме того, теперь, когда столь модные нынче этологические/социал-дарвинистские аргументы огромными порциями вбрасываются в массовое сознание (очевидно, кому-то это очень выгодно с идеологической точки зрения!), подобное деструктивное поведение получает не только объяснение, но и обоснование. Оно представляется, таким образом, как естественное, сообразное биологической природе существ мужского пола, а потому, с этой точки зрения, осуждать его и тем более пытаться корректировать вроде как глупо.

С этой «животной» точки зрения, Джонни (и многие другие люди, оказавшиеся в том или ином смысле в сходной ситуации) – всего лишь дефективный самец, генетический мусор, не приспособленный к жизни. В первобытных джунглях его бы просто убили, или он умер бы своей смертью от голода, будучи не допущенным к корму. Теперь же, в современном обществе, у него вроде как была возможность сохранить свою жизнь до тех пор, пока своим чередом не наступит смерть от болезней. Однако всё имело свою цену: люди, с которыми он контактировал, постоянно так или иначе использовали его.

И даже психопаты с описанной этологической/социал-дарвинистской точки зрения представлялись уже не вредителями, а своего рода «санитарами леса». Ведь они обычно охотились (если можно так выразиться) на наиболее слабых, уязвимых особей, которым если и можно позволить пожить немного, чтобы кормиться за их счёт, то уж точно нельзя позволять размножаться. Таким образом, в «животных» терминах получалось, психопаты как социальные хищники даже способствовали поддержанию здоровья популяции, избавляя её от больных особей.

Но вот незадача: Лично Джонни хотел жить. Он очень-очень хотел жить! А также желал, чтобы другие общались с ним на равных, не обманывали и не использовали его, уважали его человеческое достоинство. И раньше он даже хотел найти себе самку, если повезёт!

Но как заставить других считаться с ним и с его законными интересами, если многие понимают только язык силы, даже если она проявляется не как грубое физическое принуждение, а через опосредованные цивилизацией механизмы?

На уровне теории, конечно, Джонни очень любил рассуждать о том, как в процессе эволюции у человека развивался разум и способность к состраданию. Однако на практике, даже основываясь на его собственном горьком опыте, он встречал множество людей, которые не понимали, почему, коль скоро они имеют возможность брать, не отдавая, и при этом не испытывать угрызений совести, им следует этого избегать. Тем более, если при нынешнем моральном климате социума они не встретят при этом даже общественного порицания, а потому не будет нанесён урон их репутации. Иными словами, если на каждом углу слышится, что «без лоха и жизнь плоха», зачем они будут отказывать себе в хорошей жизни?

Конечно, Джонни мог сказать им, что они поступают неправильно с моральной точки зрения. Однако ими такие его заявления, скорее всего, будут расценены как «размазывание соплей» и беспомощное нытьё, которое они попросту проигнорируют с презрением. Ведь они уважают только силу и будут считаться только с ней.

Когда Джонни осознавал всю безысходность этой ситуации, в нём начинала кипеть и klokотать ненависть ко всем тем двуногих тварям, которые обманывали и унижали не только его лично, но также многих других хороших и добрых людей, зная, что не получают отпора. Но как же тогда их за это наказать?

В мире животных у немощного индивида фактически нет шансов против физически несравнимо более сильной доминантной особи. Однако когда хронически обиженные люди используют современные технические средства, и в первую очередь огнестрельное оружие, чтобы расширить возможности своих рук, последствия могут быть значительно более масштабными. Бешеный бульдозер Марвина Химейера нанёс ущерб, превышающий примерно семь миллионов долларов. Но пиндосы, даже если и слушали по приколу, то не хотели слышать его предсмертное послание, в котором он говорил: «...вы воспользовались моей добротой. И вот что ещё вы должны знать: если вы приносите зло в чью-то жизнь, оно вернётся к вам!»

А зачем? Тогда, в 2004 году, они посмотрели ТВ, покачали головами, даже посмеялись. И пошли заниматься далее своими более важными делами, стремясь завоевать и обустроить для себя более комфортное место под солнцем, чего бы это ни стоило другим. Их жизнь продолжалась: они женились/выходили замуж и рожали детей, которым передавали не только свои гены и свою собственность, но и свои взгляды на то, какими средствами нужно добиваться желаемого.

Но утро 14 декабря 2012 года для 20 семей из Ньютауна, штат Коннектикут, принесло не только крах их проектов продолжения своего рода, но и ужасную человеческую трагедию: придя в здание начальной школы, где когда-то учился сам, 20-летний Адам Лэнза расстрелял их детей.

Естественно, событие стало лакомым куском для журналистов. Надо было видеть, с каким остервенением они обсасывали неспособность Адама нормально общаться со сверстниками, замкнутость и прочие странности, а также его диагноз синдрома Аспергера. Те, кому это было удобно с политической точки зрения, использовали повод посмаковать тему ограничения продажи оружия. Мол, иначе агрессивные психически больные будут непременно его покупать, а потом стрелять в кого попало, включая детей.

Другие вспоминали и начинали обыгрывать на все лады старую песню, сочинённую ещё полвека назад канадцем Альбертом Бандурой (правда, применительно к зомбоящику), о том, как дети копируют агрессивное поведение в компьютерных играх. А Адам Лэнза сидел каждый день играл с утра до вечера.

И лишь единицы, чьи негромкие голоса тонули в общем потоке, говорили о том, как издевались над Адамом в школе. Нет, разумеется, справедливости ради надо отметить, что многие допускали такую возможность. Однако сразу же отбрасывали её, т.к. им удалось, дескать, поговорить с некоторыми бывшими одноклассниками Адама, которые не припомнят каких-либо издевательств над ним. Ах, конечно же, так они и сознались! Им это очень надо, чтобы потом к ним пришли федеральные агенты в штатском и ненавязчиво попросили показать пальчиком того, кто это делал! И, разумеется, все учителя «не помнили ничего такого», чтобы над Адамом кто-то издевался.

И лишь одна женщина, которой было то ли нечего терять, то ли просто она не могла об этом молчать, рассказала, как в младших классах, в той самой школе куда Адам потом пришёл пострелять, Нэнси (мать Адама) приходила в школу и сидела на уроках на задней парте, чтобы только её сына не обижали. Быть может, эта женщина просто ненормальная и придумала эту историю, чтобы журналисты проявили к ней интерес?

Но тогда следует обратить внимание на другого свидетеля, которому довелось знать Адама уже в старших классах. С еврейским мальчиком, о котором пойдёт речь, была связана достаточно громкая история, пусть и локального масштаба. Впрочем, пока его просто гнобили сверстники, на него никто особо не обращал внимания, даже среди тех взрослых, кому это вроде как положено по долгу службы. И в самом деле, мало ли кто евреев не любит – антисемитов полно даже в самых толерантных районах! Но вот когда ребята увлеклись, раздолбали автомобиль мальчика, и начала разбираться полиция, тут уж замать не получилось, т.к. собственность это святое! Тогда компетентные лица стали расспрашивать юношу: «Над тобой издевались сверстники? У вас вообще происходит такое?» Его ответ был: «Да. У нас это обычное дело». Но, по его словам, как бы тяжело ему ни приходилось, например, Адаму Лэнза было в тысячу раз хуже.

Тогда эту историю замяли. Семья еврейского мальчика, не добившись правды и гарантий человеческого обращения с их сыном, перебралась на западное побережье. Фрагменты его рассказа об издевательствах над сверстником «в тысячу раз хуже» пережитых им самим остались лежать в архивах местной газеты, в которые уже практически никто не заглядывал. И только Адам Лэнза всё время жил с воспоминаниями о том, как с ним обращались, постоянно терзавшими его и без того нездоровую психику.

Какие же выводы были сделаны в американском обществе в результате данной трагической истории? В первые недели после случившегося в ТВ и радиопередачах не было недостатка в психолухах, с типичным для них апломбом всезнаек, умеющих читать мысли умерших, интерпретировавших в фрейдистских традициях взаимоотношения Адама с его матерью Нэнси, которую он убил прежде чем отправиться пострелять в школу.

Другие СМИ тиражировали интервью с отцом Адама, Питером Лэнза. О чём же поведал этот (не считая истории с сыном, разумеется) достаточно успешный по обычным житейским мерам мужчина с ежегодным доходом в четыреста сорок пять тысяч долларов, давно уже сменивший Нэнси (с которой он фактически расстался несколько лет назад) на более молодую женщину? Оказывается, теперь он сожалеет о том, что его сын вообще появился на белый свет. Ведь фамилия Питера тут же напоминает всем про Адама.

Показательно также заявление Питера о том, что издевательства сверстников над Адамом не были «избыточными» и касались только трудностей в общении и походки. Т.е., надо думать, по мнению этого просвещённого папаша, если тебя каждый день обзывают уродом – это не беда, вот если бы физическим пыткам регулярно подвергали, тогда уже перебор!

Впрочем, надо отдать Питеру должное, у него не было иллюзий относительно того, какое отношение он в итоге снискал со стороны своего сына: «Он стрелял в Нэнси четыре раза за каждого из нас: один раз за неё, один за себя, один за Райана и один за меня». Старший (на 4 года) брат Райан, впрочем, также заслужил свою пулю. Когда журналисты попросили его рассказать об Адаме, Райан сказал лаконично: «он был замкнутым задротом».

Ещё более зловещей была реакция карательных организаций типа ФБР. В своих официальных публикациях они призывали школьных учителей и особенно психолухов «проявлять особое внимание» к обиженным и озлобленным на весь мир молодым людям. Можно догадаться, каким окажется в результате такое внимание, учитывая тенденцию психолухов обвинять жертву. Сами они, правда, с их большой любовью к игре словами, называют это «брать на себя ответственность», но смысл, по сути, остаётся тем же. Психолухи, таким образом, толкают жертв на путь интернализации вины, т.е. самообвинения, заставляя человека верить, что он сам своим поведением притягивает на себя все несчастья, свалившиеся на его голову. Тем самым психолухи усиливают у человека чувство собственной никчёмности, погружая его в ещё более глубокую депрессию. Неудивительно, что, придя в свою бывшую школу, Адам Лэнза расстрелял не только директора, но и школьного психолуха!

Особенно яркое выражение такая характерная для психолухов позиция нашла в статьях породистой (римская четвёрка указывает на богатую аристократическую родословную этого сукина сына) психолухи по имени Джеймс Нолл IV. Который, правда, по специальности не психолух, а психиатр (MD), но смысл остаётся прежним.

Он начинает с «отмазывания» психиатрии, которая, по мнению многих обывателей, не пришла вовремя на помощь Адаму Лэнза. И в этом Джеймс Нолл, пожалуй, прав, так как исходя из формальных диагнозов Адама (синдром Аспергера и т.д.) ничто, как говорится, не предвещало.

Следует также признать, он грамотно формулирует образ мысли Адама и других людей, совершающих подобные трагические поступки: «Я несу в себе глубокое страдание. Я взорвусь и передам его вам». Нолл также достоверно описывает черты их психики и (фактически несуществующей) социальной жизни:

«Будучи детьми, они перенесли издевательства или были изолированы. Вырастая, они превращались в одиночек, впавших в отчаяние по поводу своей социальной исключённости. Их описывают как подозрительных, озлобленных держателей обид, демонстрирующих навязчивое и негибкое мышление.

Неудивительно, что у них также были нарциссические черты, и, сталкиваясь с личными проблемами, они обвиняли других. Их взгляд на мир характеризовался восприятием большинства других людей как чёрствых и отвергающих. В результате, они проводили значительное время, лелея свою озлобленность и пережёвывая в уме прошлые унижения. Эти пережёвывания эволюционировали в фантазии яростного возмездия».

Нолл также верно отмечает, что у многих из этих людей была патология мозга и то, что мы называем расстройствами психики.

Но что же доктор может прописать, чтобы подобные трагические события не происходили в дальнейшем? Ответ на этот вопрос он начинает с замечания, что зачастую такие люди не могут молчать о своих грандиозных планах, а потому при первых признаках, как говорится, нужно донести на них куда следует, и там уже ими займутся. Дальше же, как говорится, «Остапа понесло»:

«Бесстрашное и открытое сердце ищет счастье, но готово отпустить боль, фрустрации и то, что оно не может получить или избежать. Открытое и бесстрашное сердце ищет возможности взять на себя ответственность за свой гнев. Оно делает это, учась не экстернализовать (т.е. не переносить вовне) вину, будучи готовым анализировать себя и культивировать ответственность. В конечном счёте, независимо от того, какие биологические и социальные факторы задействованы, мы должны взять на себя ответственность за свой гнев».

То есть, ты живёшь, никого не трогаешь, а над тобой, допустим, постоянно издеваются твои же собственные одноклассники. И что тогда ты делаешь? Правильно, отпускаешь боль и фрустрации и обвиняешь в происходящем себя! А попутно вдохновляешь психопатов, садистов и просто отморозков на дальнейшие подвиги по отношению к тебе и прочим безобидным и беззащитным людям! Изумительно! Bravo, господин психиатр!

Неудивительно, что статью Нолла хвалили на многих христианских сайтах – ведь эта индустрия деформации сознания уже более двух тысяч лет – куда дольше, чем психолухи и психиатры – гадит людям в мозг, пытаясь превратить их в покорных овец, несомненно, в действительности ради чьей-то чисто мирской выгоды. Впрочем, это далеко не единственная подобная религия, в чём можно убедиться, например, послушав другую дорогую проститутку (купленную ЦРУ или ХЗ кем там) – высокопоставленного индийского овоща далай-ламу.

Особенно впечатляет фрейдистский высер господина психиатра относительно проективной идентификации как механизма в данном случае: «Сию я тут и чувствую невыносимую боль, с которой сам не могу справиться. Поэтому дай-ка, думаю, я другим больно сделаю, пусть тоже почувствуют, как мне хреново». Но боль – то откуда берётся в подобной ситуации? Несомненно, она может иметь эндогенные, чисто органические причины, как было, судя по всему, в случае Чарльза Уитмена. Который, кстати, в своей предсмертной записке в некотором роде взял на себя ответственность за свою глиому (он подозревал, что преодолевающие его неукротимые приступы агрессии имеют под собой чисто органическую причину). А толку-то? Если несмотря на это, он убил свою мать и жену, а потом отправился на вышку пострелять в случайных прохожих!

В остальном же создаётся такое впечатление, что г-ну психиатру непонятен смысл гнева как важнейшей социальной эмоции, ориентирующей человека на ответные действия по отношению к тем, кто приносит ему вред. Может, конечно, таким докторам было бы удобнее, чтобы человек, пока ещё маленький, когда над ним систематически глумятся, просто пошёл и тихо удавился, как это сделали 11-летний Карл Уокер–Хувер и 15-летняя Фиби Принс. Как говорится, нет пациента – нет проблемы. Очень удобно, не правда ли? Впрочем, это уже другой вопрос...

Джеймсу Ноллу в значительной мере вторит в своём интервью «Российской газете» Джеймс Фокс, представленный изданием как «один из ведущих американских специалистов-криминологов, профессор права и общественной политики Северо-восточного университета в Бостоне, а также автор 16 книг, посвященных изучению феноменов массовых расстрелов в Америке»:

«В американском обществе существует определенное число людей, которые озлоблены на окружающий мир, полностью им разочарованы, считают свою жизнь разрушенной и не хотят больше жить. Эти люди испытывают недостаток эмоциональной поддержки со стороны семьи и друзей. И решают жестоко отомстить тем, кто, по их мнению, несет ответственность за их неудачи и не дает им шанса справиться с жизненными проблемами. Выбирая между суицидом и кровавой расправой они, как правило, выбирают и то, и другое».

Подобно Джеймсу Ноллу, Фокс, в принципе, приходит к вполне разумному выводу: «Дело не только в оружии» (имея в виду его свободный оборот в США). Однако далее он делает хотя несравненно более гуманное, однако, не менее абсурдное заявление: «Хотя не существует способов достоверно выявить массовых убийц до того времени, как они начнут действовать, нужно всячески поддерживать и вдохновлять тех, кто, по всем признакам, разочаровался в жизни». Вдохновлять на что, простите? Тихо уйти из жизни, не забирая с собой других? Ах, нет, простите, оказывается «Важно вернуть таким людям чувство уважения, предложить дружбу и понимание». Вернуть, говорите? А зачем забирали-то? И если человек не ощущает уважения к себе со стороны других, откуда у него такое чувство-то возьмётся, а? Ещё забавнее, если бы не было так печально, про дружбу и понимание. Интересно, как уважаемый профессор это себе представляет? Никто с этими людьми не хотел дружить, а тут кто-нибудь вызовется: «Видишь вон то ЧМО? Сегодня я с

ним дружу и пытаюсь его понять, а то он перестреляет нас тут всех на хрен!» А может, с них деньги надо брать за то, что с ними дружат? Как там: «Ты на пенёк сел – должен был косарь отдать». О такой дружбе и понимании речь, да?

Впрочем, к счастью, есть в Пиндосии и светлые головы. Специалисты Центра контроля и профилактики заболеваний (расположенного в Атланте, шт. Джорджия) пришли к выводу, что ситуация, когда десятки процентов учащихся школ и колледжей систематически подвергаются издевательствам со стороны сверстников и ребят постарше, представляет собой серьёзную угрозу нации. А потому при всей важности терпимости по отношению к неграм, инвалидам, душевнобольным, геям и лесбиянкам, а также прочим физически и душевно иным, абсолютно недопустимо проходить мимо любых проявлений насилия и унижений человеческого достоинства.

К сожалению, в то время как в США, несмотря на серьёзное внимание к проблеме, ситуация остаётся очень непростой, в России даже само отношение безнадежно далеко от описанного выше просвещенного подхода. Во многих случаях оно похоже на ситуацию, которую описывал в комментарии под новостью о преступлениях Адама Лэнза один американский школьник:

«Я понимаю ситуацию Адама, хотя сам, конечно, так не поступил бы. Надо мной издевались не один год. Я терпел и старался не жаловаться учителям. И только однажды, когда на физкультуре учитель спросил у меня, откуда синяки на руке, я рассказал о том, как меня заталкивали в шкафчик в раздевалке. Но из моей истории не сделали никаких организационных выводов. Физрук только сказал мне презрительно: надо учиться стоять за себя».

Примерно таково «просвещённое» отношение, с которым приходится сталкиваться многим жертвам и их родителям в России и прочих странах на территории бывшего СССР. Вместо моральной, а лучше конкретной организационной поддержки, учителя, школьные психолухи, другие родители и т.д. презрительно советуют пострадавшим записаться в секцию рукопашного боя, дабы там «из хлюпика сделали мужчину». Но можно себе представить, к чему могут вести такие «мудрые» рекомендации, если все дети пойдут в подобные секции совершенствовать свои умения калечить друг друга, нанося удары, которые вполне могут оказаться смертельными! Это же каким моральным физруком по жизни нужно быть, чтобы советовать повышать таким образом ставки в детских боях без правил?!

Кроме того, всегда найдутся те, кто просто по состоянию своего здоровья не сможет интенсивно заниматься. Им тогда придётся выбирать: либо умереть от чрезвычайных, противопоказанных им усилий, либо... стать лёгкой мишенью всех, кому не лень над ними поиздеваться. А кому-нибудь непременно захочется, так как иначе ради чего же они тренировались? Только чтобы защитить себя? Так это неинтересно – никаких удовольствий, только уход от негатива. Поэтому нужно потешить себя, поглумиться над кем-нибудь. Да к тому же, опять-таки, помимо психолухов и прочих, кто уже вовсю наживается на эпидемии деструктивного поведения в обществе, получается выгода для всяких школ рукопашного боя, фитнесов и прочей хрени.

Поэтому тем, кому уже деваться некуда, остаётся только, когда они дойдут до последней черты отчаяния, просто взять ствол и положить на хрен толпу народу... В первую очередь предпочтительно, разумеется, своих обидчиков или тех, кто смотрел, радовался, снимал на телефон, когда их унижали... Пусть теперь родственнички этих восторженных зрителей трупы своих близких на телефон снимают!

Размышляя над этими вопросами, Джонни изумлялся, какой у нас ещё терпеливый народ. И что вы там вякаете, суки продажные, про озлобленность русских?! Если у нас народ, вон, то работает бесплатно, живя впроголодь, на воруё, разбогатевшее на прихватизации, то терпит всё время обидчиков своих! А молодёжь, подростки, когда в депрессию впадают и совсем неспособны становятся, то просто тихо уходят навсегда от жизни такой, шагая с крыши.

История Адама Лэнза вдохновила Джонни написание статьи «Как сделать так, чтобы дети не становились жертвами школьных стрелков». Ведь когда в России стало известно о стрельбе в Ньютауне, сразу же пошли разговоры: а как, мол, у нас будет, если «каждый псих» сможет купить оружие? Джонни же утверждал: главное не это. Просто не надо унижать человека, оскорблять его достоинство. А иначе он ножом, топором, да чем угодно, пусть не многих, одного-двух человек, да убьёт или покалечит. Особенно если деваться некуда, он загнан в угол, а контактировать с обидчиками всё равно приходится.

Омега – самец на тропе войны

Непростые размышления над этими проблемами снова заставили Джонни задуматься о том, как ему отстаивать собственные интересы, когда уже не осталось ни моральных, ни физических сил на конфликты с окружающими. При этом его мысль, привычная то и дело нырять за ответами в прошлое, неожиданно обратилась к периоду юности и даже раньше.

Он и сам нередко удивлялся странностям своего сознания. Например, те годы, когда у него происходило что-то плохое, становились для него «проклятыми», даже сами числа. Ну а поскольку с ним случалось множество неприятностей, получалось, вся его жизнь сплошь была проклятой. Тем не менее, умирать он тоже совершенно не хотел, или просто боялся. 1987 год для Джонни более двух десятилетий был проклятым, так как тогда его состояние ухудшилось, и он получил кучу пугающих диагнозов. Однако

последнее время, как ни странно, этот год для Джонни неожиданно стал хорошим – ведь именно тогда родилась Леночка, благодаря встрече с которой он так много узнал и понял.

Именно этот год вспомнился сейчас ему, точнее, то, как в августе 1987 он лежал в инфекционной больнице со срачкой (шигеллёзной дизентерией). Тогда в одной палате с ним оказался мужик, представлявшийся инструктором рукопашного боя. Джонни не знал, был ли тот настоящим тренером, или таким, каким он сам впоследствии был психолухом, но, так или иначе, проникся к нему уважением. Поскольку Джонни тогда уже отчаялся развить мускулатуру, однако по-прежнему не терял надежды освоить «приёмы», он поинтересовался у «сенсея»: можно ли научиться хорошо драться, не имея большой физической силы?

Тот утвердительно кивнул головой, и принялся подробно рассказывать, как можно действовать, чтобы использовать силу удара противника против него же. Джонни тогда было неудобно просить о наглядной демонстрации приёмов человека, недавно перенесшего серьёзную полостную операцию по поводу кишечной непроходимости (из всех сведений о людях Джонни больше всего запоминались диагнозы, лучше, чем имена!), а потому просто с интересом его послушал, надеясь когда-нибудь найти пособия и попробовать освоить такие техники на практике.

Конечно, этим планам Джонни, как и многим другим благим намерениям в его жизни, коих у него было несметное число, так и не суждено было реализоваться в действительности. Тем не менее, из разговора с тем инструктором Джонни вынес для себя тогда важный вывод: не обязательно пытаться пробить стену силой, особенно если ты немощный по жизни. Стоит попробовать поискать другой, более разумный путь.

Теперь таким инструментом представлялась ему информация. Причём не только та совокупность знаний, которой он располагал, носившая в основном академический характер, а потому обладавшая ограниченной практической применимостью, но также просто житейские сведения о людях, которые могут быть полезны третьим лицам, а потому имеют потенциал использования в качестве инструментов влияния.

Пожалуй, первый успешный опыт такого рода у Джонни относился к такому далёкому теперь году из его детства – 1985. Летом того злополучного года с ним в одном отряде пионерского лагеря находился придурок по имени Саня, который откровенно глумился над Джонни, очевидно, пользуясь тем, что тот не мог набраться смелости дать ему в рожу.

Тогда как раз в стране только пришёл к власти Михаил меченый, и повсюду разворачивался пи***ц, который через считанные годы привёл к гибели великого государства. Однако партия к тому времени в значительной степени уже прогнила насквозь, начиная с головы, где заправляли политшлюхи типа А.Н. Яковлева, до низших звеньев, где было полно карьеристов типа Саниной матери, которая была парторгом элитного пионерского лагеря. (Кстати, Джонни туда брали только потому, что его бабка работала уборщицей в детском саду от той же властной структуры). Джонни как-то по своей детской наивности подумал, что на важную позицию могут брать только действительно достойных по человеческим качествам людей, а потому пробовал поговорить с Саниной мамашей про поведение её сына. Однако та лишь презрительно посоветовала ему больше никогда не заводить об этом речь, если он хочет вырасти во что-нибудь хотя бы отдалённо напоминающее мужчину. Джонни тогда очень расстроился и продолжал терпеть молча.

Но Саня со временем начал переходить вообще всякие границы. В такие моменты Джонни невыносимо хотелось разбить ему морду, однако когда дело доходило до конкретных действий, он сильно нервничал, его начинало трясти, и ничего не получалось. Более того, окружающие не могли не заметить происходящего с ним, и начинали унижать его ещё больше.

Нечто подобное творилось с ним не только в такой ситуации, но, например, на заключительном этапе ответственного футбольного матча в ходе решающей серии одиннадцатиметровых. Джонни разбежался, готовясь ударить со всей дури, однако в самый ответственный момент его нога замирала, словно парализованная, и мячик еле катился в сторону ворот, так что вратарю ничего не стоило его поймать. Джонни было очень обидно, что в итоге его освободили от пробития стандартных положений, тем более учитывая как здорово у него это получалось в ходе тренировок, но ничего не мог с этим поделать, а потому понимал товарищей по команде.

Впрочем, ситуация с футболом в любом случае не была такой невыносимой, как с испугом, возникавшим у него в личных конфликтах. Положение к тому же усугублялось тем, что Джонни лишь много лет спустя узнал, что страх, преследовавший его всю жизнь, является проявлением неизлечимого органического заболевания центральной нервной системы. И, как он узнал благодаря изучению психопатов, количество тревоги в человеке по большей части предопределено и может быть изменено по желанию лишь в очень узких пределах, вопреки тому, что психолухи втирают людям, дабы поиметь с них бабла. Тогда же он был уверен: ему просто не хватало силы воли. По крайней мере, так ему внушала советская пропаганда, жаждавшая поставить всех юношей под ружьё, даже если они не пригодны к этому в принципе и могут служить лишь пушечным мясом. И от этого Джонни ещё больше чувствовал себя тогда слабым, виноватым и никчёмным.

А отморозок Саня пользовался этим, как только мог. В тот день, когда Джонни решил перестать терпеть его наезды, Саня сказал ему: «Если я захочу, ты будешь у меня х** облизывать. Ты такой трус, я тебя презираю!» В ответ на это Джонни неожиданно спросил:

– А ты смог бы пойти против того, кто физически сильнее тебя, или у кого над тобой есть власть?..

– Как?

– Например, когда я был в другом лагере (Джонни, разумеется, это сочинил, чтобы сформулировать свою приманку), там вожатый ничего не разрешал, но все молчали. Так вот, один парень (того вожатого тоже Саней звали, кстати, – не без внутреннего злорадства пояснил Джонни) тогда написал на заборе: «Саша м***к». Ты бы смог такое сделать?

– Конечно! Легко!

– Ага, это ты только так говоришь!

Саня теперь уже обращался ко всем, собравшимся в палате: «Вот увидите: завтра я сделаю такое, что вы все ох***те. И Джонни тогда получит пи***, что мне не верил!»

На следующий день, проходя мимо стендов, где были вывешены портреты пионеров-героев, Джонни обомлел от неожиданности. Изображение Павлика Морозова вступало в орально-генитальный контакт то ли с другим пионером (Джонни не мог быть в этом уверен, т.к. галстука там не было нарисовано – только х** и прочие внешние компоненты мужской половой системы), то ли его отец и дед, вместо того чтобы убить, так с ним решили вопрос. Естественно, Джонни сразу же догадался, кто хуё... пардон, художник – Сане могло хватить ума и фантазии только на нечто подобное!

И теперь Джонни оставалось только в некотором роде повторить подвиг Павлика Морозова... но, разумеется, не в смысле творческого воображения Сани! Джонни отправился в библиотеку. Там работала Нина Борисовна – добрая и трудолюбивая женщина. У неё, подобно многим другим добрым и трудолюбивым людям, жизнь была не очень сладкой – несмотря на все старания, её то и дело обходили другие. Например, несмотря на регулярные внеурочные бдения по партийной линии, партторгом стала мать Сани – хитрая и ловкая женщина «себе на уме», у которой получалось очень складно говорить практически обо всём и находить выход даже из самых сложных ситуаций.

Так уж получилось, что Джонни подружился с Ниной Борисовной. Обычно Джонни не мог серьёзно, систематически заниматься чем-либо, будь то уроки или другие серьёзные дела, однако к собственному удивлению стал засиживаться подолгу в библиотеке, стараясь тщательно подготовить своё выступление на «политической информации» в отряде. Нина Борисовна заботилась о нём, словно о собственном внуке, чтобы его не обижали, а также с удовольствием рассказывала ему разные истории из жизни, благо она много где побывала, повидала не только страну, но и мир (а советскому человеку это было не так доступно, как сейчас, в 21 веке). У них, правда бывали и разногласия, т.к. она пыталась убедить Джонни больше читать художественную литературу, а он в основном проявлял внимание к книжкам про автомобили.

В тот день, войдя в библиотеку и плотно закрыв за собой дверь, Джонни сказал: «Нина Борисовна, как Вы думаете, зачем мы вообще проводим эту политинформацию, если ребята рисуют такие вещи?» Потом, поотпиравшись немного для порядка и получив гарантии, что «никто не узнает», Джонни назвал имя «героя» и получил заверение: «не переживай, будут приняты меры». Ему показалось даже, что Нина Борисовна внутренне просияла, когда поняла о чём сыне речь, но постаралась скрыть улыбку.

В тот вечер Джонни, который целый день прятался на задворках, с ужасом возвращался в палату. Заходя в здание, он почувствовал отчётливую дрожь в ногах, ожидая предстоящей расправы. Однако в коридоре он мог уже вздохнуть свободно, т.к. случайно узнал из разговора вожатой с кем-то из девчонок, что «Сашу оставили на ночь в изоляторе, а завтра он едет домой». Джонни не мог понять, зачем этого здорового балбеса отправили ночевать туда, где обычно лежат больные, но вздохнул с огромным облегчением, словно человек, которому удалось-таки добежать до заветного туалета, тем более пару минут назад он сам чуть от страха не обсрался.

Когда Джонни входил в палату, его снова охватил трепет: «что я скажу ребятам? А если они догадаются?!» Но все вроде были настроены миролюбиво, и кто-то только весело спросил у него:

– Ты в курсе, что Санька-то выгоняют из лагеря?

– Нет. За что?

– Ты разве не знаешь? (Тоном гораздо тише) Он там подрисовал, как кто-то из пионеров-героев х** сосёт!

– (Джонни слегка улыбнулся и приоткрыл рот, изображая сильное удивление)?!

– Не веришь? Ну как хочешь! Завтра убедишься на линейке!

– Зачем он это сделал?

– Как, ты не помнишь? При тебе ж было вчера, он вы***вался, какой он смелый!

– А... Честно говоря, не ожидал от него такого!

(У Джонни с тех детских лет была привычка начинать свою ложь словами «честно говоря» – ведь, по сути, организационные последствия Саниной смелости принесли как раз нужный ему эффект!)

– Я тоже. А ты где вообще был-то?

– В библиотеке. Мне там читать нужно было.

– Ясно. Политинформатор х**в, пропустил самое интересное!

Джонни немного успокоился: очевидно, собеседнику было неприятно то, что Джонни политинформатор, а не что он просто информатор (о чём тот, очевидно, даже не догадывался).

На следующий день утром, как и предполагалось, зачитали на линейке *in absentia* про Саню (Джонни опасался возможного присутствия на линейке, встретиться с ним глазами и всё такое): за поведение, недостойное советского пионера... После завтрака Джонни отправился на дежурство в кабинет

начальника лагеря. Он напросился туда заранее, рассчитав в случае чего пригрозить этим обстоятельством, чтобы его не били, т.к. тогда в любом случае о факте побоев узнают не только вожатая и воспитательница отряда, но и начальница лагеря.

Перед корпусом, где располагалась начальница, Джонни ждала очень неприятная встреча с матерью Сани. Джонни вначале попытался прикинуться, что не заметил её, а потому даже не поздоровался, однако она сурово окликнула его. Когда Джонни подошёл, Санина мать сказала: «Тебе это не поможет. Возможно, когда вырастешь, в нормальном мужском коллективе ты узнаешь, как поступают с доносчиками, но тогда уже будет поздно просить, чтобы тебя пожалели. Подумай хотя бы о том, как ты собираешься пережить армию».

При этих её словах Джонни сразу же вспомнил свои кошмары в шестилетнем возрасте, когда бабка говорила ему: «В армии тебя расстреляют, если ты не успеешь одеться, пока горит спичка». Теперь же, получается, к причинам его практически неминуемой смерти по достижении восемнадцатилетнего возраста добавляются «старослужащие» и «неуставные взаимоотношения» с ними.

От таких мыслей, когда Джонни подходил к кабинету начальницы, его трясло больше, чем вчера, когда он возвращался в отряд. Однако задерживаться он не мог – необходимо было немедленно приступить к дежурству. Его ноги подкосились, когда начальница лагеря спросила: «Ты почему такой испуганный? Что случилось?» Джонни не успел сообразить, что соврать, а потому сказал, как есть: «У меня был неприятный разговор». – С кем? – С Натальей Александровной (так звали мать Сани).

Джонни замер от страха, ожидая следующего убийственного вопроса «о чём?». Однако, к его удивлению, начальница не стала развивать эту тему, и только кивнула: «Понятно». Однако вскоре сказала: «Я хочу у тебя кое-что спросить. Но этот разговор должен остаться между нами. Ты меня понял?» А когда Джонни испуганно промямлил «да», начальница продолжила: «Как ты считаешь, почему Саша это сделал?»

От этого вопроса Джонни стало не по себе. Ему вдруг стало казаться, что начальница знает о подстрекательстве с его стороны. С дрожью в голосе он ответил: «Я думаю, он хотел показать свою смелость, сделать то, на что не решаются другие». Начальница кивнула головой и не стала продолжать разговор, который так напугал Джонни.

Однако через несколько минут у него снова появились основания для опасений. Начальница попросила его выйти на какое-то время. Естественно, у Джонни сразу появились нехорошие подозрения. Как только его выпроводили за дверь, он лёг около неё, пытаясь одновременно слушать и следить то за ногами начальницы (чтобы не убила его дверью или неважно чем, но за то, чем он занимался), то за входом в здание, чтобы никто другой его не спалил. От страха Джонни отчётливо слышал, как бьётся его сердце. Неожиданно у него возникла странная мысль: а что подумают люди, если он сейчас здесь умрёт от страха, т.е. «разрыва сердца»?!

Начальница же не оправдала его параноидальной настрой, и вместо того чтобы говорить по телефону про него, принялась отчитывать на чём свет стоит свою непутёвую дочку. Джонни не преминул интерпретировать происходящее обидным для себя образом: «Небось, знает, кто донёс на Саню, и теперь не хочет, чтобы я сплетни про её семью разносил». Джонни вспомнил разговоры старших ребят про дочку начальницы: кто ей сколько палок кинул и в какой позе.

Когда Джонни выставили за дверь в следующий раз, разговор, очевидно, был если не интереснее, то, во всяком случае, более актуальным для него, однако он смог разобрать из него толком лишь «Наталья Александровна», а также ряд междометий и бранных слов.

К счастью, насчёт Сани и его матери Джонни успокоила Нина Борисовна, встреченная случайно по дороге на обед. Она отвела Джонни в сторону и заверила, что «эта женщина» его больше не побеспокоит. Наталью Александровну увольняют с работы в лагере, а потому она уже уехала на своей машине в Москву вместе с сыном. Кроме того, её сына собирались исключить из пионерской организации, а её саму из КПСС, что в те времена не сулило ей ничего хорошего в плане дальнейших карьерных и вообще жизненных перспектив (разумеется, тогда мало кто думал, что всего через пять лет сама партия закончится). Нина Борисовна же не скрывала своей гордости: теперь она, наконец, будет партторгом лагеря.

Казалось бы, Джонни мог теперь торжествовать: его главный обидчик, а также та, что его породила, благодаря успешно провернутой им комбинации были с позором изгнаны из лагеря. Однако менее чем через месяц, в следующей смене его стала бить ногами девка из другого отряда. И теперь его ситуация была отвратительной и практически безвыходной: он не мог ни пожаловаться кому-либо (ему бы просто презрительно сказали: какой же ты парень на хрен!), ни сагитировать её пионеру-герою х** во рту нарисовать!

Но ещё более мучительным, нежели быстро проходящая физическая боль от побоев, было невыносимое чувство то ли стыда, то ли вины по поводу того, как низко, «не по-мужски» он разрешил проблему с Саней. Это ощущение у него особенно усилилось после того, как Джонни узнал некоторые важные подробности этой истории.

Ведь пока Саня был ещё в лагере, Джонни целый день пребывал в ужасном трепете, ожидая, как тот захочет на прощание расправиться с доносчиком. Как оказалось, напрасно. Не в силах сдерживать своё любопытство, через несколько дней после изгнания Сани из лагеря, практически под занавес смены, Джонни попытался аккуратно поинтересоваться у ребят: а как же Саню-то за жопу взяли? Ему ответили:

«Ты не знаешь разве? Анька же его заложила! Прикинь, этот debil продолжал рисовать прямо у неё на виду, в открытую. Посмотрите, мол, какой я герой! Дорисовался, блин!»

Джонни сразу сообразил, о ком идёт речь. Это была та самая Аня, которая как-то приглашала его на танец. Джонни так и не понял, зачем она тогда это сделала, но в любом случае не это было для него теперь главным.

Аня казалась Джонни в чём-то похожей на него самого. Она была очень милой и доброй девушкой, разве что, подобно многим другим хорошим девушкам, непривлекательной физически. Подобно Джонни, она не могла спокойно смотреть, как что-то разрушают, или когда человека унижают. Правда, по сравнению с ним, Аня была значительно смелее. У неё был давний конфликт с Саней, начиная с того эпизода, когда Саня ломал какое-то маленькое деревце. Аня тогда подошла к нему и спросила: «Зачем ты это делаешь? Ты за свою жизнь хоть один кустик посадил, или ты способен только ломать?» Саня ответил ей грубо:

«Х**и ты до**ась ко мне? Хочешь, я тебе тоже что-нибудь сломаю? Выбирай: руку, ногу, нос... Могу даже всю твою черепушку, если хорошо попросишь! А, ладно, так и быть, не буду, я пошутил, а то обосрёшься ещё сейчас! Ты ведь и без того ошибка природы!» На это Аня сказала ему: «Я тебя не боюсь. И знаешь, я считаю, лучше быть физическим калекой, чем таким моральным уродом, как ты».

С тех пор Саня неоднократно говорил Ане что-нибудь «душевное», например, так: «Да тебя не то что замуж не возьмут, так просто е**ь никто не захочет, ты так и состаришься и умрёшь целкой, старой девой».

А когда Саня принялся раскрашивать портрет Павлика Морозова, Аня просто случайно шла мимо. Видимо, он настолько презирал её, что даже не счёл нужным прекратить своё занятие, будучи уверенным, видимо, что «эта уродина» не посмеет его заложить. В свою очередь Аня, заметив, чем занимается юный «художник», встала в сторонке и наблюдала. Саню, кажется, это начинало бесить. Он повернулся к Ане и сказал язвительным тоном: «Какого хрена ты сюда уставилась? Здесь ничего интересного для тебя нет. Иди в корпус мультики смотреть!» Но Аня на это спокойно ответила: «Мне видней, что для меня интересно. Кстати, я думаю, Марине (старшая пионервожатая) тоже было бы любопытно на это поглядеть...» Кажется, теперь Саня разозлился не на шутку. Он говорил теперь с явной угрозой в голосе, старясь, правда, не повышать сильно голос, дабы не привлечь совершенно неуместное в такой ситуации внимание: «Иди на х** отсюда!... Я понимаю, пацанов блевать тянет, когда они на тебя смотрят, но если ты сейчас же на раз-два-три отсюда не уберёшься, то я с тобой сделаю такое, что твоя мать на тебя без слёз взглянуть не сможет! Я считаю: раз...» Теперь в голосе Сани Аня почувствовала такую реальную угрозу, что решила не искушать судьбу. Она пошла к корпусу, где располагался их отряд. Однако перед тем, как открыть дверь, неожиданно крикнула Сане: «Я-то пойду. А вот ты скоро поедешь домой!...»

Словно почувствовав, что сейчас произойдёт, Саня резко рванулся с места и побежал догонять её. Трудно сказать, что он сделал бы с Аней, если бы её настиг, но ему это не удалось даже несмотря на то, что он был одним из лучших бегунов лагеря – слишком большой был отрыв изначально. Не успев отдышаться после быстрого подъёма по лестнице, Аня быстро заговорила, обращаясь к вожатой их отряда: «Ира, посмотри что Саша нарисовал на стенде...» Та вначале попыталась сказать: «Хорошо, Аня, только потом, ладно? А то мы сейчас тут выступление будем репетировать...» Но Аня, видимо опасаясь встречи tête-à-tête с Сашей, жаждавшим разорвать её на части, не отставала, и неожиданно повторила удивительно твёрдым тоном: «Ира, пожалуйста, пойдём, это очень важно. Ты же не хочешь ждать, пока Людмила Мстиславовна (так звали начальницу лагеря) лично тебе это покажет?!» При этих словах юной собеседницы лицо пионервожатой резко переменялось – оно мгновенно стало очень серьёзным, даже немного испуганным, и они пошли с Аней глядеть Санины похабные рисунки на портретах пионеров – героев.

Таким образом, в то время как Джонни, подставив парня и состряпав на него анонимный донос, скрывался у своей покровительницы, как бы Саня его не нашёл и не прибил, девчонка пошла и всё рассказала в открытую прямым текстом. И хотя ситуация с Саней, казалось, давно уже была исчерпана, мысли о ней по-прежнему преследовали Джонни чувством невыносимого стыда.

А следующей зимой Джонни сильно болел. Ему было так плохо, что он даже не рассчитывал дожить до следующего лагерного сезона. Да и в любом случае не было никаких оснований ожидать, что Саня снова приедет в лагерь, т.к. после такого политически опасного скандала никто просто не рискнёт давать ему путёвку. Тем не менее, Джонни не раз снился примерно один и тот же сон: Он видит себя где-то на задворках большой территории лагеря, у самого забора, загнанным в угол. Так что бежать ему некуда, да и в любом случае не получилось бы, поскольку он стоит на одном месте и не может сдвинуться, будучи парализован страхом. А к нему придвигается Саня и говорит угрожающе: «Ну что, стукачок?..» Джонни просыпался в холодном поту, понимая, что никакого Сани нет, да и не будет больше, но, тем не менее, никак не мог успокоиться.

Теперь же, вспоминая эту историю более четверти века спустя, Джонни, как ни странно, оценивал её совершенно иначе. Он сам удивлялся себе, как тогда, будучи столь наивным и запуганным мальчиком, он сумел провернуть такую комбинацию. Ведь тем летом, по сути, ему удалось опрокинуть врага, против которого у него не было шансов в открытом бою.

Теперь, с высоты своего нынешнего знания, Джонни видел, в чём заключался залог его тогдашнего успеха, если, конечно, здесь применимо это выражение:

– Джонни позаботился об анонимности своего доноса, то есть, чтобы его обидчик не узнал, кто его заложил, а потому не мог расправиться с Джонни. Естественно, неразглашение сведений зависело в данной ситуации от доброй (если в таких делах уместно говорить о доброте, конечно) воли библиотекарши – однако ей не было смысла выдавать Джонни, т.к. он мог в принципе ещё послужить ей информатором в других важных вопросах, касающихся жизни лагеря;

– В качестве агента при реализации своих планов Джонни выбрал Нину Борисовну, умного и влиятельного человека;

– Библиотекарше самой выгодно было потопить (в переносном, политическом смысле, разумеется) мать Сани.

Теперь, много лет спустя, лёжа дома на кровати и вспоминая свои тогдашние «подвиги», Джонни улыбался: им (администрации лагеря) в конце смены нужно было наградить его почётной грамотой... имени Никколо Макиавелли. Джонни было приятно каждый раз в конце смены получать знаки внимания начальства. Многих ребят тогда награждали за те или иные достижения. Но из Джонни спортсмен был, понятное дело, совсем никакой; своими кривыми руками в кружках смастерить он тоже ничего путного не мог, да и знаниями особыми не блистал, ибо приобретать их в те годы ему было лень. Поэтому его награждали «за хорошее поведение», заключавшееся не только в не совершении плохих поступков, но и в своевременном подробном информировании администрации о том, кто и как их замышлял. Каждый раз после церемонии награждения Джонни был очень горд собой, и аккуратно складывал в папочку грамоты, подпитывавшие его хрупкий нарциссизм.

В те годы, правда, в минуты грусти и тоски по поводу своего одиночества и никчёмности, Джонни очень переживал, что больше никак не был способен себя проявить. Однако теперь он умел посмотреть на происходившее тогда с другой стороны. В самом деле, взять хотя бы ситуацию с Саней. Разве Джонни изначально делал ему что-то плохое? Так нет же, этот ушлёпок решил самоутвердиться за его счёт: посмотрите, мол, какой я крутой! А у Джонни не было возможности вступать с ним в рукопашные бои и рисковать потерять остатки здоровья, которого у него не было с рождения. Поэтому он нашёл эффективную управу на Саню в том формате, который был ему доступен.

Кроме того, Джонни теперь сделал из той истории для себя ещё один важный вывод: когда против тебя кто-то совершает вопиющее деструктивное поведение, ты практически точно можешь быть уверен, что так поступают не только с тобой, а потому в принципе объединить усилия с другими пострадавшими. Если только они тебя не предадут потом, конечно – увы, такую возможность также имеет смысл предусматривать.

Воспоминания Джонни о непростом детстве (а, собственно, когда его жизнь была лёгкой?!) прервал звук телефона, сообщавший о пришедшей смс-ке. Сначала Джонни даже было лень тянуть руку к телефону, т.к. он был уверен: на всём белом свете поздравлять с Новым годом его совершенно некому – ведь у него не было ни родных, ни любимой женщины, ни друзей. Небось, под предлогом поздравлений рекламу шлют, спаммеры грёбанные! Вот суки, ничего святого! – подумал он вначале. Но любопытство взяло верх, и Джонни всё же решил посмотреть, кто вспомнил о нём в новогоднюю ночь.

Ах, вот кто... Наверное, этот номер он забудет, только если совершенно выживет из ума. Конечно, её слова поздравления были всего лишь шаблонной рассылкой, и тем не менее они не оставили его равнодушным, всколыхнув старые эмоции. Да, она шлёт это не мне лично, а ещё энному количеству мужиков, исчисляемому многими десятками, это понятно, – подумал Джонни. Но меня-то зачем включать в этот список?! Очевидно, эта сучка собиралась как-то возобновить с ним контакты и продолжать на нём паразитировать. В противном случае ей было бы просто незачем тратить деньги, пусть и мизерные, на поздравительную смс-ку ему.

Теперь у Джонни в голове вертелась злорадная мысль: «Я, значит, сейчас лежу тут и помираю, а эта тварь там рассчитывает, что я её на отдых в Италию какую-нибудь повезу? Ха, оптимистка, б**! Обломайся! Х** тебе по всей роже, а не Италию!» Получалось, она тратила свои деньги, надеясь на нереальный вариант. Во дура! Однако тут же Джонни помрачнел: ведь эта мразота в любом случае уже развела его на такие деньги, по сравнению с которыми одна, две, даже сотня смс – пренебрежимо малая величина. Кроме того, эта гадина даже смс наверняка шлёт за чужой счёт – у Джонни вдруг больно кольнуло сердце, когда он вспомнил, как она на 23 февраля 11 года рассылала поздравления миллиону мужиков за его счёт, соврав перед этим, что у неё украли кучу денег с телефона.

А потом, на Джонни неожиданно нашло озарение. Когда он сопоставил с происходящим слышанные в тот день лекции о животной природе мужчин, перед ним с удивительной ясностью раскрылись те, казалось бы, такие простые и в то же время практически безотказно действующие механизмы, которые применяют психопаты и прочие манипуляторы, дабы паразитировать на ни в чём не повинных людях.

И за примерами таких механизмов и их использования ему не нужно было далеко ходить. Взять хотя бы такой простой факт: Леночка была единственным человеком на белом свете, кто (какие у неё при этом были мотивы – другой вопрос) поздравил его с Новым годом. Получалось, у него вообще не было близких людей, хоть кого-то, кто мог о нём вспомнить в новогоднюю ночь.

А одиночество, особенно такое тотальное и беспросветное – ужасно токсичная вещь. Джонни вспоминал, как пару – тройку месяцев назад он слушал в интернете психолухов Ивана Косождопова и Вилли Петрушкина о том, как переживаемое человеком одиночество вредит его физическому здоровью не меньше,

чем, скажем, две пачки сигарет в день. И даже несмотря на склонность психологов сильно преувеличивать значимость «психосоматических» факторов, в этом был определённый смысл с эволюционной точки зрения.

Ведь десятки, а то и сотни тысяч лет назад уединение охотника в первобытной саванне означало верную гибель. А потому, на протяжении многих поколений стал развиваться адаптивный механизм, когда оказавшись отделённым от людей, человек испытывал сильную негативную эмоциональную реакцию – психический стресс, побуждавший его активно искать контакт с себе подобными. И в такой ситуации, скажем, выброс надпочечниками в кровь повышенных количеств кортизола (одно из физиологических проявлений стресса) был не так опасен (ведь живут же люди как-то и с синдромом Кушинга) как перспектива отбиться от своего стада. Сейчас же, даже когда человек может позволить себе жить как «хикикомори», не боясь при этом погибнуть от голода, холода и диких животных, «прошитые» на аппаратном уровне в нервную и эндокринную систему механизмы не позволяют ему комфортно отрываться от коллектива, в то же время делая его лёгкой добычей социальных шакалов, ненавязчиво предлагающих скрасить одиночество... за определённую мзду, подлинными масштабами которой открываются только тогда, когда уже слишком поздно.

Не мог не вспомнить Джонни и Леночкин альбом с пухленькой шестиклассницей, которая впоследствии, словно гадкий утёнок в прекрасного лебедя, превратилась в ослепительную красавицу. А также то, как они смотрели вместе фильм про чёрного лебедя, как раз вскоре после того как Леночка перекрасилась (за его счёт, разумеется) из блондинки в брюнетку, словно символически демонстрируя таким образом свою тёмную сущность. Примечательно, что её «любимая школьная подруга» Верка, которую она продолжала потихоньку использовать до сих пор, так и осталась в меру упитанной. Зато получила достойное образование и нашла себе высокооплачиваемую работу, на которой ей, в отличие от Леночки, не приходилось раздвигать ноги и открывать рот по нецелевому назначению. Так что Верка могла более спокойно (т.е. не парясь так по поводу своей фигуры) заедать свои душевные проблемы, позволявшие, кстати, той же Леночке по-прежнему на ней паразитировать. Ведь если не принимать во внимание психопатию (социально-деструктивную патологию личности), с чисто житейской точки зрения Леночка была значительно здоровее психически, нежели её подруга. Или, как цинично об этом говорила сама Леночка, намекая на жизненную ситуацию Верки: «Некоторые шли получать психологическое образование, чтобы решить свои проблемы, однако в итоге проблем у них стало ещё больше...»

И, что бы там ни говорили, существ мужского пола практически любого возраста, богатых и бедных, толстых и тонких, вначале всегда будет тянуть к стройным молодым самкам с симметричными лицами и с отношением объёмов талии и бёдер примерно 0,7. Конечно, при длительном общении, когда по-настоящему раскрывается внутренний мир человека, практически любая по внешности женщина или девушка может стать со временем настолько близкой и родной, что никакая кукла с развесистыми губами, искусственными сиськами и тренированной задницей, у которой кроме этого за душой только дырка, её не заменит. Другое дело, что в нашу эпоху нарциссизма, когда многие люди знакомятся в клубах, на улице, на сайтах знакомств или в социальных сетях, человека невольно встречают «по одежке». А дальше не стоит сбрасывать со счетов эффект гало/ореола, вызывающий сильную тенденцию считать внешне привлекательного человека хорошим с моральной точки зрения и также имеющий, по сути, эволюционную подоплёку. Так что у людей с действительно богатым внутренним миром нередко практически нет шансов.

Таким образом, в психике человека есть встроенные механизмы, если угодно, поведенческие атавизмы, целенаправленное воздействие на которые может быть использовано для порабощения его воли, чтобы принудить его действовать даже в ущерб ему самому, но в интересах манипулятора. Это обстоятельство то и дело используется психопатами, а также некоторыми «нормальными» людьми, по тем или иным причинам решившими им подражать. В настоящее же время положение усугубилось формированием целой «индустрии зла»: инструкторы курсов пикапа, НЛП, школ стерв, бизнес – тренеры, коучи и просто психолухи целенаправленно учат одних людей применять такие техники, чтобы эксплуатировать других. Сюда примыкает также орава крепко нечистых на руку шарлатанов и специфических гуру – от того инженера, продающего обиженным мужчинам свои женоненавистнические бредни в социал – дарвинистской оправе, до Юрия Баблана, лидера агрессивной и алчной психосекты системно – векторной психологии.

Деятельность подавляющего большинства таких «учителей жизни» несёт зло: в лучшем случае, если их методы неэффективны, они просто обманывают своих клиентов; в худшем – их ученики ловко используют окружающих, в том числе людей, считающих их своими друзьями и близкими. Кроме того, независимо от результата, вреден сам подход к другим людям, культивируемый такими наставниками.

В то же время, несмотря на несомненный ущерб, наносимый ими многим, их деятельность никто не может запретить. Ведь они не только не нарушают законов, но ещё и платят налоги. Кроме того, своей деятельностью они фактически повышают спрос на услуги психологов, «помогающих» потом жертвам их учеников пережить то, как с ними поступили.

Таким образом, у Джонни впереди была беспощадная информационная и идеологическая война против индустрии обмана, чтобы защитить людей, которые каждый день становятся её жертвами. Но ему теперь следовало использовать свой опыт последних месяцев, когда он пытался общаться на форумах, публиковать статьи и т.д., чтобы стать более авторитетным в глазах своей аудитории. Конечно, он не собирался покупать диплом психолуха, т.к. во-первых, у него не было средств, а во-вторых, был

категорически против финансирования негодяев, наживающихся на тиражировании поддельных документов.

В то же время, основываясь на своём недавнем опыте, Джонни теперь лучше осознавал важность личного примера. Ему было важно продемонстрировать, что он сам не позволяет ни клиническим психопатам, ни просто мразям себя использовать. А те, кто прежде злоупотреблял его добротой, когда он старался дать им шанс вести себя по-человечески, получают по заслугам, и пусть их пример послужит назиданием и серьёзным предостережением тем, кто собирался последовать их примеру.

Джонни прекрасно понимал, насколько ему будет непросто. Ведь приёмы деструктивного воздействия на психику опираются на механизмы, заложенные в жертвах как многими тысячами лет филогенеза, т.е. эволюции *homo sapiens*, так и годами, а то и десятилетиями социального онтогенеза в процессе воспитания и образования.

Поэтому Джонни не собирался ограничивать себя в средствах, коль скоро они помогают ему в решении его задачи. Разумеется, он не собирался действовать так, как, скажем, Адам Лэнза. Джонни вообще был против необоснованного насилия, а тем более против применения его первым. И оно в любом случае ужасно, когда страдают ни в чём не повинные люди, особенно дети, а потому вряд ли может быть оправдано даже самыми благими целями.

В то же время Джонни не собирался стеснять себя мещанскими условностями и даже законами и общественными нормами, если не считал их обоснованными. Наркотики это плохо? Но почему, если не торговать, а просто сделать себе приятно при помощи средства, которое сильно не вредит здоровью? Ах, нет, конечно же, это противоречит устоям! Ты *должен* провести всю жизнь в крысиных бегах наперегонки со стадом таких же леммингов, где победитель загребает всё, а проигравший умирает в нищете, окружённый всеобщим презрением! Власть заботится о здоровье всего населения? Так это просто пи**ёж, как убедительно показывают трагические судьбы многих бедных людей, умирающих от вполне поддающихся лечению в наше время болезней.

Джонни собирался проявить себя как образец самодостаточности, чтобы никто не мог паразитировать на нём, эксплуатируя его одиночество. Конечно, психолуки могут сказать о том, как одиночество вредит здоровью. Но не следует смешивать социальную изоляцию и одиночество как негативный аффект по этому поводу. Раз окружающие не в состоянии понять, принять и тем более оценить твою неординарность, приходится учиться быть самому себе хорошим другом.

Конечно, в подобных случаях обыватели начинают рассуждать про то, как стакан будет некому подать. Но зачем эта фальшь? Попробуй реально серьёзно заболеть, без особых шансов, при живых родственниках! Так они доброго доктора позовут, он укольчик сделает – и уснёшь ты вечным сном, как «усыплённая» старая хромая собака, которая стала слишком много неудобств доставлять своим хозяевам! И ведь какой удобный эвфемизм люди придумали для обозначения причинения смерти тем, кого они приручили!

Конечно, чисто теоретически возможен вариант, когда тебе ещё можно помочь, а просто рядом никого не будет, но, с другой стороны, если у тебя особо средств нет, то на хрен ты нужен медикам задаром тебя откачивать?! А потом, если ради одной такой возможности провести всю жизнь с людьми, считающими тебя ничтожеством, не факт что жизнь удастся продлить в итоге.

Джонни также вспоминал, как его мама переживала за него, когда он начинал разговаривать с самим собой, «Хрюшка беседует с умным человеком», как она это называла. Мол, у Хрюшки крыша совсем поехала. Но сам Хрюшка мог теперь на это взглянуть и с другой стороны. Например, принято считать, что психотиком быть хуже, чем невротиком. Мол, более серьёзная патология, значительно меньший контакт с реальностью. Но с другой стороны, если собеседник невротика не отвечает, невротик может сильно расстроиться: «Как же так?! Меня игнорируют!» Шизофреник же – не такой, который благодаря своим таблеткам давно в ремиссии, а классический, в полном расцвете своего расстройства, – в собеседнике и обратной связи от него особо не нуждается. И, кстати, речевой поток прёт из него без лишних рефлексий о том, как окружающие это воспримут. Так что, как говорится, всё относительно.

В общем, как бы там ни было, Джонни придётся теперь учиться быть себе любимому единственным полноценным другом и собеседником, так как других у него, скорее всего, просто не будет. За исключением, конечно, тех, чьи материалы он будет слушать из интернета. Правда, с ними коммуникация будет по необходимости односторонней, поскольку многие из них уже умерли, как в случае деда с женским именем, от которого Джонни так много узнал, а общение с другими невозможно по пусть не столь абсолютной, но всё же достаточно веской причине, чтобы не пытаться установить контакт с ними.

Единственным исключением, пожалуй, могла бы стать переписка с восторженными и благодарными читателями, однако рассчитывать на это не приходится, а впадать в эмоциональную зависимость от такого ожидания было бы тем более глупо.

Впрочем, Джонни теперь приходилось быть себе не только хорошим другом, но и прекрасным любовником. Недавно он снова открыл для себя такую замечательную вещь, как фетиш. Конечно, на самом деле это была его ещё подростковая фиксация. Однако до последнего времени он не отчаивался найти себе женщину, а потому опасался, что его партнёрша, скорее всего, будет не в восторге от его, скажем так, склонности. Теперь же, когда он оставил надежду найти себе пару, можно насладиться исследованием изумительных возможностей сделать себе приятно.

Конечно же, с точки зрения психолухов это патология. Однако на самом деле, парафилия парафилии рознь. Разумеется, педофилия, например – это ужасно, т.к. ребёнку она ничего хорошего не даёт, зато имеет все шансы остаться неизгладимым кошмаром в психике на всю жизнь. И вообще, плохо всё, что связано с принуждением и унижением достоинства другого человека.

А от специфической склонности Джонни ни больных голодных детей больше не становится, ни озоновая дыра не растёт.

Конечно, завистливые умники, которым приходится не только оплачивать ипотеку и кредит за фورد – фокус (ибо даже в эпоху транспортного коллапса им без машины не дают), но и абсурдные материальные запросы своих куриц, любят порассуждать про «это не то». Но в действительности, если не собираешься растить детей, нет подлинной душевной близости, взаимопонимания, того, что делало бы твоё присутствие в жизни другого человека действительно осмысленным, секс – всего лишь один из способов стимуляции определённых рецепторов. И если ты научился это хорошо делать сам, то почему нет?

Зато теперь ни одна шлюха даже при своём желании не сумеет больше им манипулировать как другими, вызывая звериную похоть. Нет, конечно, она могла бы сделать из него самого настоящего раба, если бы знала про его фетиш и умела разыграть соответствующий спектакль так красиво, как те девки из роликов в интернете, но ведь он же ей не расскажет, верно? Впрочем, при том уединённом образе жизни, который теперь вёл Джонни, ему это в любом случае не угрожало, так как никто о нём попросту даже не знал. Тем не менее, ему всё равно было приятно отметить факт собственной независимости и самодостаточности даже в интимных вопросах.

Ведь при новой его аутоэротической технологии сами по себе женщины его не особо не заводили. Девки, которых он смотрел в процессе своих оргий, выполняли специфический ритуал, связанный с определёнными предметами, игрушками, если угодно. Он даже мог позволить себе не привязываться к конкретным актрисам благодаря доброте и щедрости его единомышленников, ежедневно заливавших тысячи роликов на youtube и в социальную сеть «В контакте». Джонни только бесили (ну ладно копирасты – их логику хотя бы можно понять) святоши грёбанные, отмечавшие 18+ ролики, в которых одетая тётка просто выполняет определённую последовательность действий, где даже половой акт не имитируется! В результате Джонни приходилось каждый раз пароль вводить, чтобы посмотреть особо смачные материалы. Вот ведь не лень же долбаным святошам отмечать крамольные ролики, время тратить!.. Нет, понятно, конечно, они надеются, что у них вечная жизнь впереди... Но в действительности-то, вас на***ли просто, ребятки, и когда вы содохнете, ваш труп просто разложится (если его не кремируют, конечно), и нет там никакой души. И бог ваш – фикция, которую вам продают священники – мозг***бы с многовековой историей, каким не было равных, пока не появились психолухи! Короче, попы и психолухи дружно берутся за руки и идут на х** со своими представлениями о грехе и праведности, о норме и патологии! А продвинутые люди делают себе приятно так, как считают нужным!

Примерно таковы были воспоминания и мысли Джонни в тот вечер непосредственно перед Новым годом. Он ответил на поздравления Леночки, пожелал ей всего наилучшего в Новом году, и в ответ получил её новую рассылку: «Большое спасибо. Я очень рада получить твои поздравления. Мне очень приятно» или что-то в этом роде. Казалось, теперь Джонни, которому стало лучше по сравнению с прошлой ночью, может в кои-то веки встретить Новый год с хорошим настроением.

Но не тут-то было! Джонни вдруг вспомнилось, как эта сучка вела себя по отношению к нему в уходящем году, а до того в предыдущем; о том, как она, наверное, внутри относилась к нему, как могла отзываться о нём в разговоре с другими людьми... И тут его накрыло. Он злобно подумал: «Ты очень рада? Ничего, мразь! Придёт время, и ты у меня, сука, будешь пятый угол искать в своей никчёмной жизни, чтобы забиться туда и поплакать. И тогда тебе даже твой скулёж по поводу любовника покажется праздником! Впрочем, Джонни не собирался мстить ей лично – он считал себя выше этого. Слишком много чести для мелкой сошки! Ведь она, как говорили друзья её любовника, всего лишь мелкая сошка. Джонни будет просвещать людей, чтобы те, кому доведётся встретиться на своём жизненном с ней, с другими психопатами, или с теми, кто просто ведёт себя подобным образом, знали, как поступить.

Джонни поднялся. Нет, в таком возбуждённом состоянии он уже не сможет спать. Тем более с этими всеми салютами и ором за окном в Новогоднюю ночь. К тому же, этот праздник, приносивший ему когда-то в детстве столько радости, а теперь ставший для него таким чужим, его просто бесил.

Он подошёл к компу и залез в каталог ресурсов для спама педофилов – чуть ли не единственное место в интернете, где его пока ещё не заблокировали и не заблокируют – и принялся оставлять ссылки на свой сайт. Конечно, Джонни не испытывал особых симпатий к растлителям детей. Но в данном случае действовал по принципу «ссылки не пахнут». Он просто не знал, как ему ещё иначе раскрутить свой сайт, на который по-прежнему практически никто не заходил. А для бота гугла, видимо, не было запретных тем. Да и потом, если корпорация гугл на своём сервисе youtube рекламирует мошенников из форекса, чем эти паразиты по жизни лучше педофилов?

Так Джонни встретил Новый год – возможно, последний в его жизни, учитывая его состояние здоровья, – в котором он собирался продолжать, пока есть силы, свой решительный бой против сил зла.